

СЕРГЕЙ АБРАМОВ
•
КАНАТОХОДЦЫ
•

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Сергей Александрович Абрамов

Канатоходцы

OCR Xac

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129557

Канатоходцы: Роман, повести: Центрполиграф; М.; 1997

ISBN 5-218-00423-5

Аннотация

В этот сборник С. Абрамова вошли фантастические произведения о будущем, о глобальных проблемах, захватывающих целые планеты, звездные системы и галактики.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	21
Глава 2	31
Глава 3	40
Глава 4	49
Глава 5	57
Глава 6	64
Глава 7	70
Глава 8	87
Глава 9	100
Глава 10	104
Глава 11	109
Глава 12	114
Глава 13	120
Глава 14	129
Глава 15	136
Глава 16	144
Глава 17	155
Глава 18	166
Глава 19	178
Глава 20	187
Глава 21	195
Глава 22	201

Глава 23	215
Глава 24	224
Глава 25	237
Эпилог	244

Канатоходцы

Сергей Абрамов

Канатоходцы

Классическая

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

МОСКВА ~ 1997

Пролог

1

Красный глазок над дверью мигнул и погас. Ли подвинул кресло к пульту и включил микрофон внешней связи.

– Младший блок-инспектор Ли Джексон к смене готов.

На светящихся экранах над пультом появились расплывающиеся зеленые полосы. Ли подкрутил верньер настройки. Полосы исчезли, и четкий металлический голос произнес:

– Блок номер триста семнадцать. Двадцать часов ноль-ноль минут по меридиональному времени. Восемьсот шестьдесят каналов под контролем блока.

Ли, довольный, откинулся в кресле. Вот и началось его первое самостоятельное дежурство. В специальном отделе Системы с новичками долго не церемонятся. Краткий курс теории механического контроля сна, два сеанса гипнопедии, отведенных на заучивание Библии Спящего Человека или Всеобщего Каталога снов и час практической демонстрации аппаратуры. Только вчера старший инспектор Бигль показал ему весь подконтрольный им механизм аппаратной, а уже сегодня Ли сам сидит перед пультом. Конечно, обязанности блок-инспектора не так уж сложны: просматривай сны, ото-

бранные автоконтролем как отклонения от каталогических норм, и сообщай о них начальству. А уж кто прав и кто виноват, без него разберутся.

За спиной Ли почти бесшумно открылась дверь.

– Привыкаешь, сынок? – спросил вошедший Бигль.

Он был высок, грузен и малоподвижен, как бросивший спорт тяжеловес. Ему было явно жарко в его черном инспекторском мундире.

– Я посижу у тебя немного, ладно? – прибавил он.

Ли согласно кивнул. Ему нравился Бигль, его ободряющая улыбка и добродушная интонация в обращении. Вот и сейчас Бигль добродушно пожаловался:

– И чего это людям не хватает? Ложишься спать – загляни в Каталог. Выбери что-нибудь по вкусу и спи на здоровье. Хочешь из классики что-нибудь про аборигенов или про гангстеров, хочешь про супермена или про наших парней с Проклятого Шара – пожалуйста! Хочешь стриптиз какой-нибудь или спортивную драку для полировки крови – тоже не возражаем. Хочешь музыки – только выбирай: в Каталоге снов все джазы с сотворения мира подобраны. Набери индекс на сомнифере и смотри до утра. Так нет – им обязательно запретное подай!

– А скажите, сэр, – в наступившей тишине вопрос Ли прозвучал неожиданно громко, – как появились эти сомниферы? Откуда? Нам в школе о них не говорили.

– В школе, – насмешливо повторил Бигль. – Какой дурак

будет писать об этом в учебниках? У нас не любят подробностей о прошлом. Ты что же, думаешь, Система Всеобщего Контроля существовала всегда?

Ли так не думал. Его вообще не волновал этот вопрос. Он вырос в обыкновенной семье, учился в обыкновенной школе, по обыкновенным учебникам и обыкновенным программам. Мир удалось отстоять от так называемого Свободного Содружества только потому, что власть вовремя взяла в свои руки Система Всеобщего Контроля, созданная миллиардерами. Учебники называли эти слова, не раскрывая их смысла и скупно говоря о том, что разрозненным силам «свободного мира» удалось объединиться лишь тогда, когда его влияние, к сожалению, уже было утрачено почти на всех континентах. С тех пор, как утверждали педагогические компьютеры, заменившие преподавателей в начальных и средних школах, начался период счастья и благоденствия народа, основанный на электронной заботе о его мышлении и поведении. Ли даже не подозревал, что сам является винтиком этой машины, и честно считал, что сомниферы столь же необходимы человеку, как телеинформация и телесыск, электроли и видео, автоматическая гипнозарядка с утра и радости синтетической кухни. Сомневаться в полезности сомниферов казалось столь же бессмысленным, как и не признавать, скажем, реле искусственного климата.

– Все это так, сынок, – участливо заметил Бигль, – верно, но не полно. Нам с тобой о сомниферах положено знать

больше. – Он, кряхтя, полез в задний карман брюк и вытащил засаленную синюю книжку в твердом пластиковом переплете. – Посмотри на букву «с» – сомниферы.

Ли взглянул на обложку. Выцветшее золото букв сообщало: «Инструкция для старшего персонала блоков СВК». И чуть ниже, помельче: «Секретные материалы».

– «СОМНИФЕР, – прочел Ли, – прибор – транслятор снов. На входы прибора поступает программа, откорректированная по Всеобщему Каталогу снов. Сомнифер дает направленное излучение, действующее на кору головного мозга. Рассчитан на непрерывное восьмичасовое действие. Изобретен в конце прошлого века Джакомо Секки, впоследствии одним из основателей и директоров фирмы „Сны на заказ“. В политической борьбе сомниферизация стала программным лозунгом победившей и находящейся ныне у власти партии. Фирма Секки со всеми ее гипностанциями переходит в собственность государства, превращаясь в один из важнейших рычагов Системы Всеобщего Контроля. На территориях так называемой Свободной интеграции запрещено...»

– Разные сны бывают, – сказал Бигль поучающе, – можно и по каталогу заказать, а потом повернуть по-своему. Скажем, президентские выборы. Порядок! А они закажут выборы какого-нибудь «свободолюбца». Были и такие в нашей истории...

Бигль не кончил. Осветился экран внешней связи, и мо-

лодой женский голос произнес:

– Шеф вызывает старшего блок-инспектора Бигля.

– Бигль слушает.

На экране появилось огромное, одутловатое лицо шефа.

– Как с двадцать третьим, Бигль?

– По-прежнему, шеф. Опять не включил сомнифер. Блок триста семь контролирует сон. Картины детства... старая женщина... ребятишки в вишневом саду. Какие будут приказания?

– Включите в список. Как его?

– Доктор Стоун, сэр.

– Зайдите ко мне.

Экран погас. Ли остался один. Честно говоря, он так и не понял, о чем шел разговор, видимо очень важный, если проявляет свою заинтересованность шеф. Доктор Стоун? Ли никогда не слышал этой фамилии.

2

Неоновая девица над входом в бар, периодически загораясь, сбрасывала с себя остатки одежды. Огненные буквы вспыхивали на черном стекле и фейерверком осыпались на горячий от зноя асфальт. Ли долго пытался понять этот оптический фокус, но, так и не разгадав его, подошел к двери и заглянул в ее большое, чистое и прозрачное, как воздух, стекло. Ему очень хотелось войти в зал, протолкаться к то-

му пустому столику около эстрады, который он заприметил, стоя у двери. Но он боялся. То был слишком фешенебельный для него ресторан: сюда приходили вернувшиеся из рейса космонавты, инженеры с рудников Второй Планеты, суровые отпуски с Луны. Он был не похож на пестрые забегаловки окраин Мегалополиса.

– Что задумались? Входите. – Чья-то рука легла ему на плечо.

Ли обернулся: на него ласково смотрел высокий рыжеволосый мужчина в черном селеновом свитере. Он ободряюще усмехнулся и подтолкнул Ли к двери:

– Пошли.

– Меня не пустят, наверное, – неуверенно проговорил Ли.

Вместо ответа, незнакомец взял его под руку и открыл дверь. Эскалаторная пластиковая дорожка подвела их к залу.

– Хотите получить свои семь фунтов под килем? – весело спросил незнакомец.

– Семь футов? – не понял Ли.

– Это же название ресторана. Разве не слышали? Старое напутствие морякам, отправляющимся в плавание. Семь футов под килем – достаточно, чтобы не сесть на мель.

Незнакомец молча провел Ли по залу как раз к тому столику возле перламутровой раковины эстрады, который Ли увидел сквозь дверное стекло. Неизвестно откуда возникший метрдотель услужливо подвинул стулья.

– Мне, как всегда, «Рид», – сказал незнакомец. – А мо-

лодому человеку – «Семифутовый». Он у вас впервые. Коктейль специально для юношей, которые хотят вкусить радостей жизни.

Ли не ответил. Радости жизни, о которых иронически намекнул его спутник, уже начинались. С музыки, неизвестно откуда звучащей и наполнявшей все его существо. С мигания мерцающих огней в воздухе, то вспыхивающих, то погасающих, то внезапно сменяющих цвет прямо над головой. С пения невидимого хора, доносившегося с пустой эстрады. Звуки томили, будили, звали, спрашивали о чем-то волнующем и сладостно непонятном.

– Вы что-нибудь чувствуете? – спросил незнакомец. – Радость, да?

– Откуда вы знаете? – спросил Ли.

– Нетрудно догадаться: в этом кабаке хорошая гипноустановка.

– Обидно. – Ли смущенно посмотрел на своего визави. – Не люблю, когда мне навязывают чужую волю.

– Я тоже не люблю. Увы... Но не принимайте все это так близко к сердцу: таких «мальчишек», которые здесь «влипают» и, главное, стремятся к этому, в одном только нашем городе десяток миллионов. А сколько их в стране, ошарашивленной Всеобщим Контролем!

– Что вы подразумеваете? Я вас не понимаю, – спросил Ли.

– Неужели? – засмеялся незнакомец и нарочито гнусаво

пропел знакомые каждому пошловатые строки: – «Сколько наслаждения свыше всяких мер... вам, как провидение, дарит сомнифер!» Этот оплаченный государством рифмач, по моему, очень точно сформулировал отпущенные нам радости жизни.

Ли все еще не понимал: при чем здесь сомниферы? Неужели этот чудак ставит их рядом со здешней псиустановкой?

– Чему вы улыбаетесь? – спросил незнакомец.

– Простите, сэр, – начал было Ли, но тот перебил его:

– Зовите меня Док. Так меня все называют.

– Хорошо, Док, – согласился Ли. – Я только хотел сказать, что сомниферы и гипноустановки – совершенно разные вещи.

– Технически, – улыбнулся док.

– Не только технически, – с горячностью возразил Ли. – Гипноустановки одурачивают людей, а сомниферы действительно украшают жизнь, делают ее более интересной.

– Милый мальчик, – грустно сказал незнакомец, – вы нелогичны, но это от молодости. Если жизнь недостаточно хороша, то зачем же улучшать ее только во сне?

Ли подумал немного и не согласился.

– Это же развлечение, как и телекс! – воскликнул он.

– Телекс можно выключить, а сомнифер – нет! Вот и смотри до утра навязанный тебе сон. Или чужую волю – ваше выражение, юноша.

Ли задумался в поисках возражения.

– В конце концов, я сам могу придумать сон.

– И станете сонником.

– Да нет же! – Голос Ли даже зазвенел от обиды. – Кое-кто, а я – то знаю! Сонники смотрят запрещенные сны.

– А какие сны запрещены? – лукаво спросил Док.

– Каталог разрешает президентские выборы, а они заказывают выборы какого-нибудь «свободолюбца», – робко повторил Ли слова Бигля.

Док засмеялся.

– Какого именно? – спросил он.

– Их много было, – неуверенно сказал Ли.

– А все-таки?

– Нас не учили...

– Не знаешь, – сказал Док. – И никто из вас не знает – не учили. А кто знает, молчит. Странное у нас время. Вечером гипномюзика, ночью гипносон. Сомниферы, мой мальчик, – это фон трагедии народа, ее социальный пейзаж. Расскажите о сомниферах жителю другой планеты, и ему сразу станет ясно, в условиях какого общественного строя все это происходит и до какой духовной нищеты дошел этот строй. А пока прощай, – вдруг оборвал речь Док, – мне пора, а ты посиди еще, если хочешь.

Он расплатился и ушел.

– Кто это? – спросил у метра Ли.

– Доктор психологии Роберт Стоун, – почтительно сказал

тот. – Хороший человек, только со странностями.

3

Ли посмотрел на часы: хорошо, что дежурство кончается. Он устало потянулся в кресле, закрыл глаза.

И снова в который раз перед ним возникло грустное лицо Дока. «Странное у нас время», – сказал он. Почему странное?

Ли машинально повернул верньер настройки экрана координационного центра. Изображение еще не возникло, но звук уже был: в привычной тишине блока раздался негромкий, так хорошо знакомый голос:

– Я к вашим услугам, сэр. Спрашивайте.

Изображение прояснилось, и сквозь розоватую дымку экрана Ли увидел огромный кабинет шефа и его самого за старинным, нелепым в этом царстве модерна столом, а напротив в овальном кресле – высокого рыжеволосого человека, который так внезапно и так тревожно ворвался в жизнь младшего блок-инспектора. Почему он возник в кабинете шефа? Что случилось? Ошибка диспетчера, забывшего выключить внешнюю связь, или заранее продуманный акт? Показательный допрос – Ли слышал и об этом. Но при чем здесь доктор Стоун?

– Вы, конечно, догадываетесь, зачем сюда вас пригласили, – начал шеф.

– Привели, – поправил Стоун.

Шеф поморщился: он не любил резких определений.

– Допустим, – сказал он. – Назовем это так. Сами бы вы, наверное, не пришли.

– Не пришел бы, – усмехнулся Док. – Но я понимаю причину вашего «приглашения».

– Почему вы не включаете сомнифер?

– Он вреден для здоровья, – вежливо заметил Стоун. – Частое пользование сомнифером приводит к расстройству гипногенных систем. Вы не интересовались причиной роста психических заболеваний за последние годы?

– Кому, по-вашему, я должен верить: светилам современной медицины или заштатному эскулапу, возомнившему себя спасителем человечества?

– Я бы поверил заштатному эскулапу, – засмеялся Стоун. – Хотя бы потому, что он вас не боится.

– Действие сомнифера проверялось электронной машиной. По-вашему, она тоже боялась?

– Боялись программисты. Нужный ответ машины всегда можно обусловить заранее.

– Кокетничаете смелостью? Зря.

– Это не смелость. Это уверенность в своей правоте.

– И эта уверенность находит поддержку? У вас есть единомышленники, вероятно «сламисты», да?

– Любой порядочный человек найдет в «трущобах» единомышленников.

– Откровенное признание, Док, – засмеялся шеф. – Вы облегчаете нашу задачу. Но «слам» не однородная политическая организация. Это партия смутьянов, подключившая к себе всех недовольных, в том числе сонников и студентов-многознаек. К кому же вы себя причисляете?

– Вы ошибаетесь, сэр. «Слам» не партия и не парламентская оппозиция. «Слам» – это крик души народа, вопль ненависти к рабству, которое вы возвели в ранг государственного строя. У меня единомышленников больше, чем вы думаете...

– Выключить! – закричал шеф. Рука его нервно шарила по столу.

– «Я плюю вам в лицо... и та половина мира слышит меня!» – Доктор успел произнести строки какого-то стихотворения.

Но рука шефа уже нащупала тумблер, экран вспыхнул зеленым светом и погас.

– Передача прекращается по техническим причинам... по техническим причинам, – повторял диспетчер, словно убеждая себя в правдивости официального сообщения.

Ли тупо смотрел на потухший экран. Мыслей не было. Только одна еще так недавно непонятная фраза звучала в ушах: «Странное у нас время».

Бигль весело насвистывал что-то, искоса наблюдая за Ли, молча сидевшим у пульта.

– Включаю информационную запись блока, – сказал Ли.

На экране появилась диспетчерская космического корабля, и металлический голос произнес:

– Канал номер семьдесят три. Первая экспедиция на Вторую Планету. Космический корабль «Реджинальд» попал в метеоритный поток.

– Конец прошлого века, – сказал Бигль. – Гарроу тогда бы не выбрался, если б не корабль «Содружества». Какой дурак это смотрит?

Ли нажал клавишу на пульте. Металлический голос снова заговорил:

– Номер шестьсот семьдесят три. Айвен Лоу, студент Харперс-колледжа.

– Студент, – удовлетворенно протянул Бигль. – Я так и думал. Возьму-ка его на заметку.

Ли неприязненно посмотрел на Бигля и выключил экран. Откинувшись в кресле, закрыл глаза: мучительно хотелось спать.

– Что с тобой, малыш? Заболел? – услышал он встревоженный голос Бигля.

– Я слушал вчерашний допрос, – сказал Ли. – И я знаком

с доктором Стоуном.

– Плохо, – задумчиво произнес Бигль, – совсем плохо.

– Что с ним сделают? – спросил Ли.

– Что надо, то и сделают, – сурово сказал Бигль и, заметив состояние Ли, прибавил с былой ласковостью: – Иди-ка, малыш, отдохни. А я покараулю твоих подопечных.

Оставшись один, он долго смотрел на дверь, словно пытаясь увидеть за ней Ли, медленно бредущего к выходу, потом грузно уселся в кресло юноши, подумал и недрогнувшей рукой включил микрофон.

– Старший блок-инспектор Бигль вызывает шефа.

На экране возникло желтое лицо начальника Главного управления Системы.

– Что случилось, Бигль?

– Довожу до вашего сведения, шеф, о нелояльном поведении младшего блок-инспектора Джексона.

– Из новеньких?

– Да. Недоглядели. Встречался с доктором Стоуном, шеф.

– Как разоблачили? Сомниферы?

Биглю не хотелось рассказывать.

– Сомниферы, шеф.

– Полезное дело. Но вы переросли его, Бигль. Вчера на заседании Совета олдерменов решено передать вам руководство общественной безопасностью всего континента. «Слам» становится силой, которую все труднее держать в узде.

– А Тейлор? – спросил Бигль, помолчав.

– С него хватит и контрразведки. Через час я вызову его вместе с вами. А с мальчишкой – по тридцать пятому параграфу. Придется изолировать.

Бигль выключил микрофон и подошел к окну. Далеко внизу маленькая фигурка Ли пересекала улицу по ажурному мосту. Вот она уже потерялась в толпе.

«Придется изолировать», – вспомнил Бигль и вздохнул: «Боюсь, что это нам не удастся».

Глава 1

в которой Лайк учится ходить

Я тысячу тысяч раз видел это серое небо над Городом – низкое и влажное, как нависший над головой полог походной палатки. Я тысячу тысяч раз слышал душераздирающий визг монорельсовой дороги, грохот электрокаров, лязганье турникетов таможни, въедливый шепот рекламных аппаратов и поверх всего, владыкой этого странного, сумбурного, сумасшедшего, гремящего мира, ровный голос диктора: «Рейсовый Вторая Планета – Луна – Главная – Мегалополис совершил посадку на девятнадцатой полосе сектора В». Я знал наизусть запахи пота и косметики, бензина и табака, виски и машинного масла – запахи Города, сотен людей, механизмов, дыма, гари, пыли – черт знает чего еще!

Я тысячу тысяч раз видел все это, слышал все это, обонял, чувствовал, наслаждался и проклинал. Тысячу тысяч раз я шел по горячему бетону космопорта к свистящим магистралям Города – к почету, к деньгам, к славе, к новым друзьям и новым врагам, к опасности, к ежесекундной готовности собраться, отразить нападение. А то, что над дверями постоянно мигает красный сигнал, что ж, привычное дело,

не впервой. Если опасно измерять в каких-либо единицах, например «дейнджерах», то в моем случае число этих самых «дейнджеров» давно перевалило за норму.

Красивая цифра – тысяча тысяч! Она рождает память, набитую до отказа информацией, всякой – полезной и хламом. Но, увы, это не моя память, чужая, подаренная мне безвозмездно фотографиями, фильмами, цветными телеэкранами и, главное, живыми людьми, очевидцами – без волокиты: мнемозапись непосредственно на мои центры памяти. И вот вам фокус: человек, ни разу не подъезжавший к Мегалополису ближе чем на тысячу миль, становится чуть ли не коренным его жителем – с его знанием города, людей, их нравов, привычек, маршрутов и развлечений.

Словом, я никогда не был в Мегалополисе, и я знал его так же хорошо, как и свой родной город. Вот почему цифра «тысяча тысяч» ничуть не преувеличение. Я действительно все здесь видел, слышал и обонял, или кто-то там за меня, прежде, какая разница? Мою биографию мне предоставили так же любезно, как и память. И она тоже – как и память – была чужой, хотя и настоящей, начавшейся в порту Луна-СВК, а еще задолго до этого в маленьком городишке на севере материка в семье благопристойных родителей, не моих – моего двойника, кто считался отменным пилотом на внутренних лунных рейсах.

Мое настроение несколько не способствовало желанию побеседовать с таможенниками в форме Системы Всеобщей

го Контроля. Всему свое время. Тем более меня все равно даже не выпускают из космовокзала без их лиловой отметки в паспорте. Время у меня есть, деньги тоже, а жаркая погода располагала к хорошей выпивке. Вот почему я решительно прошел мимо дверей таможни – стыдливое название местного охранного отделения – и направился в бар, где торчало уже с десятков бездельников.

Мой космолет приземлился довольно рано, бар в эти часы был почти пуст: седоватый крепыш на соседнем табурете, какая-то парочка за столиком в углу, парень в зеленой куртке флиртует с барменшей – зеленоволосое создание с глазами на пол-лица, еще трое парней насилуют игральный автомат: им явно не везет, и невезение здорово окрасило их лексикон.

Сквозь стеклянные двери бара я вижу пустой зал ожидания: киоски с парфюмерией, сигаретами и печатной продукцией гигантского города. Вот что мне нужно – свежая газета, свежие новости: я без них просто жить не могу, без свежих новостей. И продаст мне их милая девушка, блондинка, похоже натуральная, впрочем, с такого расстояния не разберешь. Продать-то она мне их продаст, но попозже: сначала я разделаюсь со своим бодрящим напитком и посмотрю, кто из присутствующих заинтересовался моей скромной персоной. Пока вроде никто? Нет, есть один...

– Откуда, приятель?

Седоватый крепыш с интересом разглядывал меня: вероятно, я ему сразу понравился. К сожалению, он не вызывал

у меня того же чувства: слишком маленькие глазки, широкий нос и раздвоенный подбородок делали его похожим на хищного зверька. Не берусь утверждать, что люблю хищных зверей. Но вежливость есть вежливость.

– Луна-СВК.

– Пилот?

– Что, похож?

– Я пилотов сразу узнаю. На Планете давно не был?

– Пять лет.

– Где летал?

– Над Луной, приятель.

– Теперь под Луной летаешь, – усмехнулся он. – Мегалополис – город большой, не заблудись без мамы.

– Город как город, – равнодушно сказал я.

– Ну, это ты брось, – обиделся крепыш. – Мегалополис – одно слово. Сто лет назад на этом месте десятки городов, как грибы, торчали. И какие! А сейчас один гигант, лучший в мире.

– Знаю я ваш Мегалополис, не в первый раз здесь, – сказал я.

– А раз знаешь, так и гуляй, – лениво заметил крепыш. – Может, еще встретимся.

– Может, и встретимся, – равнодушно протянул я.

Зал ожидания уже заполнялся людьми: кто-то ждал своего рейса, кто-то встречал друзей или родственников, кто-то просто шатался без дела: с того момента, как люди изобрели самолет, а потом ракету, аэро- и космовокзалы всегда привлекали бездельников или тех, кто любил дышать воздухом прилетов и отлетов, встреч и проводов, зыбкости всего земного, где за непрочным барьером перрона – огромный мир, не похожий ни на что будничное и привычное. Я не принадлежал к романтикам космовокзалов. У меня было два дела:

купить газету, перебросившись парой слов с премилой киоскершей, кстати все-таки натуральной блондинкой, с синими глазами и мальчишеской челкой, и потом отправиться на свидание с таможенниками. К первому делу я приступил с удовольствием.

– Здравствуйте, девушка, – сказал я вежливо.

– Доброе утро, – заученно улыбнулась она. Но я уже знал, что заученное сейчас исчезнет.

– Я хотел бы купить «Новости» за семнадцатое число позапрошлого месяца.

Девушка удивилась. Я не ошибусь, если усилю определение: испугалась, даже вздрогнула. Да и в самом деле: кто бы не вздрогнул, если подходит псих и спрашивает газету за позапрошлый месяц. Однако испуг и удивление не помешали моей прелестной собеседнице использовать еще одну улыбку из своего арсенала.

– За это число газеты давно проданы. Может быть... – тут она помялась недоверчиво, – я подсказала бы вам место, где вы найдете ее?

– Подскажите, прошу вас. – Я вложил в просьбу все очарование, на какое был способен. – А уж Чабби Лайк не останется в долгу.

– Меня зовут Линнет, – сказала она. – Я уже почти месяц жду вас.

– Дорога в Город трудна и небезопасна, – туманно пояснил я причину своего небольшого опоздания.

Однако причина была не в этом: на реализацию моей легенды потребовалось чуть больше времени, чем мы предполагали. Шпики СВК на Луне вздумали искать пропавший ка-тер, на котором потерпел крушение пилот Чабби Лайк. То есть я. А искали они его постыдно долго. Вот почему Линнет пришлось подождать.

– Вы прошли таможду?

– Пока еще нет.

– Здесь Тейлор.

О Тейлоре я знал. Он возглавлял в Системе контрразведку. Так или иначе я мог бы столкнуться сегодня с его людьми, но с ним самим...

– Что ему надо здесь?

– Понятия не имею. Говорят, он с причудами.

И об этом мне говорили в Центре: самолюбив, подозрителен, умен, предпринимает неожиданные инспекционные проверки, склонен к переодеваниям и опереточной таинственности. Значит, встречу оттянуть не удастся. А может, удастся? Ну зачем ему обыкновенный пилот? Со мной с Луны летели, наверное, шишки и поважнее...

– Ладно, черт с ним. – Я не намерен был раздувать пока еще не существующую опасность. – Лучше подумаем, как будем жить дальше.

Линнет улыбнулась. Когда она улыбалась, на щеках появлялись две ямочки – ну совсем девчонка-школьница!

– Я вас найду.

– Явка?

– Вы ее знаете: бар «Семь футов под килем». Спросите Энтони. Скажете, что у Линнет не оказалось газеты за семнадцатое...

– Кстати, почему мы привязались именно к этому числу?

– В этот день шеф СВК произнес историческую речь: надо быть подозрительным и осторожным, ибо враги существуют везде.

– Дельное замечание, особенно для нас. Где мне остановиться?

– В Милтон-отеле, конечно. Там есть наши люди.

Простившись, я неторопливо дошел до дверей таможни, бросил монетку в щель турникета, подошел к одному из окошек и сунул туда документы, даже не посмотрев, кто их у меня взял. Какая, в сущности, разница: это шестерка, фоска, передаточное звено, лилипут в черном мундире Системы. Он передаст мои документы в вычислительный центр таможни, где уже хранятся все сведения обо мне, пересланные с Луны. Сведения, тысячу раз проверенные у нас и по крайней мере трижды – шпиками из лунной полиции. Вряд ли их местных коллег что-нибудь заинтересует в моей скромной персоне. Хотя опасность, как говорится, всегда начеку. Она следует за тобой как тень, даже в те редкие дни, когда вспоминаешь, что у тебя есть другое, настоящее имя, когда проходишь по улицам своего родного города, где тридцать шесть лет назад в семье учителей-историков появился долгождан-

ный сын, – даже тогда не забываешь об опасности. Это уже в крови: входя в комнату, проверять, кто за дверью, есть ли слежка на улице, даже если ее и быть не может, просыпаться от малейшего шороха – и руку под подушку, за пистолетом. Смешно!

«Расслабься, – говорил шеф, – сними напряжение. Ты работаешь на износ». Хороший совет, только воспользоваться им трудновато. Вот сейчас самый подходящий момент, чтобы расслабиться: мягкое кресло, кондишен, тишина. Проверят документы – и в город, в отель, вбар, как его... «Семь футов под килем». Я посмотрел на световое табло над турникетами и невольно вздрогнул: на нем появилась моя фамилия. И тотчас же ее повторил чей-то голос, усиленный динамиком:

– Пилот Лайк – на дополнительную проверку в комнату номер семь.

Я встал. Итак, без проверки не обошлось. Ну что ж, я готов: не в первый и, уж наверное, не в последний раз.

Над комнатой номер семь горел фонарик с цветной надписью: «Войдите».

Я толкнул дверь и вошел: ничего особенного – у стены пластиковый диванчик, два кресла перед столом. А за столом... Вот это уж совсем забавно: за столом сидел мой собеседник из бара, крепыш с седым ежиком. Он улыбался приветливо, ну совсем как добрый знакомый:

– Я же говорил: мы еще встретимся. Садитесь. – Он ука-

зал мне на кресло перед столом. – Вас я уже знаю. Вы Лайк, пилот с Луны. А меня зовут Тейлор.

Глава 2

в которой Лайка вызывают на дуэль

– Рад познакомиться, – сказал я.

Вот так штука: мой сосед в баре – туповатый фермер или моряк-каботажник – оказался контрразведчиком. И не простым, а главным, так сказать, контрразведчиком номер один.

Я усмехнулся. Легко ругать себя за ошибку, когда она уже свершившийся факт. Угляди я в этом крепыше боровичке что-нибудь подозрительное, я бы его так просто не отпустил: поболтали бы, знакомых общих поискали – нашлись бы знакомые, как не найтись, выпили бы еще разок, а потом еще и еще – все это сближает. Сейчас самое время доставать шпаги – боевая стойка, клинок о клинок, выпад справа, укол – ну, кто кого?

Тейлор начал первым:

– Рад или не рад, все равно познакомились.

– Полагаю, вы уже знаете меня, и неплохо.

– Что значит «неплохо»? Расплывчатая и неточная формулировка, как, впрочем, и мои знания о вас. Что я знаю: документы, бумажки, протоколы. А факты – только вы сами. Поделитесь?

– Придется.

– Вот теперь точно: придется. Начнем с формальностей. Имя? Возраст? Должность? Ну, в общем, сами понимаете...

– Чабби Лайк. Тридцать шесть лет. Родился на севере. Отец – смотритель лесного заповедника. Матери не помню. умерла рано. Братьев-сестер не было: папаша так и не успел жениться – из своего леса носа не высовывал. Воспитывала меня тетка, сестра отца. Она и хозяйство вела. Да какое там хозяйство: дом, небольшое поле, а так – лес кормил. Стукнуло пятнадцать – удрал из дому. Болтался где мог. Грузчиком работал, матросом на суперкатерах. Поступил в Высшую школу навигаторов: здоровье у меня – дай Бог, а учиться любил. Я тогда даже и не собирался пилотом стать: форма прельстила. Знаете, серебро, шнуры, аксельбанты – блеск и нищета, одним словом. А потом увлекся. Кончил с отличием, диплом выдали. Распределили на Луну. Пять лет отлетал – год отпуска. Еще пять лет – еще год. Вот он-то у меня впереди...

– Думаете, мне хочется слушать эту мякину?

– А вы спрашивайте сами. И мне легче будет ориентироваться, да и вам веселее. Все-таки общение, живой разговор.

– Живой разговор, говорите? Хорошее предложение. А не страшно?

– Шутки шутками, а все же ускорим процедуру. – Я выпрямился в кресле. – Сами понимаете, удовольствия она не доставляет.

– Я бы удивился, если б доставляла, – засмеялся Тейлор и сказал строго: – Вопросов будет много. Где отец?

– Умер семь лет назад. В прошлый отпуск видел его могилу. Тетка похоронена там же.

– Значит, одинок?

– Выходит, так.

– Привыкли?

– Имеете в виду работу? Пожалуй, Луна – единственное место, где в охотку работаешь, иначе сопьешься или сойдешь с ума. Вот и работал, как проклятый, от сна до сна.

– Ваши рейсы?

– Луна-СВК – Луна-главная – исследовательские станции в кратерах.

– Часто бывали в порту Луна-СВК?

– Редко: рейсы не те. У меня был грузовой катер: продовольствие, оборудование, иногда попутчики.

Честно говоря, не понимаю: что он хочет узнать? Что я не Лайк? Это проверялось уже не раз после аварии. Все чисто и нуль в остатке – данные проверки у него есть. Скорее бы добрался до аварии и отпустил меня...

– Насколько я знаю, вы недолетали положенных для отпуска пяти лет?

– Трех месяцев не хватило.

– Почему?

Добрались наконец. Выдержка, Лайк, выдержка: ты чист, как метеоритный экран твоего катера. Твоего бывшего кате-

ра.

– Расследование аварии.

– Что за авария? Попрошу подробнее.

– Можно и подробнее. В ночном рейсе на линии Луна-главная – Седьмая станция взорвался боковой реактор. Взрыв повредил рацию и автоматический пеленг. Свободный поиск там невозможен: ночная сторона и нагромождение обломков скал. Пришлось выбирать на своих двоих. У меня был с собой аварийный запас кислорода на двое суток. Но, видимо, где-то в баллонах произошла утечка, и я сдох через тридцать часов.

– Сдох? Не понимаю.

Я усмехнулся:

– Жаргон. Кислородная смерть.

Теперь усмехнулся Тейлор:

– Надеюсь, передо мной не труп.

– Можете потрогать: живой. Меня вытащили гольты. Поисковая группа.

– Ракета?

– Луноход. Ставили метеоритные буи. На меня натолкнулись случайно.

– Куда они вас доставили?

– К себе на станцию. Это в пятистах километрах от нашей «Полетты».

– Как долго вы пробыли у них?

– Часов шесть. За мной прислали катер с «Полетты». Сам

Альперт изволил прибыть.

– Вы его хорошо знали?

– Не особенно. Что может быть общего у простого пилота с ведущим астрономом Луны-СВК?

– И все-таки за вами прилетел именно он.

– Вы не хуже меня знаете, что все это показуха.

Тейлор насторожился, это видно по его глазам: сощурились, спрятались за ресничками. Сейчас выстрелит...

– Забота о человеке, по-вашему, показуха? Твой выстрел, Лайк. Не промахнись.

– Не разводите демагогии: если бы я тогда мог двигаться, я бы тоже воспользовался неожиданной возможностью посмотреть на чужие секреты. А станция астрономическая, Альперт увидел больше любого спасателя из санитарной службы. Это нужно Системе, а значит, и Альперту, и мне, и вам. Вот почему за мной прилетел тот, кто в данном случае оказался полезнее. И вы это прекрасно понимаете.

Тейлор засмеялся неожиданно весело и заразительно.

– А вы хитрец, приятель. У вас на все готов ответ.

– Естественно: меня подозревают.

– В чем?

Клюнул окунок, заглотнул наживку – подался вперед, весь – ожидание. Теперь мысленно поводить, не подсекать сразу.

– Трудно предположить... Все-таки пять часов у гольтов, мало ли что могло случиться. – Я размышлял вслух. – Во-первых, я был без сознания, вернее, в сознании, но смутном,

все расплывчато, не резко, звук почти не доходит – вата в ушах или звукопротектор. Помню, что меня несли, потом – люди в белых халатах, что они могли со мной сделать? Боли не было, скорее приятное ощущение: какой-то вибромассаж и запах – легкий-легкий, цветочный, как на клеверном лу-гу...

Я взглянул на Тейлора: откинулся в кресле, глазки закрыл, словно не слушает. Но вот я умолк, и он сразу «очнулся»:

– Это – самое интересное из того, что вы мне сегодня на-говорили. Продолжайте.

– Дайте вспомнить. Все-таки времени-то сколько про-шло...

Кто считал это время? Оно тянулось долго, бесконечно долго. Полгода назад или раньше, когда я только-только вер-нулся с задания, меня вызвал генерал Дибитц.

Обычная обстановка, обычный разговор...

– Отдыха не будет.

– Я не устал.

– Тем лучше.

– Что-нибудь сложное?

– Скажи, невероятное.

– Почему я?

– Мы просчитали пять вариантов. Твой оптимален. От успеха операции зависит слишком многое. А с планом ты познакомишься. Время у тебя будет.

Что ж, у меня было время – текучее, липкое. Время ожи-

дания опасности – самое долгое время в мире. Парадокс: времени много, и его не хватало. Мы и так затянули с первым шагом – с подменой. Двойник был найден давно: пилот Чабби Лайк – отличный парень, немного суховат, но это к лучшему – меньше близких знакомств. Мы были похожи, как два близнеца, родная мама не отличит. Впрочем, насчет родной мамы я, конечно, загнул, у нее всегда найдется с десяток способов различить сыновей: родинки, форма ногтей, походка, характерные жесты – всего не перечислишь. А у нас с Лайком было гораздо больше этих отличий, начиная с веса и кончая привычками. Ну, что касается веса – болезнь его не прибавляет, а после аварии я довольно долго провалялся в постели. А привычки?.. Я о них знал, оставалось только привыкнуть к ним. И это не каламбур, я действительно вживался в привычки Лайка – его вкусы, его манеру говорить, улыбаться широко и белозубо, ни с того ни с сего умолкать, уходить в себя. Думаю, что с этой задачей я справился неплохо. Лайк был золотом для меня: на Планете у него нет друзей, только случайные знакомые, которых за минувшие пять лет он и сам основательно подзабыл. Все это подтвердила его память, перемещенная в мою черепную коробку за три с половиной часа на операционном столе – в тот день, после аварии его катера.

Аварию устроили наши люди, и не их вина, что пилот пострадал больше, чем нам хотелось. Такой уж парень этот Лайк: всегда лез в самое пекло, даже когда не требовалось.

Смешно, но и в этом мы похожи. Его увезли со станции сразу после перезаписи. Он выкарабкался, конечно: в наш век медицина почти всесильна...

Тейлор перелистал странички моего «дела».

– Состояние у вас было не из лучших. Не смертельное, конечно, не преувеличивайте. Да и без сознания вы были всего лишь сутки – не так уж много.

– Мне хватило. Так сказать, на всю жизнь. С Луной покончено.

– Чем же собираетесь заняться?

– Отдыхать.

– Вы это уже говорили.

– В баре? Так я не вам это говорил, а какому-то фермеру, приехавшему поглазеть на ракеты. Откуда я знал, что он контрразведчик?

Тейлор усмехнулся:

– Спасибо за комплимент. Значит, я похож на такого недотепу фермера?

– Похож, – чистосердечно признался я.

– Вы тоже похожи... – Он помялся.

– На фермера?

– Все-таки на пилота Лайка.

Я решил, что пора кончать затянувшуюся комедию. Пилот Лайк не привык к церемониям.

– Короче говоря, долго мы еще будем играть в подозрения? Я бы хотел закончить свидание.

Тейлор открыл ящик стола и протянул мой паспорт.

– Вы свободны. Простите, что задержал: мне просто хотелось поближе познакомиться.

– Рад был удовлетворить ваше желание. – Я встал. – Можно идти?

– Конечно. – Тейлор усмехнулся и подмигнул. – Все-таки надеюсь, что мы еще встретимся.

Глава 3

в которой появляется Мак-Брайт

Далее все прошло благополучно. Автомат выбросил мой кофр незамедлительно – я только сунул в щель жетон с номером. Проверка документов тоже прошла без волокиты – таможенник изучил печать на паспорте и, козырнув, пропустил через турникет на движущуюся ленту тротуара, которая и донесла меня до станции монорельса.

Я помнил – опять помнил! – что скорость поезда не позволяет глядеть в окно – устают глаза, но все-таки не закрыл его шторкой телеэкрана. Меня мало волновали новости дня: кто-то куда-то приехал, кто-то кого-то встретил, кто-то что-то подписал – все это пестрой громкоголосицей долетало до меня из соседних купе – вагон был почти пуст. Только вкресле напротив спал – или делал вид, что спит, – высокий, длинноногий субъект лет под пятьдесят, что-нибудь вроде коммивояжера, человека вечной профессии, которая сохранилась еще с незапамятных времен и ничуть не думает уступать позиций в наш суетливый век автоматических распределителей.

Монорельс не подвозил к самому городу: труба-вагон

плавно затормозила, за окном возникла бетонная стена станции с яркими пятнами реклам, и голос дикторши сообщил:

– Конечная станция – пятьсот девятый квартал. Отсюда в город вы сможете добраться на аэробусах или на электролях. С благополучным прибытием.

Мысленно поблагодарив невидимую девушку, я все-таки пожалел, что не взял электроль сразу у вокзала: дороговато, конечно, но пилоту в отпуске позволительна такая пустяковая роскошь. Я спустился по эскалатору на широкую и безлюдную площадь (рабочая окраина города, люди давно на заводах или в офисах, а для хозяек еще рановато) и пошел к стоянке электролей, машинально отметив, что большинство пассажиров монорельса предпочли аэробус-омнибус на воздушной подушке – пусть дольше, зато дешевле. Мой длинноногий спутник-визави тоже поплелся туда. Тем лучше, а то я стал было сомневаться в крепости его сна в вагоне.

Обменяв в кассе денежную бумажку на груду жетонов, я опустил их один за другим в щель на приборной панели машины и включил зажигание. Электроль – прекрасная штука, если к тому же хорошо его водить. А я отлично его водил: научили в свое время. Чему меня только не научили! Я вывел его со стоянки, развернулся на площади и нырнул в туннель, который доставил меня на широкую – идеальное покрытие! – магистраль, протянутую прямо по крышам домов. Где-то внизу город жил своей «пешей» жизнью, а здесь, на двухсотметровой высоте, царствовала скорость – всесиль-

ная госпожа нашего времени: «Пользуйтесь электролями – они сэкономят вам кучу времени!», «Драг-сода – удобно, дешево, быстро!», «Автоматы Стриббинса – делайте свое время», «Самый быстрый сон – сомниферы Пенна!». Быстро, все быстро: быстро есть, быстро передвигаться, быстро спать, быстро жить, не успеешь оглянуться – поезд уйдет, и ты останешься один на пустой станции, догоняй, пытайся – где там!

Я бросил электроль в центре города, где среди множества световых табло разглядел нужное – Мил-тон-отель. Скоростной лифт доставил меня вниз, и я вышел на широкую улицу – в пеструю толпу, в разноголосицу, в суету и спешку, растворился в ней, потерялся – попробуй найди.

Отель я разыскал быстро: мигающий неон вывески украшал стеклянные двери под бетонным козырьком, а швейцар довершал впечатление благополучия и респектабельности, которое должно было ошеломить восторженного провинциала, не приученного к мягким коврам, таинственному полумраку в просторном холле, светомузыке на белой стене и королю-портье, вручившему мне ключ от царских палат в две комнаты на тридцать втором этаже.

Не знаю, как царь, но я своими палатами остался доволен: стандартные удобства, в меру микрофонов – в приемнике и в настольной лампе, хитрое кнопочное устройство, вызывающее горничную или официанта, включающее телевизор и часы и меняющее цвет оконных стекол – от белого до тем-

но-синего.

Я сделал окно розовым, достал из чемодана заглушки, блокировал микрофоны и пошел в душ.

Не помню, сколько я там плескался – не отмечал времени, – но, должно быть, не менее получаса, потому что, когда вошел в комнату, в пепельнице на журнальном столике лежало четыре окурка. В кресле у окна сидел человек и с усмешкой смотрел на меня. Я узнал его: это был тот самый длинноногий субъект из поезда, мой спутник-соня, безобиднейший из безобидных – ах я кретин, просмотрел-таки слежку...

– Ошибаетесь: я не следил за вами.

– Вы еще и мысли умеете читать? – полюбопытствовал я. – А не только открывать чужие замки?

– Здешний замок любой мальчишка откроет – наука нехитрая. – Он широко улыбнулся, обнажив два ряда ослепительно белых зубов – вставные, что ли? – А ваши мысли угадать нетрудно: вряд ли вы не заметили меня в поезде.

Я уже внутренне обрадовался: шпагу в руку – и на дорожку, мой выпад, господа!

– Чему обязан?

– Бросьте, Лайк, я не провокатор и не ищейка. «Новости» за семнадцатое апреля вы не сможете получить в «Семи футях». Энтони провалился, Линнет не знала об этом. Его взяли вчера люди Бигля. Слышали о таком?

О Бигле я, конечно, слышал: один из столпов безопасности. Системы, контроль над снами и всякое такое. Сволочь,

не лучше Тейлора. Энтони провалился – Бигль знает свое дело, – это сильно осложняет обстановку: я теряю явку. А тип в кресле и вправду телепат, словно подслушивает мысли.

– Я знал о вашем прибытии и вел вас от космодрома, боялся слежки.

– Почему же не предупредили Линнет? – Я уже почти верил этому усталому человеку – лет под пятьдесят, мешки под глазами, седина, – но все же старался задать вопрос побезобиднее: если он знает пароль, бармена из «Семи футов» и Линнет, то я ничем не рискую, если покручусь вокруг этих сведений.

– Я предупредил ее, но вы уже были в таможне.

– А зачем такая таинственность? Почему мы не могли поговорить в вагоне?

– Вы любите рисковать? Я – нет.

– Кто же вы? Мне надоела эта игра в вопросник.

– Лишних вопросов больше не будет. Я не Тейлор. А мое имя Мак-Брайт. Для друзей просто Джеффри. Профессия – коммивояжер. И еще я ваш связной.

– С кем?

– Со сламом.

Я сделал вид, что не понял.

– С чем это едят?

Мак-Брайт снова засмеялся. Что его так веселило?

– С чем едят? С лазерами. С пистолетами. С листовками.

На любой вкус приправа...

Что ж, понятно: сопротивление или подполье, здесь это называется сламом, я знал о нем. У Центра есть свои люди в здешнем сламе. Быть может, Мак-Брайт – один из них: я не любопытен, а мне не сочли нужным сообщить координаты агентов. Правда, шеф говорил о человеке, который, быть может, – он подчеркнул осторожное «быть может» – появится, но потом, позже, когда я акклиматизируюсь в этом раю. А если «позже» уже наступило? Энтони арестовали, явка провалена, и осторожное «быть может» превращается в железное – «непременно».

А раз так, то Мак-Брайт и есть тот самый незнакомец, «приходящий позже». Я уже мог не ломать комедию.

– Вы явились вовремя: я совсем было нацелился в этот проклятый бар.

– А вы сходите туда: прекрасный бар, рекомендую. Вкусно кормят – без всякой химии, гипнотизмузыка. Сходите, сходите, лучшего места для первого вечера не придумаешь. И Линнет захватите: будет с кем танцевать.

– Вы думаете, они сняли слежку?

– Они ее и не ставили. Бедняга Энтони погорел буквально во сне: не терпел сомниферы.

– Значит, бар чист?

– Наконец дошло! Чист, чист, как напиток, который вам сегодня там подадут. Выпейте его за мое здоровье. – Он встал, высокий, сутуловатый, по-прежнему улыбающийся (интересно, будет ли у меня когда-нибудь такая же выдерж-

ка?). – Мне пора, не провожайте, не надо, чтоб нас видели вместе. – И уже у двери обернулся, сказал вполголоса: – Меня не ищите, я сам вас найду, когда будет нужно. Линнет скажите только, что я был у вас.

– Некто без фамилии?

– Я же назвался: Джеффри Мак-Брайт. Конспирация – хорошая штука, но Линнет меня знает. И еще вы теперь. Поняли?

Я понял, все понял. Или, вернее, почти все. И, главное, я не один здесь: за спиной у меня Мак-Брайт, видимо, разведчик высокого класса. За спиной у меня Линнет: я ей позволю сейчас, договорюсь о встрече. За спиной у меня слам...

Что знал я об этой организации? Вероятно, больше, чем заправили Системы. Да и не знают они ничего, разве только что слам существует. А где, кто, когда, с кем – рады бы изведать, да в коленках слабы; систему конспирации в сламе хоть в учебнике описывай, если будет когда-нибудь такой учебник. Есть, конечно, и провалы – ни одно действующее подполье от этого не застраховано, – но проваливаются люди – пятерки, десятки, сотни, наконец, а слам живет, борется, растет.

Кто они? Красные? Нет, это слово давно стало пугалом в Системе Всеобщего Контроля. Не для властей – увы – для обывателя, который барабанит свои шесть часов на службе, жует химию и запивает химией, смотрит по телевизору мелодрамки, а по ночам видит сны, подсказанные Каталогом.

Официальная пропаганда медленно, но верно делала свое черное дело. Старыми методами? А зачем их отменять, если они по-прежнему действенны. Красные хотят сделать все общим, отобрать у бедного труженика домик, жену, дочку, телевизор, машину? Хотят, хотят! Так опасайтесь их, кидайте в них камни, они ваши враги! Партия давно уже ушла в подполье, но решение объединить всех недовольных в одной организации пришло не сразу. Оно встречало сопротивление даже у тех, кто понимал: при существующем режиме тотального террора и сыска не выжить даже в подполье. И партия сплотила в труппах, в сламе сотни тысяч людей, которые боролись за свободу и счастье, за право жить и работать по-человечески.

Великая штука – равновесие, конечно, устойчивое равновесие: шар в лунке – старый пример из учебника физики.

Две глыбы – две системы, и живут люди... Устойчивое равновесие? Вздор, оно неустойчиво, пока существуют ложь и насилие, пока жизнь человека в Системе Всеобщего Контроля – ах, процветание, ах, земной рай! – не человеческая жизнь.

Вот почему существует слам. Вот почему слам силен. Вот почему он так страшен хозяевам Системы. Вот почему он непобедим, и побеждает, и победит. И еще: вот почему я здесь.

Я плохо знаю структуру слама: вероятно, потом Мак-Брайт, или Линнет, или кто-то еще познакомит меня с ней,

если понадобится. Опять это «если понадобится». Я не любопытен – меня так учили. Я не заглядываю в чужие окна, если это не входит в мои обязанности. А что входит в мои обязанности?

Я протянул руку к видеофону и вызвал справочную.

– Космовокзал, телефон газетного киоска, первый этаж.

На экране загорелись цифры, и я мгновенно перевел на них набор запоминающего устройства. Когда на экране появилось недовольно-удивленное лицо Линнет, я сказал игриво и нагло – ну как еще может говорить с девчонкой старый космический волк:

– Привет, девочка! Узнаешь?

Она улыбнулась:

– Что-то припоминаю...

– Могу напомнить подробности знакомства. Скажем, сегодня в семь?

Она помялась, жеманница:

– Я не уверена... Ну, если ненадолго...

– Надолго, ненадолго – разберемся после. В семь у «Семифутового»...

И, только выключив видео, подумал, что каламбур получился дурацким, если принять во внимание все сказанное Мак-Брайтом.

Глава 4

в которой не только танцуют

Бар «Семь футов под килем» я давно и прочно знал по кинолентам, прокрученным еще в Центре, но все же он поразил меня, как и рассчитывали его хозяева: неоновая девица над входом, разбрасывающая искры по нагретому асфальту, была ошеломительна. Линнет я ждать не стал, прошел сквозь светящиеся нити – оптический обман честных трудящихся! – и уверенно остановился у входа в огромный зал-раковину: не спеши, Лайк, не ищи никого, пусть тебя ищут, сегодня хозяин ты, у тебя деньги, у тебя слава, подожди секунду, вот уже торопится к тебе некто безликий и напояженный, во фраке и белой бабочке – пингвин, да и только.

– Вы один? – Легкий поклон, скрытое любопытство во взгляде: сколько стоит этот клиент?

– Со мной дама. Столик на двоих и подальше от шума, – небрежно и изысканно, ленивым тоном – можно не бояться переиграть.

– Прошу вас. – Лавируем между столиками. – Этот устроит?

– Вполне. Мое имя – Лайк. Когда придет дама – проводи-

те.

Я поудобнее устроился в кресле, вытянул ноги и посмотрел на вход. Наверно, зря я это сделал, потому что шок оказался для меня слишком сильным. У входа в зал стояла в искрящемся платье красавица. Куда исчезла мальчишеская челка – на голове нечто немыслимое в виде башни. Минутой позже она уже сидела за моим столиком и говорила капризным голосом лысому официанту:

– Два обычных, Клей, два холода. Только без искры.

Я постепенно вернулся в нормальное состояние и смог критически оглядеть соседку.

– Я вижу, вы любопытны, Лайк. Задавайте вопросы – от-вечу. Сколько их у вас?

– Всего три, прелестница. Во-первых, откуда вас здесь знают? Во-вторых, что это за галиматю вы несли официанту? В-третьих, как киоскерша Линнет превратилась в снежную королеву?

Линнет засмеялась, и сразу же ее «снежная неприступность» растаяла: улыбка была совсем не королевской – обычной, милой, земной.

– С вашего позволения, я начну с третьего: я ни в кого не превращалась. Просто время такое, что королевы – даже снежные – вынуждены работать киоскершами: жить-то надо. Во-вторых, если вы у себя на Луне превратились в отшельника, который не знает даже земных напитков, то нечего валить на меня: эта «галиматья» вкусна и полезна, сейчас са-

ми оцените. А вот откуда меня здесь знают?.. – Она опять улыбнулась, теперь загадочно и холодно. – Всему свое время, Лайк, всему свой черед: узнаете и это...

– Ладно, я не тороплюсь, – протянул я, наблюдая за тем, как пингвин во фраке расставлял у нас на столе немислимые изогнутые бокалы с чем-то синим, золотым, розовым, крайне аппетитным, пожелал нам приятного вечера и исчез, а Линнет, даже не взглянув на него, спросила деловито:

– С чего начнем?

И я бухнул с размаху:

– Со слама?

А Линнет даже бровью не повела, улыбнулась, сказала:

– Советую золотой – бодрит. А потом остальные – вечер долгий...

Она пошарила рукой под столом, щелкнула чем-то, скривилась болезненно – палец прищемила? – кинула в черную сумочку какой-то кубик и уж совсем по-детски сунула палец в рот.

– Больно? – спросил я сочувственно.

И получил ответ:

– Вы кретин, розовый, довольный, ничем не прикрытый. Думаете, что вы еще на Луне, а вокруг скалы и кратеры? Напрасно. Здесь все кишмя кишит микрофонами – от нашего столика до лысины официанта, а вы преспокойно задаете вопросы, от которых у «слушачей» волосы дыбом становятся. Словом, я выключила микрофон.

– Но не хватает ли его наши друзья?

– Не хватает. У них на схеме этот столик пуст – не обслуживается или посетителей нет. А будем уходить, вернем игрушку на место.

Я счел объяснения исчерпывающими и попробовал золотой напиток: по вкусу он походил на мед. Но у этого золотого пошла была и своя особенность: оно не пьянило, а скорее бодрило, как стимулятор, поощряя к светской беседе.

Но светской беседы не получилось.

– Отвечу сразу на все предполагающиеся вопросы, – сказала Линнет. – Я и Мак-Брайт связываем вас со сламом, ориентируем и поддерживаем вас. Кроме Мак-Брайта, вас знает еще Первый, единственный из Большой Десятки, поставленный в известность о пилоте Лайке. Если вас не проинструктировали, поясню: Большая Десятка – это руководство слама, а Первый – глава Десятки.

– Вы знакомы с ним?

– Что вы! – Она возмутилась. – Ни с кем из Десятки. Я связана только с Мак-Брайтом и со своими агентами.

– У вас они есть?

– Конечно. Их десять.

Так я и думал. А у этих десяти свои десятки. Старая и верная система – щупальца с единым мозгом-руководством.

– Посмотрите внимательно, – вдруг сказала Линнет, – кто вошел в зал.

Я посмотрел внимательно, потом очень внимательно и все

равно ничего особенного не заметил. Вошла, вернее, ввалилась, компания – человек десять – пьяная, орущая, молодая, лохматая, пестрая и еще сто эпитетов, и все подойдет.

– Кто они?

– Высокий в синем свитере, видите, рукой кому-то машет, – Факетти-младший. Вам это имя ничего не говорит?

Мне это имя кое-что говорило. Я бы даже сказал, что оно кричало: внимание, Лайк, действие начинается, скоро твой выход!

И сразу же компания у стойки бара распалась для меня на составные части, как детская пирамида, – цветные кольца на стержне. А стержнем был Факетти-младший – парень-гвоздь, душа общества, рост под два метра, глаза серые, двадцать шесть лет от роду, занимается плаванием, кончил Тринити-колледж, не работает, много пьет, репутация странноватая: кому нравится, кому нет. Откуда сведения? Откуда сведения. Я принес их в клюве и приберегал на всякий случай. Вот он, случай.

– Позвольте вас пригласить...

К столику подходит парень из компании Факетти: медно-красная морда, честно говоря, не урод, волосы длинные, прямые, как пишут в книгах, «цвета воронова крыла», перехвачены черной лентой, нос с горбинкой, черно-белое пончо на широких плечах.

– Спасибо, я не танцую.

– Что так?

– Устала.

– Так идемте к нам – у нас весело, усталость пройдет.

Как будто меня не существует: даже не взглянул в мою сторону. А Линнет волнуется, ждет моей реакции. Пора?

– Послушайте, приятель, как у вас со зрением?

– Что-что? – Полное недоумение.

– Разве вы не заметили, что дама не одна?

Ах, какая улыбка: тридцать два снежных зуба, и все свои!

– Кажется, вы меня прогоняете, так я понял?

– Вы сообразительны...

Наверное, я что-то еще хотел сказать, но не успел: он рванулся вперед, схватил меня за ворот, резко поднял с кресла – ну и силища! – прошипел, не разжимая губ:

– Сейчас ты пожалеешь о сказанном...

– Уймись, силач, – бросил я равнодушно.

Но он не внял голосу разума. Коротко размахнулся, ребром ладони – отработанный жест – ударил меня по шее. То есть ему хотелось по шее, но я увернулся, и удар пришелся в плечо. Мне стало больно, и я озверел. Я всегда зверею, когда мне больно. Он по-прежнему держал меня за пиджак, и я снизу ударил его по руке – под локоть. Он охнул и разжал руку. Я тут же схватил ее, рванул на себя, коленом – в живот, ладонью с размаху – как хотел он сам, он шлепнулся пыльным мешком у стола – отдохни, дружок.

– Что случилось? В чем дело?

Два вопроса прозвучали одновременно. Первый задал Фа-

кетти, второй – его приятель. А позади стоял гангстер-метр-дотель, но вопросов не задавал: то ли стеснялся Линнет, то ли хотел посмотреть, что будет дальше.

Я вежливо поклонился любознательным молодым людям и столь же вежливо объяснил ситуацию:

– Ваш друг, к моему великому сожалению, сначала оскорбил даму, а потом и меня. Я не люблю, когда меня хватают за пиджак и дергают из-за стола, а он почему-то не захотел поступить иначе.

– Похоже на Дикого, – засмеялся Факетти, и я подумал, что он, вероятно, симпатичный и неглупый парень. – Не обижайтесь на моего друга: он слишком горяч. Давайте согласимся, что инцидент исчерпан.

Что ж, если не считать еще не пришедшего в сознание Дикого, то инцидент был действительно исчерпан: ни у Линнет, ни у меня претензий к Факетти не было. А Дикого, по-видимому, никто не жалел: его взяли под руки и поволокли к выходу.

– Вы этого хотели? – спросила Линнет. Видимо, она не любила драк.

Не знаю, хотел ли я именно этого, но дело, как говорится, сделано: Факетти меня запомнил. Теперь остается еще один шаг – напомнить ему о себе. Только вот как напомнить?

– Слушайте, Линнет, – сказал я. – Пусть ваши ребята последят за сынком: куда он ходит, как передвигается, какая у него программа на каждый день. И второе: я не хочу под-

вергать вас излишнему риску. Короче говоря, мне еще нужен связной, шустрый и понятливый парнишка.

Линнет ответила не задумываясь:

– Везет вам, Лайк. Есть такой парнишка. И понятливый и шустрый. Зовут его Ли.

– Пусть придет ко мне послезавтра в девять утра. Успеет?

– Успеет.

– Я назову ему место встречи, а вы подготовите сведения о Факетти. Договорились?.. Тогда продолжим веселье.

И весь остаток вечера я доказывал ей словом и делом, что она не зря пошла со мной в этот «семифутовый» кабак.

Глава 5

в которой действие происходит двумя месяцами раньше, когда Лайка в Городе не было

Утро было пасмурным и тоскливым – низкое серое небо, дождь не дождь, а так, моросня какая-то. Мак-Брайт брился в ванной, разглядывал в зеркале осунувшееся от бессонных ночей лицо – мешки под глазами, впалые щеки, а виски-то совсем седые! – и думал: сдает моторчик, на больших оборотах уже не тянет, скоро на отдых, купить домик где-нибудь на море и забыть обо всем... О ежедневной, ежечасной опасности, о слежке, о конспирации, о делах. Да разве забудешь?

Он говорил Первому об этом, зря, конечно, результат можно было предсказать. «Мне не слаще, Мак. Ты уж потерпи: вместе начинали, вместе и кончим». Начинали и вправду вместе, давно, еще до рождения Системы, и сколько пережили, перемучились вместе – все вместе, в одной связке, по очереди страхуя друг друга. Много сделано, а сколько впереди?

Мак-Брайт закончил бриться, привычно поморщился под струйками гидромассажа и, взяв плащ, пошел к лифту. Электроть со световым сигналом «Заказ» стоял у подъезда. Мак-

Брайт назвал шифр вызова, сигнал погас, и дверца открылась.

Уже отъехав от дома, Мак-Брайт сунул руку под сиденье и достал оттуда продолговатый футляр. Раскрыл его, вынул записку, смешно пошевелил губами, расшифровывая текст. Ничего особенного, обычное дело, сколько их было у него.

Ли Джексон, район Фи-Джи, Триста второй квартал, корпус, дом, квартира... Он работал у Бигля младшим оператором и чем-то не угодил ему: в записке об этом подробно не говорится. Зато Первый передал, что в пять за мальчишкой придут. Значит, надо опередить полицию.

Остановив электроль у вокзала, Мак-Брайт, согласно шифровке, прошел на тринадцатый перрон, подошел к расписанию, которое уже изучали мужчина с блокнотом и женщина, кого-то поджидавшая.

– Операция-перехват, – ни к кому не обращаясь, негромко сказал Мак-Брайт и назвал адрес, указанный в шифровке.

Потом оглянувшись по сторонам, пошел вдоль перрона, нырнул в вагон поезда, отметив, что мужчина у расписания положил блокнот в карман и не торопясь пошел к выходу, а женщина все еще ждала кого-то, поглядывая на двери в зал ожидания.

Он сошел на следующей станции, сел в автобус, проехал пять остановок, потом долго шел пешком., сворачивая в узкие улочки-ущелья между бесконечными стенами небоскребов. Это был район рабочих кварталов – без сверкающих ре-

клам, роскошных витрин и шикарных баров. Обычные муравейники-дома.

Мак-Брайт свернул в очередное ущелье и, оглядевшись, вошел в подъезд, по замызганной лестнице спустился в подвал, толкнул тяжелую дверь с надписью «Вход воспрещен!» и очутился в длинном коридоре с мокрыми и холодными стенами, по которым тянулись толстые – литой резины – провода. Он торопливо пробежал до следующей двери с такой же грозной надписью и постучал осторожно.

– Кто? – спросили из-за двери.

– Седьмой, – ответил Мак-Брайт.

Дверь открылась, и он оказался в жарком машинном зале с низкими потолками – какая-то районная подстанция, что ли? За машинами следили всего два человека, и обоих Мак-Брайт знал.

Один из них встретил его, проводил молча – трудно говорить в таком шуме – в стеклянную кабину в конце зала, пультовую, закрыл за собой тоже стеклянную дверь. Двое – уса-тый пятидесятилетний человек и высокий парень лет тридцати, – в серых комбинезонах, в шапочках с козырьком, с нашивками на рукавах, ждали молча, не задавая никаких вопросов, как ждут приказа.

– Устал, – сказал Мак-Брайт. – Есть что выпить?

– Пиво, – откликнулся уса-тый. – Будешь?

– Буду, – кивнул Мак-Брайт, – и ты со мной. А Рив пере-бьется: у него сегодня дело.

– Зачем он тебе, Мак? – спросил усатый.

– Ребята Чивера сегодня играют в полицейских. Бигль проявляет рвение, так мы его опять решили немного опередить.

– Кто сейчас? – спросил усатый.

– Мальчишка. Его приведут.

– Говорить будешь ты?

– Линнет.

Над дверью загорелась красная лампочка, замигала тревожно, и через несколько секунд в зале раздался холодный металлический скрежет.

– Это Линнет, – мигнул Мак-Брайт усатому. – Открой и последи за проходом.

В пультовую вошла, вернее, влетела Линнет – в косыночке, в цветастом платьишке: совсем девчонка с рабочей окраины.

– Наконец-то! – сказал Мак-Брайт. – Пока подождем Чивера: он с минуты на минуту появится. Я уйду в аппаратную, а ты поговоришь с новым мальчиком. Скажешь, что тебе говорил о нем Док. Задание ясно?

– Ясно. Что делать с мальчиком?

– Ты поговоришь, я послушаю. А потом Рив его спрячет.

– Зачем он вам?

– И об этом позже. Если подойдет, будешь готовить.

– К чему?

Мак-Брайт не ответил, закрыл глаза, расслабился: устал,

вымотался. Он знал, зачем ему нужен мальчишка, новенький, чистый, в сламе его никто не знает. Бигль будет в ярости: что ж, не привыкать. Первый прикроет, на то он и Первый, чтоб Бигля нейтрализовать. А мальчишка в трущобах конечно же обживется, привыкнет.

В пультовую быстро вошел усатый.

– Мак, там Чивер и с ним троє. Один упакован.

– Пусть войдут. – Мак-Брайт встал и пошел в аппаратную. – Поставь блокаду на вход: нам посторонние не нужны.

Он вошел в тесную, заставленную приборами комнатку, где уже сидел долговязый Рив. Мак-Брайт приложил палец к губам – тише! – и нажал кнопку у двери. На стенке – белой и непрозрачной – высветился квадрат. Сквозь него видна была пультовая, Линнет на стуле и дверь, через которую двое мужчин вносили что-то длинное и тяжелое, завернутое в парусину. Сзади шел человек, которого Мак-Брайт встретил на вокзале: он там читал расписание.

– Надеюсь, живым довели? – спросила Линнет.

– Даже без царапин.

Мальчишка и впрямь оказался живым, даже слишком. После укола стимулятора он пришел в себя, вскочил, рванулся к дверям и, только налетев на Чивера, остановился.

– Вы кто? – Голос его звучал хрипло.

Линнет улыбнулась мягко и ласково:

– Свои, Ли. Нас послал Док.

Ли всхлипнул, совсем по-детски:

– Док арестован.

– Знаем.

– А чего же вы здесь сидите? – Это уже почти крик. – Его же спасти надо!

Линнет улыбнулась: уж очень трогателен был он в своем волнении.

– Мы не оставляем друзей в беде.

– А кто вы?

– Узнаешь, Ли, все узнаешь. Док просил о тебе позаботиться. Вот и ты должен позаботиться вместе с нами о Доче, о Чивере, о сотнях людей, которых арестовывают только за то, что они не пользуются сомниферами, и за многое другое – за крик недовольства, за неосторожное слово, за опасные мысли, Поэтому инспектор Ли должен исчезнуть. Вместо него появится другой Ли, борец против неправды и зла, подпольщик, сламист. Но для этого нужно время. Рив проводит тебя.

Ли обернулся: огромный Рив в плаще, застегнутом наглухо, ждал у железной двери в машинный зал.

– А вы? – Ли жалобно посмотрел на Линнет, единственную – так он думал – ниточку, связывающую его с Доком.

– Я приду.

Ли шагнул вслед за Ривом. Дверь хлопнула за ними, лампочка над пультом загорелась и погасла. Мак-Брайт встал и пошел в пультовую.

– Ну что? – Линнет ждала решения.

Мак-Брайт пожал плечами:

– Сырой материал, но научится. Всему научится...

Глава 6

в которой говорится о пользе случайных знакомств

Я проснулся ровно в девять, а полчаса позже в дверь номера позвонили. Я выключил бритву и пошел открывать. За дверью стоял белобрысый паренек внейлоновой куртке.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я из рекламного бюро Мак-Брайта: телевизоры, холодильники, радиокомбайны.

– А-а, помню-помню, – протянул я, – что-то было... Ну, заходите, потолкуем о холодильниках.

Паренек вошел следом, подождал, пока я сел в кресло, и осторожно примостился напротив – на самом кончике стула. Я следил за ним, изо всех сил стараясь казаться суровым.

– Как зовут?

– Ли, – ответил паренек.

– Кто тебе дал мой адрес?

– Линнет. Сказала, что будете меня ждать.

– А быть посмелее она тебя не учила?

Ли усмехнулся неожиданно хитро:

– Как же, по-вашему, должен вести себя рассыльный из рекламного бюро?

Я оценил ответ и вспомнил, что Линнет очень хвалила мальчишку: смекалистый, подвижный, осторожный, может быть, чересчур восторженный, но это пройдет, а так по всем данным – отличный связник, лучшего не пожелаешь. Для него я сламист с юга, привычная легенда двухмесячной давности. Зачем я здесь? А это уже тайна, и Ли не должен совать в нее нос, а должен слушаться меня во всем – это боевое задание слама.

– Вот что, Ли, – сказал я, – найдешь Линнет и передашь следующее: «Два часа пополудни, Сороковая улица, кафе „Устрица“. Запомнил?»

Ли повторил про себя, кивнул согласно.

– А мне что делать?

– Придешь тоже, только сам по себе.

Я не случайно позвал Линнет на Сороковую. Движение электролей там достаточно интенсивно, чтобы я мог показать весь свой водительский класс: мой план «случайного» знакомства с Факетти, вернее, его продолжения, строился именно на умении водить электроли. План этот я придумал еще в баре и тут же поделился придумкой с Линнет. Помню ее высокомерное: «Неплохо. Можно попробовать...»

Я заметил ее еще издали – она пересекала улицу, размахивая рыжей сумкой, непонятным мне предметом туалета, за который упорно цеплялись модницы всех времен.

– Девушка, – закричал я, перегнувшись через барьерчик, отделяющий кафе от тротуара, – сжальтесь над одиноким ге-

роем космоса, разделите его трапезу!

Линнет обернулась, засмеялась, узнав меня. Я подвинул ей стул, подозвал официантку.

– Прохладительное, пожалуйста.

Мы обмениваемся любезностями, пока не уходит официантка. Теперь можно перейти к делу.

– Тебе понравился Ли? – Мы перешли на «ты» сразу, без предварительных объяснений.

– Хороший паренек. Кстати, где он?

– Витрина книжного магазина около стоянки электролей.
Заметил?

Заметил: тоненькая фигурка в курточке возле книжного развала – студент или школьник.

– Что успела узнать о Факетти?

– Самое существенное. По средам он обедает у отца, временно покинувшего свою резиденцию на Второй Планете и обитающего сейчас в Мегалополисе. Видишь дом с лоджиями?

– Вижу.

– Тридцать седьмой этаж, второй блок. Отец – банкир, глава фирмы «Шахты Факетти». Джин – его единственный наследник.

– Джин?

– Так зовут твоего будущего приятеля. Через полчаса увидишь его воочию.

Каюсь, я не ожидал столь быстрого разворота событий.

Через полчаса на улице появится тот, кто тебе необходим, ибо он ступенька к «Шахтам Факетти», фирме, с которой связано задание Центра.

Но почему Линнет так спокойна?

– А зачем волноваться? Видишь электроль на стоянке? Он один, и другого не будет, хотя улица бойкая и диспетчер просто обязан держать здесь не менее пяти машин. Скажешь, просчет? Нет, расчет, прости за каламбур. Утром я говорила с Седьмым: это его работа.

– Давай по порядку. Кто такой Седьмой и в чем его работа?

Она досадливо поморщилась:

– Совсем забыла: ты же еще младенец в сламе. Седьмой – Мак-Брайт, это его позывной. Он связан с главным диспетчером парка, а тому ничего не стоит держать здесь всего один электроль. Да и тот, честно говоря, неисправен.

– Его же могут в любую минуту перехватить.

– А Ли на что? «Простите, но машина заказана. Стоянка за углом, три минуты ходьбы». Мальчик хорошо знает свою роль...

– Какова неисправность в машине?

– Что-то с управлением, электроль должен сдать на третьей передаче.

Восемьдесят километров в час – скорость приличная, придется рисковать.

– Факетти один?

– Входил один. С кем выйдет, не знаю.

На той стороне улицы Ли застыл у стены дома. Пожалуй, он волнуется сейчас не меньше меня. А может, и больше: для него это – первое серьезное задание. Акция, как говорят здесь. Вот он рванулся от двери, пошел по тротуару.

– Внимание, Лайк!

– Вижу.

Из подъезда вышел высокий парень в красной синтетической куртке – Факетти! Остановился, закурил, ладонями закрывая огонек зажигалки, шагнул к электролю. Еще мгновение – и дверца машины закрылась, электроль резко рванулся с места – включено ручное управление? – нырнул в поток машин. Я помешал ложечкой тающее мороженое: пора!

Посреди площади вспыхнул багровый факел. Визг тормозов, комариное гудение электродвигателей, взволнованные крики – все это мгновенно погасло, выключилось, как звук на экране. Я не слышал, что мне кричала Линнет; просто оттолкнул стол, перемахнул через ажурную ограду кафе, побежал через площадь, лавируя между машинами, туда, где, словно в вакууме (все разбежались, очистили место – погибай, парень!), горел электроль Джина Факетти.

Я сорвал пиджак, несколько раз с силой ударил им по куполу, сбил на секунду пламя. Обжигая руки – стисни зубы, стерпи! – рванул на себя дверцу машины. Неожиданно она легко открылась. Я схватил за плечи безжизненно повисшего на руле, потерявшего сознание Факетти, потянул из каби-

ны, повалил на мостовую – вовремя. Пламя с новой силой охватило машину.

Факетти очнулся, сел на мостовой. Я помог ему подняться и повел к тротуару, расталкивая любопытных. Он сокрушался вслух:

– Потерял сознание, как мальчишка! Стыд-то какой... – Потом повернулся ко мне: – Вы спасли мне жизнь. Я ваш должник...

– Прощаю вам долг, – сказал я.

Он засмеялся беззаботно, словно не было ни аварии, ни смертельной опасности.

– Не надо: я всегда плачу по счетам. Давайте знакомиться: Джеронимо Факетти, короче Джин. Может, слышали?

– Даже видел.

– Где?

– Кафе «Семь футов под килем».

Он всмотрелся в мое лицо, кивнул утвердительно:

– Верно. Это вы тогда Дикого приложили.

Я назвалса. Он присвистнул уважительно, взял меня под руку.

– Мое спасение надо отметить. Вы за?

В тот вечер я поздно добрался к себе в отель: Джин долго не отпускал меня. В общем, можно было считать, что у меня появился в городе друг. А что касается пары ожогов на руках, так это мелочи, не стоящие доброй дружбы.

Глава 7

в которой развлекаются, стреляют и бегут из тюрьмы

С Джином я встретился на другой день на двадцатом этаже стеклянного небоскреба «Шахты Факетти», в созданном по его идее наимоднейшем клубе «При свечах». «У нас особый клуб, старина. Малость ветхозаветный, но тебе понравится».

В роскошных залах, украшенных старинной мебелью, коврами и светом тысяч свечей, нас встретили столь же старомодные туалеты – визитки, вечерние платья дам и сверкающие камни в ушах и на пальцах. Лакеи в напудренных париках и шитых золотом ливреях разносили напитки, гигантский швейцар в красных панталонах и белых чулках объявлял имена сановитых гостей.

Все это не заслуживало бы даже упоминания, если б не две встречи и последовавшие за ними события. Сначала мне пришлось пожать руку Дикому, иначе говоря, Стиву Кодбюри, оказавшемуся сыном начальника городской полиции, причем рукопожатие это не доставило никому удовольствия, кроме Джина, радостно воскликнувшего:

– Вот и прекрасно, мальчики. Теперь нас трое.

– Четверо, – поправил его женский голос.

Особа эта, несмотря на ее ослепительную внешность – рыжие волосы, распущенные по плечам, ровный золотистый загар – в цвет волос, зеленые глаза и зеленые изумруды на шее, – вероятно, не привлекла бы моего специального внимания – мало ли каких красавиц явстречу в компании Факетти, – если б не примечательный диалог между нами, диалог с подтекстом, настораживающим и многозначительным.

Мы стояли с Жаклин Тибо у стены как раз под солидным хрустально-медным канделябром с двумя десятками свечей, и я время от времени с опаской поглядывал на него: и тяжел и огнеопасен... Жаклин заметила, потянула в сторону:

– Так безопаснее?

Вздыхнул иронически:

– У меня уже проверяли крепость черепной коробки. Боюсь, что второй проверки она не выдержит.

– Где же была первая?

– На Луне.

– Ах да, помню, Джин рассказывал...

Вот тут-то я и прозрел. Дело в том, что Джин не знал о моем приключении на Луне: я не рассказывал ему об этом. Значит, информацию о пилоте Лайке Жаклин получила из других источников, а из каких, я, пожалуй, не сомневался. Факетти-младший слишком примечательная фигура, чтобы Тейлору не заинтересоваться его связями, которые могут

стать опасными для отца, владельца таинственных «Шахт Факетти». В окружении наследника должен быть «дятел», который опять-таки должен заинтересоваться новым человеком – мной. Стив Кодбюри? Мелок, злобен и глуп. Остальные не проявляют ко мне никакого интереса: провинция, мускулы без интеллекта. А Жаклин рядом, Жаклин – вся внимание, вполне подходящий сотрудник для Тейлора.

Все дальнейшее на вечер не представляло интереса: Диккий напился, и Джин предложил «сменить обстановку». Решили разъехаться, отвезти пьяного Стива домой, сменить ветхозаветные костюмы на современные и вновь встретиться в ресторанчике «Город снов», где должна была выступать знаменитейшая Алина.

Выходя на улицу чуть раньше замешкавшихся моих спутников, я вдруг заметил на тротуаре тоненькую фигурку Ли.

– Вам электроль? – склонился он, как принято у парнишек, зарабатывающих услугами богатым клиентам, и добавил чуть слышно: – Я давно жду. Вы нужны Седьмому. Он будет в полночь на вокзале «Торно», у второго пути.

Электроль он пригнал тотчас же, и я еще до появления Жаклин и Джина успел назвать автомату адрес:

– Вокзал «Торно».

У вокзала я нырнул в одну из крутящихся стеклянных дверей. Замелькали светящиеся таблички: «Перрон 6... 4... 3...» Вот он, второй. Еще издали я увидел сутулую фигуру Мака в плаще с поднятым воротником. Он тоже заметил ме-

ня, сложил неторопливо пухлую газету, сунул в карман, медленно пошел вдоль перрона. Я за ним. Он поглядел по сторонам, вошел в вагон, остался в тамбуре.

Когда поезд тронулся, Мак-Брайт молча курил у стены, не обращая на меня никакого внимания. Я пристроился рядом. Он выбросил сигарету и спросил:

– Удивляешься?

– Мягко сказано...

– У нас мало времени: на следующей мне сходить. Я тебя и так прождал полчаса.

– Ли не мог предупредить меня раньше.

– Знаю. Не в этом дело. Сегодня слам идет на акцию. О Доке слышал? Его сегодня должны вынуть.

Я не понял.

– Наш термин: спасти, вырвать из рук Бигля.

– Буду участвовать?

– Будешь. Только по-своему.

– Это как?

Он не ответил, прикидывал что-то в уме, посмотрел на часы, спросил нетерпеливо:

– Где сынок?

– Факетти? Наверно, в «Городе снов». Ждет меня и чертыхается. С ним некая дива – Жаклин Тибо. По-моему, человек Тейлора.

Он поморщился:

– Худо. Отделаться никак нельзя?

– Можно попробовать. А что?

– Сойдешь со мной, поймаешь машину, вернешься в «Город снов» и убедишь Джина поехать в штаб Бигля.

Я пожал плечами:

– Убедить-то можно, только зачем?

– Я не закончил: сегодня по управлению дежурит старший Кодбюри. Вполне уместно навестить отца задушевного друга. Он с вами?

– Нет, наверно. Когда я уходил, его повезли домой: надрался до бесчувствия.

– Тоже неплохо: беспокойство о моральном облике товарища чаще всего возникает в полупьяном виде – как раз как у тебя с Джином. Приедете, поговорите, а когда начнется тревога – где-то около двух, – примешь участие.

Кажется, я начал что-то понимать: Мак-Брайту был нужен свой человек «на той стороне». Я, пожалуй, сумею сыграть роль.

– Инициатива поездки должна исходить от Факетти. А ты лишь натолкни его на эту мысль. Все понял?

– Все.

Он крепко пожал мне руку и вышел.

Я выскочил следом.

У выхода на площадь дежурили два электроля. Я влез в кабину, назвал адрес, взглянул на часы. Еще есть время. Да и опаздываю я ненамного: простят заблудившемуся провинциалу.

Так я и объяснил Джину с Жаклин, стойко охранявшим от публики столик на четверых у самой эстрады.

– Кто четвертый? – поинтересовался я.

– Стив обещал подъехать, – сказал Джин, а Жаклин добавила саркастически:

– Если проспится.

– Губите вы его, ребята. Пить он не умеет, а пьет.

– А мы-то что можем сделать? – искренне удивился Джин.

– Остановить его. Поговорить. Отцу, наконец, сообщить.

Джин задумался.

– Отцу – это идея, – сказал он.

– Опасная идея, – снова вмешалась Жаклин.

И я подумал, что она не слишком любит заносчивого Кодбюри и не скрывает этого. Тут я с ней вполне солидарен, даже союзник. Вот о чувствах Дикого и Джина к ней самой я пока не знаю. Интересно, догадываются они о ее профессии? Джин не дурак, вероятно, догадывается.

– А что может сделать отец Дикого? – спросил я.

– Экономическая блокада – раз. Физическая расправа – два. А три... наш Дикий папашу боится, проверено. Вот и слетаем к папаше, пока Алина не выступила. А ее выход в два. Успеем вернуться.

– Он же на дежурстве, – сказала Жаклин без всякого удивления, видимо привыкшая к моментальным решениям Факетти.

– Ну и что? Поедем в управление. Ему сейчас скучнее,

чем нам: попробуй подежурь ночью.

– Ты, конечно, сумасшедший, – пожал плечами Жаклин, – но Бог с тобой, едем. Часа нам хватит?

А Джин хохотнул только:

– Зачем больше? В полчаса управимся.

...Полицейский в бюро пропусков Корпуса безопасности некоторое время внимательно слушал нас, разглядывал водительские права Джинна – все-таки какое-то развлечение, – потом, позвонив куда-то, сказал строго:

– Проходите. Второй этаж, кабинет...

– Знаем, знаем, – прервал его Джин и шепнул мне: – Старик, наверно, решил, что к нему явился Факетти-старший.

– Полагаю, он и младшего жалует, – сказал я.

– Еще бы не жаловал! Все Кодбюри – из породы бесхребетных. Где дорого, там и гнутся. Впрочем, сам увидишь.

Я взглянул на часы: без двадцати семи два.

В приемной сидел мрачный детина с нашивками сверхсрочника и что-то писал. Увидев нас, осмотрел недовольно, нажал кнопку селектора:

– К вам трое.

Из селектора рывкнуло:

– Сейчас выйду.

Огромная резная дверь в кабинет дежурного чуть-чуть приоткрылась, впрочем, достаточно, чтобы я увидел на стене мигающую объемную карту города и огромный пульт посреди комнаты, оттуда выскользнул, именно выскользнул, а не

вышел, маленький человечек в шитом золотом полицейском мундире без всяких знаков различия. Он был толст, лыс, коротконог и совсем не походил на Дикого.

– Рад вас видеть у себя, господа, – прожурчал он, сдвинул кобуру с лучевиком на живот, плюхнулся в кресло-раковину. – Как здоровье отца, Джин? Впрочем, знаю-знаю, имел честь говорить с ним вчера... Да вы садитесь, будьте как дома, если можно считать наш Корпус домом... Так что же привело вас ко мне в столь поздний час, когда маленьким детям пора бай-бай? – Вся эта чепуха была выстрелена без малейшей улыбки.

– Маленькие дети уже бай-бай, – сказал Джин, усаживаясь напротив. – Я имею в виду Стива. Собственно, из-за него мы и пришли.

– Что же он натворил, этот шалун? – спросил вкрадчиво Кодбюри-папа, и я успел заглянуть ему в глаза прежде, чем он опустил их. Страшные это были глаза: холодные, жесткие, колючие – они совсем не монтировались с обликом толстяка, эдакого доброго гнома – чужие глаза, принадлежащие человеку без жалости, роботу с программой на черствость.

– Как вам сказать, – начал было мямливать Джин, но не успел: над головой детины с нашивками вспыхнула красная надпись «ТРЕВОГА», и плотную ночную тишину здания разорвал вой сирены.

– Простите, господа. Поговорим в другой раз.

Кодбюри встал, расстегивая кобуру, вынул лучевик,

щелкнул предохранителем, кивнул сержанту:

– Проводите гостей...

– Послушайте, Кодбюри, – раздраженно сказал, Факетти, – можете объяснить, что происходит?

Тот улыбнулся впервые – только дрогнули уголки губ.

– Как слышите, тревога.

– Сбежал кто-нибудь? – Я спросил это, не вставая с кресла, стараясь говорить как можно небрежнее. – Бывает... Вы, кстати, переставьте диапазон на прицеле: у вас там полтораста – все здание разнесет...

Он посмотрел на лучевик, передвинул бегунок диапазонов, спросил удивленно:

– Знакомы с оружием?

– Более чем знаком – в дружбе.

– Он у нас новенький, – засмеялась Жаклин: ей было явно наплевать и на Дикого, и на тревогу, и на самого хозяина. – Пилот-профессионал, герой на половинном окладе, первый друг Джина и Стива. – Дайте ему лучевик – всех врагов перебьет.

Я не был против своевременной идеи Жаклин.

– А что? Давайте попробуем! Я сейчас без работы: понравлюсь – возьмете на службу.

Кодбюри несколько секунд пристально смотрел на меня, потом подошел к столу сержанта, нажал какую-то кнопку:

– Доложите обстановку.

Из динамика на столе раздался взволнованный голос:

– Восточный блок. Круг дубль. Побег заключенного.

– Номер? – отрывисто спросил Кодбюри.

– Девяносто второй.

– Результаты?

– Блок оцеплен. Дополнительных сведений нет.

– Идиоты! – выругался Кодбюри и крикнул в микрофон:

– Стягивать оцепление! Иду к вам.

Он оценивающе посмотрел на меня:

– Хотите пострелять, лучший друг Джина?

Я по-прежнему полулежал в кресле – очень уж оно располагало к отдыху, – бросил лениво:

– Буду рад.

– Держите! – Он кинул мне лучевик, я вскочил, поймав его на лету.

– Неплохо. – Кодбюри открыл ящик стола, достал второй лучевик, проверил диапазон. – Дежурный, оставайтесь здесь, следите за тем, чтобы наши гости были в безопасности. – И уже к Джину: – Постараюсь развлечь вашего друга. – И покатился к двери.

А за дверью – по пустому коридору до поворота направо, потом в тесный лифт, вверх, вверх, вверх – сколько этажей? – потом лифт начал двигаться горизонтально и наконец остановился. Мы вошли в такой же, как и внизу, коридор, только ярко освещенный и заполненный черными мундирами. К Кодбюри подскочил верзила в шлеме с защитным забралом, козырнул, отрапортовал:

– Все выходы заблокированы. Им не уйти.

– Жертвы? – быстро спросил Кодбюри.

– Один полицейский внутренней охраны. И еще один ранен. Он-то и поднял тревогу.

– Камера?

– Без взлома. Открыта шифром.

– Где же они?

Полицейский, казалось, даже ростом стал меньше.

– Не знаю. С момента тревоги мы их не слышали – ни стрельбы, ни беготни.

– А может быть, вы их проворонили?

– Никак нет. Все выходы заблокированы.

Он откинул вверх прозрачный намордник, вытер платком лицо.

– Думаю, их всего трое. И заключенный Стоун. Где-нибудь выжидают.

– Где-нибудь... – передразнил его Кодбюри. – Вам бы командовать детским хором, а не особой группой.

– Так точно, – тупо сказал полицейский.

– Ладно, к делу, – начал Кодбюри. – Четверо с лазерами – в блок «Мышь», четверых – к грузовому лифту, взвод – в грузовой двор. Остальным прочесать коридоры. Да, еще... – Он остановил стартующего верзилу: – Изоляция камер?

– Включена на полную. – И спросил нерешительно: – Скажите, вы доложили о происшедшем директору Биглю?

Кодбюри даже позеленел от ярости.

– Какое вам дело? За излишнее любопытство – двое суток ареста. Выполняйте приказ.

Тот щелкнул каблуками, надвинул щиток на лицо и побегал к отряду. Через несколько секунд полицейские с пистолетами и лучевиками пробежали по коридору мимо нас, сворачивая в боковые проходы, и только теперь я заметил в стенах глухие стальные двери, видимо открывающиеся автоматически. Рядом с каждой – прямоугольник щита-распределителя: там, вероятно, механизм двери, пульт наблюдения, черт знает что еще. А над щитами ярко горели зеленые фонарики, кроме одной двери, где лампочка тревожно мигала.

Кодбюри к чему-то прислушивался, как собака на охоте: уши напряжены, сам в стойке, сейчас бросится.

– Что-нибудь слышите?

– Может, и слышу, – сказал он. – Вот что, лучший друг Джина, мы с вами пойдем туда. – Он ткнул дулом лучевика в жерло туннеля-коридора, уходящего в темноту.

– Что там?

– Люк для отбросов.

– Вы думаете...

Он перебил, усмехнувшись:

– Представьте, думаю. Полицейские тоже иногда размышляют. Где искать отбросы? В люке для них. – Он опять усмехнулся, довольный собственной шуткой.

Темный коридор – пожалуй, низковатый для меня: я то и дело стучался головой о какие-то выступы в потолке – мы

прошли неторопливо и крадучись, он впереди, я за ним. В конце коридора Кодбюри зажег фонарик, осветив массивную стальную дверь с ржавым замком-засовом и осколки стекла на полу.

– Видите, – он указал на них лучом фонарика, – лампочка. Слабенькая. Люком пользуются редко и в основном днем. А им и она мешала...

– За дверью лифт? – спросил я.

– Нет, обыкновенные ступеньки-скобы, ржавые от времени. Этой части здания лет восемьдесят.

– А этаж?

Он кивнул одобрительно:

– Соображаете... Тридцать седьмой. Высоко. Они, вероятно, еще не успели спуститься...

Он осторожно отодвинул засов, потянул на себя тяжелую дверь, наклонился над темной бездной. Я резко рванул его на себя – вовремя: откуда-то снизу полоснул узкий белый луч, лизнул стальной косяк, как перерезал его.

– Отлично, – сказал Кодбюри, – они здесь.

Он достал из кармана прямоугольный брусочек, сдавил его, чем-то хрустнув, бросил вниз.

– Что это?

– Игрушка: усыпляющий газ. Я бы хотел взять их живыми.

Внизу в туннеле что-то стукнуло и стихло. Кодбюри выругался:

– Мерзавцы знают этот дом, как свою квартиру: они пере-

крыли ход.

– Чем?

– Каждые пятьдесят метров – выдвижные крышки для накопления отбросов.

– Что же делать?

– Слушать старших, лучший друг Джина. – Он снова зажег фонарик и тут же погасил его, видимо обнаружив то, что искал. Ударил рукояткой по стене, брызнули осколки. – Здесь кнопка сирены...

Здание вновь заполнил резкий протяжный звук. Кодбюри отпустил кнопку, звук прекратился.

– Поспешим к лифту. Там должны быть наши. Мы перхватим птичек прямо у выхода.

Грузовой лифт, набитый полицейскими – их было не четверо, как приказывал Кодбюри сержанту, а по крайней мере десяток, – спустил нас на первый этаж в две минуты. Грузовой двор, заставленный какими-то ящиками, бочками, непонятными конструкциями из металла, был почти пуст, если не считать четверых полицейских у автоматических ворот, еще одного – в тесной будке контрольно-пропускного пункта и троих людей в серых комбинезонах, суесящихся у огромного мусоровоза.

Когда мы с Кодбюри во главе десятка перепуганных стражей порядка выбежали во двор, эти трое уже закончили погрузку мусора и полицейский в будке нажал кнопку управления воротами. Стальные створки поползли в стороны, серые комбинезоны влезли в кабину, и машина медленно тронулась. Она уже въезжала в ворота, когда внезапно прозревший Кодбюри истошно крикнул:

– Стой! – И полицейским: – Огонь по машине!

Потом рванулся за ней, прицеливаясь на ходу, а мимо него

вслед беглецам сверкнули стрелы лазерных лучей. Вряд ли я тогда соображал, что и зачем делаю, но побежал за Кодбюри. Я настиг его у ворот, схватил за плечи, повалил и упал сверху – вовремя: из уходящей на полной скорости машины вылетел такой же лазерный луч, крест-накрест перечеркнул прямоугольник ворот. Приподняв голову, я увидел, как вспыхнула будка КПП, как, перерезанный пополам, рухнул на землю полицейский, как по темному переулку, завывая сиреной, пронеслись две черные машины управления.

– Кончен бал. – Я поднялся и помог встать придавленному толстяку.

Он засунул в кобуру бесполезный уже лучевик, протянул мне руку.

– Спасибо, вы спасли мне жизнь. А лучше бы вы спасали только свою...

– Почему?

– Моя мне будет дорого стоить.

В молчании мы добрались до кабинета дежурного, он толкнул дверь и вошел в приемную.

Жаклин и Факетти мрачно курили под охраной истукана дежурного. Увидев меня, Джин радостно крикнул:

– Наконец-то! Ну, что там?

Кодбюри перебил его, не церемонясь:

– Он вам потом расскажет. – Взял листок бумаги, что-то черкнул на нем. – Отдайте дежурному у выхода, иначе не выпустят.

Когда мы вышли, я рассказал о своих приключениях. Жаклин иронически заметила:

– Приобрели новую профессию – спасателя. Второй день практикуетесь.

Я отпарировал:

– Надеюсь, вас мне спасти не придется.

– Не ссорьтесь, ребята, – тихо сказал Джин. – Эта история будет стоить места старому Кодбюри: Бигль не прощает ошибок. А это значит, что у Лайка появляется враг...

– Дикий? – спросил я и добавил беспечно: – Он и так меня не терпит.

– Тут другое, – пояснил Джин, – чувство недоброжелательства перейдет во вражду. А как враг Дикий очень опасен.

Время показало, что Джин был прав.

Глава 8

в которой Лайка знакомят со сламом

Проснулся я поздно, долго лежал не двигаясь, не открывая глаз: болела голова, руки как ватные – не поднять, не пошевелить.

Я уже клял себя за то, что ввязался в это дело. В конце концов, я Мак-Брайту не подчинен: мы делаем одно дело, хотя и разными способами. Мы можем и должны помогать друг другу, когда это безопасно. И тут же оборвал себя: не спешу осуждать Мак-Брайта. Сейчас ему прибавились лишние хлопоты – прикрывать тебя. И вряд ли бы он стал рисковать твоим положением, не продумав игры, не взвесив все «за» и «против». А ведь есть еще Первый, который, несомненно, знает и о вчерашней акции, и о моем участии в ней. Значит, оно было обдумано и согласовано. Только зачем – непонятно...

После душа я почувствовал себя значительно лучше, выпил кофе, принесенный горничной, вышел из отеля, поискал глазами Ли. Мальчишки не было. Особенно удивляться не стал, подошел к киоску, купил утренний выпуск «Новостей», перелистал тщательно. Так и есть: о вчерашнем про-

исшествии ни слова. А разве ты ждал иного? Нет, конечно. В этом прекрасном свободном мире отсутствует одна маленькая деталь – свобода. Маленькая-то она маленькая, но без нее как-то неуютно. Хотя многие привыкают, живут, помнят извечное «стерпится – слюбится». А если не стерпится, не слюбится? Вот тогда иди в трущобы, слам, действуй, добывай себе эту свободу, рискуй ежечасно, но помни: в газетах тебя не прославят, в песнях не воспоют, имя твое в речах не рассиропят. Вот почему, к примеру, для приема в клубе «При свечах» колонки не пожалели, и даже некто Чабби Лайк в списке гостей упомянут, а о его посещении полицейского корпуса и речи нет: не событие!

Ну ладно, шутки в сторону. Что будем делать, Лайк?

– Дышишь свежим воздухом?

Резко обернулся, вздохнул облегченно: держи себя в руках, Лайк, не распускайся.

– Доброе утро, Линнет.

Она – в белом платье-тунике, сандалиях с ремешками до колен, волосы схвачены золотым обручем – смеется:

– Хочешь, расскажу, что будешь делать в ближайшие несколько часов?

– Поделись всеведением.

– Повезу тебя туда, где с тобой и о прошлом поговорят, и о будущем поведают.

– Куда поедем?

– Вокзал «Торно», – сказала она в микрофон электроля.

– Я однажды был на вокзале «Торно»...

Она удивленно спросила:

– Когда?

– Вчера. С нашим общим другом. Почему опять вокзал?

Линнет пожала плечами.

– И опять и всегда... Традиционное место встречи.

– Место встречи не должно быть традиционным: это аксиома подпольщика.

– На вокзале «Торно» семьдесят семь перронов. Интенсивность работы предельная: каждые двадцать секунд прибывает или уходит моноэкспресс. Это же главный узел Мегалополиса: он соединяет центр с рабочими «окраинами», с «трущобами», с городами-спутниками. Пропускная способность его – двадцать миллионов пассажиров в сутки. Трудно ли потеряться среди них?

Мы прошли через вертящиеся двери в гигантский распределительный узел, откуда бесчисленные эскалаторы уносили пассажиров в туннели под светящимися табло с номерами вокзальных путей. По одному из них мы поднялись на второй этаж, прошли мимо цветной шеренги автоматов с газетами, жевательной резинкой и сигаретами, парфюмерией и значками – бляхами – черт знает с чем еще! – и наконец вышли на волю, прямо к подъезду, уткнувшему свой китовый нос в табло с расписанием и указателем «Путь № 7».

– А почему седьмой путь? – поинтересовался я. – Вчера был второй...

– Любой из первой десятки, – пояснила Линнет. – И любая станция по вкусу: от первой до шестой. Сейчас поедем до третьей.

Третья станция ничем не отличалась от первой, на которой я побывал вчера вечером: тот же длинный перрон, те же унылые автоматы, те же турникеты у выхода, та же стоянка электролей, и даже машин столько же – три, магическое число главного диспетчера.

– Поедем, – сказал я, но Линнет отказалась:

– Лучше пешком: спокойнее. Да и недалеко...

Окраина – кварталы бедноты. Здесь в ультрасовременных с виду – только с виду! – зданиях живут те, кто делает Систему сегодня: ее руки. Мне казалось – а по сути, и было так, – что я не раз проходил по теплomu асфальту Семьдесят пятой улицы, поворачивая на Сто сорок шестую, шел мимо этого кондитерского магазинчика, ждал кого-то в баре Хиггинса с завлекательной надписью на дверях «У нас всегда есть что выпить!», играл в расшибалочку блестящей монетой с гордым профилем шефа Системы, стоял в очереди в кинематограф с юниэкраном, чтобы увидеть знаменитого Ланни Хоу в боевике «Планета – время любить!».

Повторяю еще раз: я не был в Мегалополисе, но был его жителем и на все вопросы давно получил ответ: и сколько людей в каждом доме, и каковы в нем квартиры (ученический пенал, увеличенный до размеров человеческого роста), и где работают его обитатели («Автомобильный центр»,

«Сталь Нью-Джи», «Шахты Факетти», заводы Холдинга – несть им числа!), и как развлекаются они (кружка тэйла по вечерам, киношка или бар с традиционным стаканом, парк увеселительных автоматов или телеварьете на углу Сто пятой и Восемьдесят второй, а по воскресеньям – семейный выезд в центр – мотай свои денежки, рабочий класс!), и как любят, и как дышат, и как смеются – впрочем, как и все люди во всем мире, поделенном на две большие глыбы, бывшие когда-то одним домом, одной Планетой.

– Поспешим, – прервала мои раздумья Линнет, – нас ждут.

– Прости, задумался... Кто ждет?

– Сюрприз.

– Долго еще?

– Пришли, – сказала она, оглянувшись, свернула за угол, потянув меня за руку, толкнула плечом дверь какого-то подъезда. – Сюда.

Мы спустились в полуподвал, открыли скрипящую дверь, прошли по темному коридору со множеством кабелей, протянутых прямо по стенам, подошли к стальной двери с вечной надписью о нежелательности посторонних. Линнет постучала негромко, и из-за двери спросили:

– Кто нужен?

– Почта для Седьмого, – сказала Линнет.

Дверь открылась. На пороге стоял невысокий плотный старик в сером комбинезоне с красной нашивкой на рукаве.

На ней были вышиты три скрещенные молнии. «Электрохозяйство района», – догадался я.

Старик отступил, давая дорогу.

Мы прошли через низкий машинный зал, поднялись по ступенькам к стеклянной будочке в конце его.

– Входите. – Голос был мне знаком.

В тесной комнатке – судя по оборудованию, пультовой – на табуретке сидел Мак-Брайт, а рядом на стуле – незнакомый мне человек лет сорока.

– Привет, Чабби, – сказал Мак-Брайт. – Знакомься.

Незнакомец поднялся и, прихрамывая, подошел ко мне.

– Доктор Стоун, – протянул руку.

Я пожал ее, вспоминая, где я слышал это имя, вспомнил и с уважением посмотрел на Стоуна.

– Рад познакомиться. Мое имя Лайк.

– Слышал, – сказал доктор.

– Я о вас тоже...

– Завели канитель, – усмехнулся Мак, – интеллигенция... – И Линнет негромко: – Девонька, погуляй по залу с полчаса, посмотри хозяйство Блисса.

Мы остались втроем в тесной комнатке, где, кроме трех зачехленных пультов, стояли какие-то ящики, а за ними, в углу, виднелась еще одна дверь.

– Там подсобка, – сказал Мак-Брайт. – Мы одни, не волнуйся.

– Я не волнуюсь, я удивляюсь.

– Чему?

– Что это за игры, Мак? Непонятные приказы, непонятные действия, непонятная конспирация. Заметьте: я не спорил и не спрашивал – подчинялся. Хотя зачем – один Бог знает. В конце концов, я здесь не для того, чтобы отбирать лавры у мифических богатырей, у меня несколько иная задача.

Мак-Брайт усмехнулся устало, потер ладонью глаза: они слезились, как после бессонной ночи, даже не одной – нескольких. И я пожалел, что был резок с ним: измучился, измотался.

– У нас одна задача, – сказал он тихо, почти шепотом, и доктор кивнул ему, словно соглашаясь, – и ты ее знаешь, Лайк. Ты мне не подчиняешься, и я не вправе тебе приказывать. Но любой мой приказ – это приказ Первого или с ним согласован. Кстати, твое участие во вчерашней акции – вообще его замысел. Он мне его не объяснил, некогда было. Встретишься с ним – сам спросишь. – Он поймал мой удивленный взгляд, махнул рукой: мол, не перебивай, объясню. – Да-да, встретишься, и скоро – он сам назовет день. И это тоже не моя идея – его... Теперь о главном. У доктора Стоуна есть кое-что по твоему ведомству: послушай, пригодится...

Он замолчал. Доктор тоже молчал, изучающе глядя на меня. Я не любил многозначительной тишины, поэтому немедленно ее нарушил:

– Несколько вопросов, Мак. О вчерашней акции.

Тот кивнул: спрашивай.

– Спрошу кратко. Как? Что? Почему?

– Акция дерзкая, – начал Мак-Брайт, – но не первая, связанная с Корпусом безопасности, точнее – с его тюрьмой. У нас там тоже есть свои люди, и мы всегда осведомлены о внутреннем распорядке, о правилах, о положении подследственных. Даже план тюрьмы со всеми коммуникациями имеем... Расчет строился на привычке людей не замечать будничное, каждодневное. Если мусорная машина из года в год в строго определенные часы дважды в сутки приезжает на грузовой двор, то какой умник заинтересуется ее содержимым сегодня, если и вчера, и месяц назад, и в прошлом году оно не менялось? Конечно, меняются люди: шоферы, грузчики – так у них есть пропуска, которые дежурный всегда тщательно проверяет. Да и погрузка происходит у всех на глазах и занимает минуты три, не больше. И если за эти три минуты из бункера машины в грузовой люк проскользнут два человека, то, ей-богу, этого никто не заметит. Вот почему в четырнадцать ноль-ноль двое моих парней прочно обосновались в этом люке. Они должны были подняться до двадцатого этажа и спокойно дожидаться половины второго ночи, когда у тюремщиков пересменка по графику. Единственное неудобство – это путь вверх: по скобам...

– Знаю, – кивнул я, – видел...

– Вот как? – Мак-Брайт удивленно посмотрел на меня, но, ничего не спросив, продолжил: – Раз уж ты и там побы-

вал, то, наверно, обратил внимание: от люка до камеры Дока – всего метров сорок, сразу за ней коридор поворачивает вправо, и метрах в пятидесяти от поворота сидит дежурный. Он для нас безопасен, ибо его дело – сидеть, а не шляться по коридорам, как это делает рядовой полицейский. А этих рядовых двое: один у камеры, второй у люка. Тот, что у камеры, должен был быть одним из наших...

– Осечка вышла? – поинтересовался я.

– Осечка, – подтвердил Мак-Брайт. – Парня накануне перебросили в другой караул. Что же делать? Отменять акцию? Но Дока не сегодня-завтра переведут в Централ-распределитель, а там – ищи его... В общем, решили рискнуть, а на всякий случай ввести в дело еще одного.

– Меня?

– Тебя. Это Первый предложил, я уже говорил тебе. Какие у него мотивы – Бог знает, а мне твое участие совсем не мешало. Хочешь знать почему? Да потому, что Кодбюри-старший – фанфарон и актер. Любит поработать на публику. Охранник неплохой, злой, решительный, опытный, только ему бы действовать, а не лицедействовать. Ты оказался подходящим зрителем, вероятно, даже подыгрывал, где надо. А время шло. И работало на нас. В общем, главное ты видел. А теперь перейдем к делу, непосредственно тебя касающемуся. Я об этом в Центр донесение послал.

– О чем?

– О золоте на федеральном шоссе. Сын нашего челове-

ка был свидетелем довольно странной аварии: перевернулся электрокар на шоссе, а из кузова выпало несколько больших золотых брусков.

– А охрана? – спросил Док. Голос был глуховатый и, пожалуй, слишком тихий: болезнь горла у него или просто усталость?

– Была охрана, – подтвердил Мак-Брайт. – Только странновато одета: в защитных скафандрах. Мальчишка так и сказал: «космонавты». Золото не излучает, так от чего прятаться?

– Любопытно, – сказал доктор, – а еще, пожалуй, любопытнее то, что мои сведения кое-что объясняют в этой аварии. Видите ли, – обратился он ко мне, – я проходил по следственной категории «Семь – главная», иначе говоря, по делам особо важных государственных преступников. В ходе следствия тут могут быть применены любые методы дознания, в том числе и показательный допрос. Не буду утомлять подробностями, скажу лишь, что подвергнутый такому допросу – уже смертник. Спасти его может лишь чудо, – добавил без тени усмешки, – как это и было со мной. И потом уже, допрашивая меня, следователь ничего не скрывал, пытаясь запугать, заставить просить пощады. Он ведь знал, что ничем не рискует: все государственные тайны были бы похоронены со мной на Второй Планете.

Я даже вздрогнул от неожиданности, и, странное дело, доктор по-прежнему смотрел в пол, даже головы не поднял,

и все же как-то сумел уловить, что послал меня в легкий нокдаун.

– Вас не интересует эта планета? Напрасно, пусть заинтересует. – Он поднял голову, и я увидел его глаза – тусклые, холодные, неподвижные. – Приговоренных к смерти у нас не убивают. Гораздо выгоднее растянуть смерть года на два – на три: больше не проживешь, это убивает вернее пули.

– Что именно?

– Руда. А она радиоактивна.

– Где эта руда?

– На Второй Планете. «Шахты Факетти», может быть, слышали?

Слышал, мне ли не слышать...

– Что за руда?

– Не знаю. Знаю только: радиоактивная.

– А точнее?

– Говорю: не знаю. Только такой руды на нашей Планете нет. Металл вырабатывается в лабораториях искусственным путем, а убивает вернее и быстрее любой из наиболее токсичных субстанций, известных нам. И учтите, «металл икс», добываемый на Второй Планете, может оказаться самым эффективным из них. Следователь сказал, что мне не на что надеяться: всех, кто знает об этих разработках, убивают – лишних, конечно.

– Вам известно точно местонахождение разработок?

– Что может быть известно подследственному? Он может

только слушать и запоминать. Я слушал и запомнил: адрес – Вторая Планета, владелец – Факетти. Вряд ли следователь врал. Такому, как Док, говорят правду. Все равно ее через неделю – другую воочию бы увидел. Смертников не убивают: государству нужны рабочие руки – любые и побольше.

Нас не баловали сведениями о Второй Планете: слишком мало там сделано и делается с трудом. Первые колонисты в городах-куполах были героями. Их портреты печатались во всех газетах, а имена восторженные мальчишки заучивали наизусть. А дальше пошло как здесь. Выросли города, колонистов стало больше: уже появились дети, рожденные на Второй Планете. Построена обсерватория – крупнейшая в мире, правда. Возник научный центр по изучению Второй Планеты, факультет университета готовит для него специалистов, и, пожалуй, на этом факультете самый высокий проходной балл. Открыто крупнейшее месторождение нефти, разработан проект его эксплуатации. Сейчас он рассматривается в Комиссии по мирному использованию ресурсов космоса – одном из общепланетных институтов с правом решающего голоса.

Все это в нашей зоне влияния.

А что делается в зоне Системы Всеобщего Контроля – совсем туманно. Самый крупный город в зоне – СВК – два. Есть и еще города-спутники с автономным управлением. А уровень развития тот же, что и у нас, даже пониже. Короче, сегодня – только капиталовложения, которые окупятся зав-

тра или послезавтра.

И вдруг незарегистрированные, засекреченные разработки... Может такое быть? Практически да: Док чуть было не попал в эти закамуфлированные рудники. А теоретически и мы допускали такую возможность: территория огромная, наземные средства контроля под куполами ограничены радиусом действия. Главный совет по эксплуатации Второй Планеты еще лет пять назад отказался от постоянных контролеров с двух сторон и высказался за периодическую инспекцию. Теперь мы посылаем инспекторов в СВК – два, они там сидят, смотрят, что им показывают, слушают, о чем им считают нужным сообщить, – не более того. А не хочется сообщать – так скрыть нетрудно... Агентура на Второй Планете пока бесконтрольна.

Я встал.

– Спасибо за сведения, доктор. Они очень важны. А теперь, извините, у меня пара слов к Мак-Брайту.

Мы вышли в машинный зал. Я не стал напрягать связок, чтобы перекрыть шум, сказал на ухо:

– Его надо лечить: он опасен в таком состоянии.

– Знаю, – согласился Мак-Брайт. – Мы переправим его к нам. А как сведения? Помогут?

– Надеюсь, – сказал я.

– Я тоже надеюсь, – сказал Мак-Брайт.

Глава 9

в которой Лайк сам начинает верить, что он счастливчик

Вернувшись в отель, я сразу же позвонил Джину, но не застал его: «электронный секретарь» сообщил мне, что «хозяин» уехал к отцу в офис. Не успел я отойти, как видеофон снова напомнил о себе. Появилась Жаклин.

– Чем занимаетесь, Лайк?

– Мечтаю пообедать. Хотите? На мое счастье, она отказалась:

– Не могу, дела. А звоню я вот почему: вчерашняя история заставила сделать выводы не только папашу Кодбюри, но и Факетти-старшего.

– О чем выводы?

– Результат пока не ясен. Дикий посажен под домашний арест вплоть до вынесения приговора. А нашего друга Джина вызвали на допрос к отцу.

– А что с Кодбюри-старшим?

– Пока санкции не было. Думаю, обойдется. Говорят, Бигль с чудачествами. Да и отходчив. А Кодбюри он любит – за глупость, наверно.

Следом за Жаклин на экране видеодиска возник Джин, мрачный и осунувшийся.

– Звонил? – лаконично поинтересовался он.

– Звонил, – подтвердил я. – Тебе что, на мозоль наступили?

– Хуже, – тоскливо сказал он. – У меня неприятности, Чабби. Надо поговорить.

– Так поднимайся прямо в ресторан на сороковом этаже. Я займу столик на веранде.

Джин явился быстро – официант еще не успел принести заказ, – но обедать отказался:

– Не до еды, Чабби...

Налил себе рюмку, залпом выпил, сказал обреченно:

– Беда... Мой старик совсем с катушек сошел: устроил мне концерт легкой музыки. Словом, Кодбюри позвонил ему утром, сказал, что мы все здесь катим под уклон, что нас надо спасать, пока мы не дошли до предела. И старик придумал. Поскольку я инженер-горняк по специальности, то меня ждут с нетерпением на рудниках. А ты знаешь, где рудники «Шахт Факетти»?

Я знал, где эти рудники, но сказал осторожно:

– Где-нибудь на юге?

– Как бы не так!.. А Вторая Планета тебя не устроит?

Ох, как бы меня устроила Вторая Планета, гораздо больше, чем Джина!

– Невеселая перспективочка, – присвистнул я.

– Еще бы! СВК – два. Космический рай. Туда всех уголовников ссылают. И условия там – лучше в петлю.

– А ты не преувеличиваешь? – Я старался не выдать волнения. – Привыкнешь, старина. И потом, ведь это не на век.

– А хоть бы и на год: ты бы небось не поехал...

– Я десять лет провел на Луне. Это похуже, чем Вторая Планета.

Клюнет? Клюнул.

– Похуже, говоришь? А ты сам поезжай-ка да посмотри.

– Покупаешь? – Грубее, злее: сейчас нужен именно такой тон. – Я хоть сейчас чемодан соберу.

– А ты не трепись: собери...

Я кликнул официанта:

– Счет, пожалуйста...

Расплатился молча, встал, пошел к выходу.

– Куда? – крикнул Джин.

Бросил не оборачиваясь:

– Чемодан собирать.

Он схватил меня за рукав:

– Да ты не обижайся: я пошутил.

– Зато я не шучу.

Он замолчал, дошел со мной до номера, подождал, пока я возился с ключом, вошел в гостиную, плюхнулся в кресло.

Я сел напротив, закурил – все молча, молча, кто первый не вытерпит? Не вытерпел он.

– Seriously, Лайк: мне отступить некуда. Отец – человек

слова, и он твердо решил отправить меня на Вторую.

– Когда летишь?

– На той неделе, вероятно.

– Ну что ж, – сказал я. – Своих друзей я в беде не бросаю. Только узнай у отца, что он думает по этому поводу. Время у нас есть: тебя не торопят.

Моя осторожность его не обескуражила. Умный парень, он понимал, что моя поездка на Вторую Планету зависит не от меня и не от него. Бигль, Тейлор, Факетти-старший – все они будут принимать участие в решении вопроса.

– Я тебе завтра позвоню, – засмеялся радостно Джин. – Подумай, нас опять трое...

– Кто еще?

– Как кто? Стив, конечно. Думаешь, наши старики зря друг другу морочили головы?

Он вышел, хлопнув дверью, а я не успел задать ему еще вопрос. Зачем Стив? Впрочем, пусть едет. Мне он не мешает: привык уже. Для них это вроде исправительных работ, ссылка для привилегированных. А для меня?.. Я посмотрел в окно: где-то у входа вотель должен поджидать Ли. Он-то мне и нужен сейчас, вернее, не он – Мак-Брайт.

Снова зуммер видеофона, но я не включил экрана: пусть жужжит.

Глава 10

которой могло не быть, если бы Лайка не мучила бессонница

День был явно перегружен событиями: звонок Жаклин, разговор с Факетти, поиски Мак-Брайта (проклятая конспирация!), долгий и скучный спор с ним, наконец, выбор решения – есть от чего появиться бессоннице.

Но ведь от бессонницы спасет великий бог сна – сомнифер, усыпляющий мгновенно и безболезненно! Или я настолько распустился, что позволил себе пренебречь этой хитроумной машинкой для оболванивания простодушных жителей СВК? Нет, уважаемые блюстители конспирации, я не пренебрегаю правилами той страны, в которую попадаю. И конечно же сомнифер стоял у меня на тумбочке рядом с кроватью, и сон я выбрал по каталогу: о Луне, о моем безоблачном прошлом пилота, и лампочка на панельке прибора безотказно горела, сообщая контролеру в департаменте Бигля о том, что в Милтон-отеле обитает вполне лояльный гражданин. Но все дело в том, что сон по каталогу смотрел не я, а специальное устройство, присоединенное к сомниферу и настроенное на альфа-ритм моего головного мозга.

В общем, департамент Бигля – бывший департамент – мною не интересовался, а уж я им – и подавно. Меня волновало другое: мое будущее. Все дело в том, что на этот раз оно зависело не от меня – от Первого. Субординация есть субординация – даже в разведке. После того как я изложил Мак-Брайту свой план, он надолго задумался, замолчал, измеряя шагами комнату, заставленную моделями пылесосов, вентиляторов, кондиционеров и прочей электрочепухи (Ли привел меня в контору Мак-Брайта: это было, безусловно, опасно, но другого выхода я не нашел – спешил). Я ждал ответа, а Мак-Брайт все ходил, курил сигарету за сигаретой, потом уселся в кресле напротив, спросил:

– Ты отдаешь себе отчет в том, что может произойти?

– Что может произойти? – невинно поинтересовался я.

Он обозлился:

– Не играй в дурачка. Сам знаешь, что Вторая – это прежде всего проверка, и не одна.

– Я прошел десяток проверок.

– Не торопись, – он снова закурил – какую по счету? – Это тебе не электроли тушить. Здесь нужны головы поумнее наших. Во-первых, я должен сообщить а Центр... И еще: сегодня об этом узнает Первый.

Я не спорил. Без санкции Центра я все равно не мог пойти на столь неожиданное продолжение операции. Другое дело, что я был уверен: такая санкция будет, подождем, два дня не срок. А Первый... Что ж, таинственный Первый, видимо

облеченный немалой властью – и тайной и явной, – должен знать о моих планах.

Когда меня готовили к переброске сначала на Луну, потом в Систему, я слышал о Первом и о связанном с ним резиденте с кодовым именем Даблю-эй. Мне не давали явки к нему, никто не обещал встречи с ним, никто даже не говорил о том, что и ты, мол, будешь подчиняться ему. Подчинение было чисто символическим: даже Мак-Брайт, непосредственно связанный с Центром, никогда не упоминал ни резидента, ни его кодового имени. Я знал о нем, как и он обо мне, конечно, но в каждой моей акции, требующей помощи слама, подчинялся только Первому и его решениям.

– Быть может, он захочет с тобою встретиться, – сказал Мак-Брайт.

Зеленый огонек сомнифера помигал несколько раз, погас на секунду и вновь загорелся ровным, неярким светом: программа сменила сон. Я пожалел, что прибор не действует на меня: день завтра будет нелегким. Впрочем, на Второй Планете перспектива еще труднее. У контрразведки загребущие руки, достанут меня и там. Ну что ж, пожалуй, я уже привык к опасностям, привык к проверкам, к слежке.

Я подтянул к себе пульт видео, набрал номер Факетти. Он ответил не сразу, но не удивился, увидев меня.

– Разбудил?

Он покачал головой:

– Я еще не ложился.

– Что ж так?

– Еще один разговор с папочкой.

– Простил блудного сына?

– Если это считать прощением. Назначен директором филиала на Второй.

– А Дикого куда?

– Ко мне, куда же еще? Будет, видимо, начальником полиции на рудниках. Должность вполне для него: власть и лучевик в кобуре. По стопам папочки. Кстати, я тебе уже говорил, что Бигль простил Кодбюри-старшего? Стив подтвердил.

– Ты с отцом обо мне говорил? – перебил я: меня не интересовала судьба Кодбюри-старшего.

Джин кивнул:

– Отец не против. Спросил, кто ты. Я рассказал: и о твоей профессии, и о том, как ты меня из машины вытащил... Короче, о визе не беспокойся.

– Отлично, – заключил я. – Завтра созвонимся.

Мак-Брайт сказал: поинтересуйся реакцией Факетти-старшего на твою поездку. Вот уж это меня не волновало, и я оказался прав: Джин сумел уговорить отца. А может быть, и не пришлось его уговаривать. В самом деле, сыну понадобится поддержка – это любой поймет, – а если друзья сына проверены и надежны, то стоит ли искать лучший вариант? Нет, меня волновала реакция Бигля, а Мак-Брайт отмахнулся, сказал: не суетись раньше времени, оставь Тейлора и Бигля Первому. А кому я «оставлю» себя? Нет, Мак,

каково бы ни было решение Центра, я буду форсировать события: завтра же объявляю о своем решении лететь с Джином. Что может быть? Если Тейлор или Бигль имеют улики против меня (хотя откуда? Я не успел «наследить»...), Второй Планеты я не увижу. Ну а если улики нет и я вне подозрений, то почему бы пилоту-ветерану не слетать на соседнюю планету с другом-администратором?

В любом случае я не рискую успехом задания. Если Вторая для меня закрыта, то здесь – в СВК – мне делать нечего. Если же Факетти гарантирует визу, задание мое переходит в решающую стадию...

А с Первым я встречу. Отчего не встретиться? Л надеюсь, он не будет так сверхосторожен, как Мак-Брайт.

Глава 11

в которой как будто ничего не происходит

Утро, как и прежде, началось с видеозуммера. Вежливый голос спросил «господина Орта» и, получив в ответ традиционное «не туда попали», извинился и замолчал. Экран я не включал: я и так знал, кто мне звонил. Вот почему я собрался с необычной поспешностью, выскочил из отеля, перешел улицу и нырнул в маленькое кафе напротив. Чашка кофе и пара бутербродов – что еще нужно на завтрак? А если за твоим столиком уже сидит некто с бутылкой прохладительной и делает вид, что не узнает тебя, то завтракать становится просто весело.

– Что случилось, Ли? – бесцеремонно спросил я, отрывая мальчишку от коричневой бурды.

– Седьмой, – сказал он, не глядя на меня. – В двенадцать десять, подземная станция «Бэри», головной вход в сторону центра.

...Ровно в двенадцать десять я подошел к скамейке на перроне «Бэри», где уже сидел Мак-Брайт. Я его не узнал, и он меня не узнал – все, как положено, но в вагоне мы оказались рядом: два случайных попутчика, связанных корот-

ким маршрутом гроыхающей, грязной, душной подземки, такой же, как и десять, и двадцать, и сто лет назад, ибо в этом городе старое отступало с трудом, сопротивляясь изо всех сил, и никому уже не нужная, вытесненная поездами моно-рельсовых дорог, аэробусами и электролями, почти пустая подземка все еще гремела, лязгала, перевозя редких пасса-жиров.

– Разрешение получено, – сказал Мак-Брайт.

– Так я и думал, – подтвердил я. – Впрочем, и вы тоже...

Он улыбнулся:

– Я рад за тебя, Лайк. Да и не останешься ты в одиноче-стве. Хороший помощник у тебя будет.

– Кто?

– Догадайся.

– Ли?

– Холодно, холодно...

– Линнет?..

– Верно.

И буднично, словно пересказывая мне содержание ре-кламной брошюры о телевизорах (его работа!), безразлично глядя в сторону:

– Инструкции получишь за два дня до вылета. Связь по-прежнему через Ли. С Линнет сейчас лучше не видеться. Со мной тоже. Это ненадолго: насколько я знаю, Факетти выле-тит на Вторую Планету дней через пять. Ну, да он сам тебе скажет... И еще: я говорил с Первым. Он хочет тебя видеть.

Я недовольно буркнул:

– За что такая милость?

– За послушание. За удачливость. За умение дело делать.

Ты не ершишь, слушай. Сегодня вечером, часиков эдак в девять, доедешь до Пятьсот тридцать второго квартала северного района. Найдешь Сотую улицу. Сам найдешь: спрашивать ни у кого не надо. Дом с рекламой «Мотор Гварнет» на крыше. Поднимешься на третий этаж, от лестницы – коридор. Дойдешь до конца, до двери с номером триста один. Она будет не заперта. Войдешь и сядешь, не зажигая света. Понял: не зажигая света. А когда придет Первый, не пытайся рассмотреть его – это приказ! – Он устало откинул голову, прислонившись затылком к холодному стеклу вагонного окна, процедил, не разжимая губ: – Я выхожу сейчас. Ты – на следующей. Не забудь: сегодня в девять...

Я вышел из вагона, обернулся по привычке – «хвоста» нет, поднялся на улицу, похлопал себя по карманам в поисках сигарет. Не нашел, поискал монетку для автомата, набрал номер, спросил машинально:

– Джин? Закурить не найдется?

Он удивленно присвистнул:

– Как здоровье, старик?

– Подводит. Нервишки никуда.

– Ну приезжай: обмоем отъезд. Виза есть.

Вот и кончились твои «местные» опасности, Лайк. Начинается новый этап. И кто скажет, будет ли он легче или труд-

нее. Не сорвись, не сломайся.

Джин, неестественно оживленный, встретил меня у дверей.

– Ты вовремя: мы как раз обсуждаем наш космический вояж...

– Кто это «мы»?

– У меня Стив.

Перспектива общения с Диким меня мало радовала, однако пришлось смириться. Я прошел в холл, уселся в кресло, услужливо повторившее мою позу (спецзаказ, огромные деньги!), поздоровался с Кодбюри, спросил:

– Так что же вы обсуждаете?

Джин уселся напротив.

– Преимущества космической работенки.

– И в чем же они?

Ответил Дикий:

– В самостоятельности, во-первых. Ты представить не можешь, до чего надоело под опекой ходить. Где был, что делал, с кем гулял – все выясняют, все осуждают: того нельзя, это плохо... Жизни нет! А там сам себе хозяин. Власть полная!

Джин явно почувствовал себя неудобно из-за не в меру разошедшегося спутника. Усмехнулся недобро, спросил с издевкой:

– Власть, говоришь? А дело ты знаешь?

– Порядок поддерживать? Думаешь, трудности? – усмехнулся Стив. – Оружие есть, люди тоже. Попробуй пикни. Ты

лучше о себе подумай: по тебе ли шапка? Справишься?

– Не знаю, – неуверенно произнес Джин.

Я протянул через стол руку.

– Вместе пойдем, Джин, – рука об руку...

Кто знал, что я окажусь пророком?

Глава 12

самая короткая

Я люблю точность, даже если она не нужна. Бывают же случаи, когда точность мешает. Скажем, сегодня: зачем приходить ровно в девять и торчать в темной комнате дурак дураком, пока кто-то невидимый тебя не окликнет? И все же привычка, отшлифованная временем, заставила меня ровно без двух девять выйти из лифта в длинный коридор, описанный мне Мак-Брайтом. Он был пуст, и закрытые двери ничем не выдавали присутствия за ними жильцов – ни криком, ни музыкой, ни детским плачем. Между тем дом был жилой, многоквартирный: обычный окраинный небоскреб-город со своими кварталами, улицами-коридорами, квартирами-пеналами за нумерованными дверями, у которых единственным, хотя и немалым, достоинством была полная звукоизоляция.

Я никого не слышал, и меня не слышал никто. И поэтому я добрался до указанной Мак-Брайтом двери без приключений, ненужных встреч и любопытных вопросов. Толкнув дверь – она действительно оказалась незапертой, – вошел, касаясь рукой стены, и, нащупав задвижку, успокоился: по

крайней мере, посторонние без шума не влезут. Пытаясь разглядеть что-либо в крошечной тьме, медленно прошел вперед, налетел на что-то, чертыхнулся и услышал негромкое:

– Это стул. Садитесь.

Как пишут в таких случаях в плохих романах, «я вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки». Плохие романы не врут: я вправду вздрогнул от неожиданности. Но спросил спокойно:

– Там задвижка... Закрывать?

И услышал в ответ:

– Не надо. Сюда никто не войдет. Чужая собственность в СВК неприкосновенна.

– А как же власть предержавшие?

Из темноты усмехнулись:

– Со мной их не было. А с вами?

Я обиделся:

– Не маленький.

Мой собеседник опять ухмыльнулся: весельчак какой-то попался.

– Догадываюсь, что не маленький, хотя и темновато здесь.

– В темноте видеть не умеете?

– Не обучили. А вас?

– Я самородок: обладаю инфракрасным зрением, – сказал я и тут же понял, что сморозил глупость.

А невидимый собеседник в отличие от Мак-Брайта глупостей не спускал:

– Вы сначала говорите, а потом думаете, не так ли? Оригинальное свойство для разведчика...

Я не стал задираться: виноват – получи свое.

– Простите: сорвалось.

– Прощаю, – сказал он милостиво, добавил: – Как вы догадались, наверно, меня зовут Первый.

– Я не догадался. Мне сообщил об этом Седьмой...

Ему явно понравилось, что я не назвал имени Мака, хотя мог: Седьмой – это не для меня, а для слама. Готовясь к заданию, я не слишком разобрался в цифровой иерархии слама, да и не спрашивали меня об этом. Мак-Брайт для меня был только Мак-Брайтом, а загадочный Первый, хрипящий из темноты – астма у него, что ли, или железы не вырезаны? – был недоступным и невидимым. Вот таким: темно-расплывчатым, немногословным, почти нереальным в чернильной темноте комнаты-пенала, где даже освоившиеся без света глаза едва различали очертания: кровать у стены и на ней не фигуру, а нечто мешкообразное, бесформенное.

– Времени я у вас отнимать не буду, – начал он. – И мне и вам оно слишком дорого. О том, что вы сумели сделать, знаю. На комплименты не рассчитывайте: работаете слишком грязно. Пока вам везет, но «пока» не вечно. Удивляюсь, с каких это пор у вас в Центре отдают предпочтение горячим головам. Как правило, они быстро слетают.

Я решил стиснуть зубы и молчать: черт с ним, пускай читает свои нотации. Работать-то буду все-таки я, а не кто-то

с «холодной головой»...

А он продолжал сечь, ничуть не заботясь о нервах нака-
зуемого:

– За вами вьется целый хвост квазигероических поступ-
ков: драки, стрельба, погони. Эффектно, но подозрительно.
Недаром Тейлор приставил к вам одного из своих лучших
агентов – Жаклин Тибо. Конечно, вы скажете: подозрения
– не улики. Милый мальчик, от подозрений до улик – мень-
ше шага. Не оступитесь: ни Тейлор, ни Бигль ошибки не
пропустят. А на Второй Планете вас ждет еще один цербер,
пострашнее местных: Крис Уоррен. Запомните. Мак-Брайт
подготовит вам «легенду» для него, но берегитесь: он умен
и хитер. Здесь мы могли вас страховать. Там это будет слож-
но. Линнет – искусная подпольщица, но она женщина. Не
слишком рассчитывайте на нее: она летит для связи. Так что
помните: вы один, и задача у вас по силам лишь одному, как
это ни парадоксально. И еще, вам не нужны сведения, вер-
нее, только сведения. Главное – доказательства, да повесо-
мее, чтобы можно было раздавить это гнездо. Поймите: ес-
ли вы провалитесь, мы не сможем подобраться к тайне Вто-
рой Планеты еще очень долго. Стало быть, вы погубите не
себя – дело мира. Себя не жалко? Согласен. Но вы работаете
не на себя – на все человечество, как ни громко это звучит.
Здесь мы позволяли вам играть в героя. Вы похожи на сол-
дата, обезвреживающего мину: резвитесь, пока не добрались
до нее, но, когда она у вас в руках, осторожнее! Чтобы из-

влечь взрыватель, нужна не лихость, а предельная осторожность. Будьте осторожны, Лайк. – Он впервые назвал меня по имени. – Есть вопросы?

– Два, – ответил я.

– Всего? – удивился он. – Что ж, задавайте...

– Почему вы приказали мне участвовать в освобождении Дока, когда только что так красочно говорили о моей осторожности?

Он хохотнул грубовато, но не обидчиво.

– Ловите? – спросил он. – Не выйдет. Эту акцию я специально придумал для вас. Я знал о замысле слама, знал и то, что он удастся этак процентов на девяносто пять. Знал, что Кодбюри постарается выгородить себя в этой истории: кому охота совать шею в петлю? Он не дурак, этот Кодбюри, и прекрасно понимает, что в свидетелях лучше иметь героя, который жертвует животом своим ради безопасности страны. Вы были как раз таким героем, это же в вашем стиле: бежать, стрелять, лезть напролом. Ах, как он расписал ваши подвиги Биглю: хоть роман пиши. А Бигль любит героев, да еще таких, у которых в анкете чисто. У вас как раз чисто. Поэтому, когда речь зашла о вашей поездке на Вторую Планету, Бигль не слишком колебался: во-первых, за вас просил Факетти-старший, во-вторых, аттестация Кодбюри.

– Значит, вы знали о том, что я собрался на Вторую?

– Догадывался: конечная цель вашего задания – именно там. Рано или поздно встал бы вопрос о вашей выездной ви-

зе. И в этом случае лучше иметь союзников... – Он помолчал и спросил: – Все?

– Еще один вопрос... – сказал я.

– Говорите.

– Не обижайтесь, Первый, – медленно начал я. – Нотации и советы, быть может, необходимы, но их мог бы передать и Седьмой. Скажите честно: зачем вы меня вызвали?

Он долго молчал – видимо, обиделся все-таки, потом сказал с какой-то грустной усмешкой:

– Вы правы. Простите старика: я просто хотел посмотреть на вас, если это слово подходит к ситуации. Мне уже никуда не выбраться отсюда: разве что провал. А знаете, чего мне бы хотелось? – И, не дожидаясь ответа, закончил: – Поменяться с вами местами. Да и возрастом тоже... – Он засмеялся. – Не слушайте, все это вздор и старческая болтовня. А теперь идите и не оглядывайтесь. Идите-идите, а я, как всегда, остаюсь...

Я встал и пошел. Сначала по коридору с мертвыми дверями, потом по лестнице – не захотел пользоваться лифтом, – потом по улице – под мелким теплым летним дождем. А в голове звучала последняя фраза Первого: «Идите, а я, как всегда, остаюсь...»

Глава 13

в которой пойдет речь об одном совещании

За окнами-стенами верхних этажей Дворца дружбы плыли и кучились облака, упавшие на город. Новое стоэтажное здание Дворца – все из органического стекла без видимых швов и стальных креплений – было построено еще в первом десятилетии века. Легкое и прозрачное, оно возвышалось над городом, как елочная игрушка великана из космоса, а специальное устройство создавало вокруг него неутихающий вихревой поток, защищавший игрушку от воздушных течений, циклонов и бурь.

В этот хмурый день на заоблачных высотах Дворца, где разместилось руководство объединенных свободных стран, здесь, в кабинете начальника разведывательного Центра Дибитца, встретились его друзья и соратники из разведок других континентов – Шари и Амер.

Все были немолоды – какая же молодость пятьдесят с лишним? – и все знали друг друга добрый десяток лет. И понимали друг друга даже не с полуслова, а со взгляда, с интонации, с мимолетного движения губ. Все трое были профессионалами, да и дело связывало общее, знакомое до мело-

чей: от психологии разведчика до умелого обобщения частностей, что в жизни зовут пустяками, а в разведке объективными данными.

– Вы ознакомились с моим докладом Совету? – спросил Дибитц и в ответ на молчаливый кивок собеседников добавил: – Значит, преамбула не потребуется.

– О рудниках на Второй мы уже слышали, – сказал Шари. – Вербовщики СВК появились не так давно и у нас.

– Рудники, с которых не возвращаются, – усмехнулся Амер. – И у нас побывали эти ловцы человечины.

– Официальный отбор?

– Вполне. Вежливое приглашение от имени «Разработок Синау». Алюминий и медь.

– Чепуха, – сказал Дибитц. – Активность медеплавильных и алюминиевых заводов в СВК не увеличилась. Тут что-то другое.

– А почему они не отправляют на Вторую механизмы? – спросил Амер. – Человечина дешевле?

– Не только. Разные месторождения – разные механизмы. Пошлют машины – мы сразу скажем, какая руда.

– А вдруг золото?

– Едва ли. Какой им смысл скрывать? Их территория – их и золото. На долю в добыче мы не покушаемся. И еще одно: почему не возвращаются с рудников? Нагруженные золотом возвращенцы были бы лучшей рекламой приисков. Новый бум, золотая лихорадка в космосе! Нет, друзья, тут что-то

другое. Я не называю, что именно, в докладе Совету, но у меня есть свои предположения.

– Поделишься?

– Для этого мы и собрались. Прибыл связной от нашего резидента в Восточном Мегалополисе. Послушаем?

Он нажал кнопку селектора.

– Кто в приемной?

Светловолосая девушка на экране вежливо проворковала:

– Даблю-би.

– Надеюсь, вы не будете в претензии, если я не раскрою кодовый псевдоним. Имен у него много, а настоящее он и сам забыл, – улыбнулся Дибитц, вставая навстречу вошедшему.

Описывать его мы не будем. Это Мак-Брайт. Он чисто выбрит, подтянут, вежлив и холоден.

– Связной из Мегалополиса, – представил его Дибитц. – Садитесь.

Мак-Брайт, поклонившись, молча сел в подвинутое Дибитцем кресло.

– Рассказывайте.

– Основное я уже изложил в памятной записке.

– Товарищи ее не читали. Повторите вкратце.

– Около полугода назад у нас появились сведения о загадочной активности администрации СВК в сто тридцать втором квадрате юго-восточного сектора Второй Планеты. По официальной версии, речь шла об открытии богатых место-

рождений меди и алюминия. Однако в геологических кругах сообщение не подтвердилось. А между тем резко увеличилось число грузовых космических рейсов. Проследить прибытие и характер грузов на космодромах СВК, к сожалению, не удалось. Один космодром на юге мы засекали, но ни проникнуть туда, ни выяснить направление грузовых маршрутов не сумели: охрана почти непреодолима, специальные локаторы и круговой лучевой прострел не позволяют приблизиться к объекту даже на сто километров.

– Судя по данным памятной записки, вам больше повезло с обратными грузовыми рейсами.

– Они проходили в обычных, незасекреченных условиях. Регулярные грузовые рейсы в соответствии с потребностями колонии. Самое любопытное, что из СВК не было отправлено ни одной партии рудничных механизмов – ни экскаваторов, ни драг, ни буров. Только люди. Или завербованные рабочие, или приговоренные к каторжным работам в колониальных геоместорождениях.

– Откуда сведения? – спросил Амер.

– От нашей агентуры в подполье, частично из «космических» источников и непосредственно от Даблю-эй. По его предложению и был нацелен ваш агент на разгадку этой засекреченной операции. Коэффициент секретности ее мы кодируем как шесть к тринадцати – самый высокий уровень охраняемости научных и промышленных тайн. Однако и в ее «стенке» открылась щелка, агентуре связанных с нами

сламистов все же удалось в конце концов засечь продвижение грузов специального назначения на стратегическом шоссе Южного Мегалополиса и даже увидеть – к сожалению, случайно! – столкновение электрокаров. Но подойти к месту аварии оказалось невозможно: все было оцеплено кругом на несколько километров. Свидетели аварии были схвачены, сумел бежать только один мальчик лет десяти – двенадцати. По его словам, из разбитой машины выпали на шоссе огромные брикеты, более полуметра каждый, из желтого металла, блестящего, как армейские пуговицы.

– Что же вы предполагаете?

– Металлическую оболочку, футляр. Латунь или краска. Камуфляж под золото. Золото в глазах обывателей объяснит и охрану, и секретность, и жестокость расправы со свидетелями.

– Кто же возглавляет операцию? «Разработки Синау»? – поинтересовался Шари.

– «Разработки Синау» – такой же камуфляж, как и псевдозолотые футляры. Финансирует операцию мультимиллиардер Факетти, президент Восточного банковского консорциума, а суть операции, ее перспективы и характер – пока не разгаданная еще загадка. Над разгадкой ее мы сейчас и работаем. Ваш агент уже успел подружиться с сыном Факетти, прожигающим жизнь балбесом, и его светским окружением в Мегалополисе. Это одна из дорожек к раскрытию тайны, другая – в подполье. Третья – непосредственно в СВК – два,

куда и вылетел сейчас ваш агент.

– Я думаю, все, – сказал Дибитц и кивнул Мак-Брайту. – Подождите в приемной. Возможен дополнительный разговор.

Дибитц задумался. Что-то в рассказе Мак-Брайта подсознательно его очень встревожило, но что именно, он бы не мог ответить.

– Я полагаю, – сказал он наконец, – что вас всех волнует одна деталь. Что в брусках? Промышленные тайны уже не тайны, и нужно что-то сверхординарное, чтобы так зашифровать операцию. Предположения, конечно, у нас есть.

Есть и некоторые подтверждения их. Например, мне приходит на память один случай, до сих пор не нашедший объяснения. Месяца два назад к границам нашей зоны на Второй Планете приполз человек. Буквально приполз по холодным пескам планеты. Одежда в клочьях, изъязвленное тело и мутный взгляд умирающего. Он действительно умирал и умер на глазах у пограничников, успев только даже не вымолвить, а выдохнуть с последним вздохом: «Это не золото... Не верьте... Нет...»

– Человек оттуда? – спросил Шари.

Дибитц кивнул.

– Отчего же он умер? От истощения, от голода или...

– Вот именно «или»! – вздохнул Дибитц и помолчал, прежде чем закончить: – Он умер от радиации. Скафандр с поврежденной антирадиационной пропиткой.

Когда совещание окончилось, генерал снова включил селектор.

– Даблю-би ждет? Пригласите.

Мак-Брайт снова вошел, такой же подтянутый и холодный.

– Садись, Мак.

Взгляд Мак-Брайта потеплел.

– Спасибо, шеф.

– Брось шефа. Мы одни. И к тому же старые приятели.

Вместе учились...

– Теперь я юрист. Торговец.

– Юрист – сопутствующая нашей профессии. Много у нас профессий-спутников. Сегодня юрист, завтра химик. Сможешь?

– Смогу.

– Пока не требуем. Сейчас требуется одно. Сыграть всем партию Лайка. Продумать каждый его ход. А Лайк не промахнется, если увидит цель. Но цель прикрыта, а Лайк открыт.

– Легенда сверхпрочная. Металл.

– И металл подвержен коррозии. Давай откровенно, Мак: так ли безоблачно небо Лайка?

– Облака есть... Одно даже следует за ним повсюду. Жаклин Тибо.

– Тибо... Тибо... – раздумчиво повторил Дибитц. – Рыжеволосая русалка с несходящим загаром. Вспоминаю. Лет

десять назад мы накрыли ее как некую Гордон, студентку. Была замешана в деле Темпесты. Но ушла. Дьявольски умная баба. Теперь ей, должно быть, тридцать пять или больше.

– Похоже.

– Опасна?

– Не знаю. По-моему, Лайк справляется.

– Меня пугает не слежка. Я просто не знаю его следующего хода в нашей игре. Мы уже в ней не участвуем.

Глаза Мак-Брайта улыбнулись.

– Как знать? – сказал он.

– Мы же не имеем агентов в СВК – два.

– Кодовых нет. Но цепочка «слама» завязана и на Второй Планете. Кроме того, я посылаю одного вместе с Лайком. Вернее, одну – Линнет Тэкер. Теперь мы будем играть по переписке.

– Космолеты – это месяцы и месяцы, а лазерная связь закрыта для частных лиц.

– Мы протащим нужное в любом ведомственном сообщении. Между строчками или между словами. Смотря как и что кодировать. А первый ход Лайка уже намечен. Выход на Факетти. Прямой и бескомпромиссный.

– Точнее, на его «тень»?

– Естественно.

– Значит, еще одна проверка. Лайк предупрежден?

– Конечно.

– Я старомоден, Мак. Не доверяю я нашей психотехнике.

А Крис Уоррен – один из лучших контрразведчиков СВК.
Умеет ставить рогатки.

– Мне тоже их ставили по пути сюда. Прошел...

Глава 14

в которой Лайк вылетает на Вторую Планету

Явыбрал ее все-таки по трем соображениям.

Все ощутимее сгущалась вокруг меня атмосфера подозрений, не рассасывающаяся, как северные туманы. Тейлора я чисто не «прошел». Где-то оставил позади кончик ниточки, которую неумоимо вытягивали чьи-то цепкие пальцы.

Другой причиной, побудившей меня расстаться с Восточным Мегалополисом, было его информационное истощение. Никто по-прежнему не возвращался с рудников Второй, ни один космолет с завербованными не покидал космопорта Мегалополиса, и содержимое интересовавших Центр загадочных металлических брусков, один раз обнаруженных в грузах СВК – два, по-прежнему оставалось загадкой.

Последним толчком, который снял мои колебания перед поездкой, была встреча с Первым в темноте старого трущобного небоскреба. Командировка в СВК – два была обдумана и утверждена, хотя и не обещала мне неременной удачи. Пройти «тьень» было еще труднее, чем Тейлора. Я не обдумывал заранее всех возможных вариантов проверки – путешествие предстояло неблизкое.

А в салоне космолета меня ждали совсем уже непредвиденные встречи. В стороне от Дикого и незнакомых подонков, с увлечением играющих в «фаро» – кого только Факетти не тащит с собой в свои поездки, – с отчужденным и независимым видом сидела Линнет. Синие глаза ее из-под мальчишеской челки скользили по страницам иллюстрированного журнала, не обращая на меня никакого внимания. Мне следовало обрадоваться, а я недоумевал. Случай это или запланированное мероприятие? Выяснить следовало сразу, и я сел рядом, презрев конспирацию.

– На Луну или дальше? – в упор спросил я, даже не поздоровавшись: церемонии между нами были излишни.

– На Вторую, – ответила она, синие глаза смотрели строго, без удивления. – И не с тобой. Я сама по себе. У меня в СВК – два тетка, врач-психиатр.

– Интересно, – сказал я, – может пригодиться.

– Тебе – да. – Она произнесла это без малейшей иронии, даже без улыбки.

Значит, все-таки запланированное мероприятие. Вероятность психопроверки, оказывается, предусмотрена: выводят на рудники. Только почему Первый позаботился о явке и связном, но ничего не сказал о возможной психопроверке? Должно быть, решили не ограничивать моей свободы действий, а выход на связь предоставить инициативе связного.

И я переменял тему:

– Я давно хотел спросить, откуда ты знаешь Факетти?

– Кого я только не знаю! Мой киоск в космопорте – все равно что бар в районе центральных улиц.

– Он что-то опаздывает.

– Кто? Факетти? Он уже давно здесь. В кабине экипажа. Сейчас выйдет.

Но вышел не он, а... Жаклин, как всегда, элегантная, в легком туристском костюме. Научились мы все-таки обходиться без скафандров в космических путешествиях.

Она присела на ручку переднего кресла. Линнет мгновенно замаскировалась в ледяной отчужденности.

– На Вторую вместе с Джинном? – Дурацкий вопрос, как будто она не знает...

– Угу. А вы?

– Тоже. Я года три не была на Второй. Люблю этот «золотой ад».

– И я, – сказал я сквозь зубы.

– Почему вы так лаконичны? Помешала?

– Не говорите глупостей, Жаклин.

– Тогда хоть познакомьте меня с вашей дамой.

– Линнет Тэкер, – сухо представилась Линнет, не давая возможности этого сделать мне. И очевидно, с умыслом, потому что продолжила она совсем неожиданно: – Однако вы ошибаетесь, госпожа Тибо, я не его дама. Мы только что познакомились.

– Вы меня знаете? – удивилась Жаклин. – Я вас не помню.

– Вас знают многие, а меня трудно вспомнить в сутолоке

космопорта. Вы не раз покупали у меня журналы в киоске.

– Значит, ищите интересных знакомств?

Прозвучало грубовато. Не в духе Жаклин. Но я промолчал, ожидая ответной реплики. Она не замедлила:

– Преимущественно интеллектуальных.

– Что ж, Лайк подходит.

– Вы тоже подходите.

У Жаклин опять появился знакомый мне пристальный, буравящий взгляд.

– Не знаю, что вы можете извлечь из знакомства со мной.

– Другие не менее интересные знакомства, госпожа Тибо.

– Среди мужчин, конечно?

– Преимущественно.

– Женихов или поклонников?

– Ограниченный диапазон, мадам. Я включаю в него и друзей, и партнеров за ужином, и просто умных и внимательных собеседников.

Подошел Факетти.

– Чабби, как всегда, окружен женщинами. Уступи хоть одну, дружище. Нам нужна партнерша в «фаро».

Он подхватил Жаклин под руку. Жаклин поморщилась: ей не хотелось уходить.

– Когда же мы полетим? – спросила она, сдерживая зевок.

– А мы уже давно летим, – засмеялся Джин. – Вот что значит иметь космолет-модерн. Никаких перегрузок и невесомости.

Когда они удалились, Линнет шепнула, оглядываясь:

– Я не пересолила?

– Отлично, – шепнул я в ответ, – но лучше бы тебе сыграть глупышку.

– Какая разница? Меня же засекли в разговоре с тобой.

– Увы. Теперь со Второй Планеты пойдет запрос о тебе и твоих знакомствах. Жаклин – матерая волчица сыска.

– Во-первых, на Второй это не страшно. Волчиц бьют из лучевых пистолетов или топят в зыбучих песках. Во-вторых, вряд ли она летит только из-за тебя: здесь и Факетти, а она явно приставлена к нему.

– И к нему и ко мне. Но черт с ней: я привык. Лучше скажи: как мы увидимся?

– Я найду тебя, когда понадобится. Дашь объявление в вечерней газете в колонке «персоналия». В тексте упомяни любой номер «Новостей» и какие-нибудь данные, подразумевающие время и место встречи.

Я так и предполагал. Разведчик с тенью. Тень следует за ним, помогает, страхует и бережет от опасностей.

– Тебе дадут все нужное в гостинице космопорта, – сказала она. – Кстати, и лучевой пистолет.

– Пистолет – это хорошо. Даже отлично. Но почему в гостинице космопорта? Я же еду с Факетти.

– В космопорте на Второй тебя задержат. Проверка им ничего не даст – фактов нет. Но попадешь в СВК – два уже после Факетти.

– Джин сорвет все их замыслы.

– На Второй он в руках папочки и его второго «я» – Уоррена. Не тормозишь – это еще не самое страшное. В гостинице космопорта можно что-то узнать. Тсс... она возвращается.

Жаклин подкралась к нам с беззвучностью кошки, но Линнет все же ее заметила.

– Где вы останавливаетесь в СВК – два? – спросила Жаклин.

– У больной тетки. Я ее единственная родственница, а ей нужен уход.

– Не лучше ли нанять сиделку, а самой поселиться в гостинице?

Линнет симпровизировала наивный испуг:

– Я боюсь этих гостиниц. Вы сами сказали: «золотой ад». Повсюду стреляют, как в тире.

Кажется, она решила все-таки сыграть глупышку. Не поздно ли? Должно быть, это заметила и Жаклин, потому что следующий ее вопрос был задан уже тоном следователя:

– Почему ваша тетка живет на Второй?

– Она там работает.

– Кем?

– Врачом.

– Вы сказали, она больна. Чем?

– Результат аварии аэробуса. Переломы и прочее.

– И долго вы там пробудете?

– Как поживется. Я взяла длительный отпуск за свой счет.

– И вам его дали?

– Помог Факетти.

– А откуда вы его знаете?

– Я бы могла задать тот же вопрос и вам.

«Следователь» на минуту задумался, отыскивая брешь в показаниях «допрашиваемой». Я воспользовался этим и демонстративно зевнул:

– Спать хочется.

Меня действительно что-то убаюкивало, как мелодия, доносившаяся из глубин космоса.

– И меня клонит ко сну, – обрадовалась Линнет.

Жаклин поморщилась:

– Надо было выпить вербены. Тогда бы вы продержались дольше. Они выпустили снотворный газ... Теперь вы проспите все путешествие.

Я даже поежился от удовольствия. Какое счастье лететь с таким предупредительным экипажем.

Глава 15

в которой Лайк совершает вынужденную посадку

После посадки у космовокзала СВК – два металлических
голос диктора объявил:

– Всех поименованных в списке пассажиров ожидают
въездные визы в сервис-бюро вокзала. Непоименованных
просят пройти в гостиницу. Регистрация не обязательна.

Голос откашлялся и прочитал список. В списке меня не
было. Мы переглянулись с Линнет, и глаза ее сказали: «Я же
предупреждала. Выходи последним».

Ко мне подошел явно смущенный и растерянный Джин.

– Ничего не понимаю. Я сам продиктовал список в лазе-
рограмме.

– Может быть, здесь перепутали?

– Ты подожди в отеле. Надеюсь, все тут же будет исправ-
лено.

По стыковому туннелю эскалаторная дорожка доставила
нас прямо в холл космовокзала под высоким стекловидным
куполом, открывающим тусклое небо. У киоска с местны-
ми сувенирами она разветвлялась – правая с теснящимися

на ней пассажирами уходила в сервис-бюро, левая уводила меня одного в привокзальный отель. Я поймал утешающий взгляд Линнет: «Не волнуйся. Все будет как надо».

Незаметно и неизвестно откуда на мою сиротливую панель вскочил атлет в белом мундире и таком же шлеме с буквами «ПОЛ». Полиция СВК – два, расшифровал я. Он подхватил мой чемодан и перескочил на другую ответвляющуюся дорожку: «За мной!»

Завернув у бара, дорожка взвилась вверх и снова выпрямилась на втором этаже, минуя поочередно строй выпуклых белых дверей, похожих на сейфы или холодильники. У одной из них мой спутник поднял руку и соскочил на уложенную цветными плитками площадку. Дверь «сейфа» вела в мой гостиничный номер из двух комнат и ванной, где мне предстояло ожидать решения судей: чист я перед властями или нет.

– Шон Лири, сержант службы безопасности, – представился мой беломундирный спутник, войдя в комнату, служившую, по-видимому, гостиной или домашним баром, и снял шлем. Без шлема он оказался здоровым, рыжим веснушчатым парнем, всосавшим вместе с молоком матери древний наказ «держат улыбку». И он держал ее, не снимая в течение всей последовавшей процедуры.

Сначала нажал кнопку на стене, и копия знаменитых «Сумерек» Уонтона в серебряной раме сдвинулась вправо, открыв ряд замаскированных полок, наподобие древнего бара,

модного лет сто назад. С одной из полок он снял что-то вроде сброшенной шкуры змеи, оказавшейся свернутым комбинезоном-скафандром, длинноствольный пистолет-лучевик и знакомую рацию космолетчика на чужих планетах: приемник – серьга и передатчик – часы-браслет.

– Получите весь набор, о вас уже позаботились. Только заполните и подпишите обязательство вернуть все при отбытии назад. – Он подбросил пистолет в руке, ему, видимо, не хотелось уходить. – Пистолет гиперзвуковой на двести молний. Заряжать не нужно, наводка автоматическая. При попадании, если вы предварительно переключите вот этот рычажок на панельке, трансформированный луч не убивает, а только выводит из строя на несколько часов без членовредительства. У меня такой же. – Еще шире улыбнувшись, он сунул руку под мышку.

– Все это мне знакомо, – зевнул я. – У меня сухость во рту после спячки в космосе. Есть чем горло промочить?

Сержант бросился к панели вполне уже современного бара, поколдовал стрелкой на шкале и принес бутылку с блюдечком на подносе. В блюдце чернели сморщенные горошинки.

– Чилит, – сказал Лири, – местный земляной орех, поджаренный между прочим. Жуем между выпивками.

Я пожевал. Приемлемо. Выпил. Тоже приемлемо. Спросил у сержанта:

– Значит, въездных ждут здесь? А выездных?

– Выездные редко кому дают. Чаще совсем не дают. На родной Планете возвращение не жалуют – перенаселенность. Приехал работать – работай!

– Где?

– Есть назначение – где положено. Нет – отправляем в «Синау» или Лоусон.

– «Синау» – это понятно. Медные рудники, – сказал я. – А Лоусон?

Полицейского словно подменили. Он даже не пробормотал, а промычал сквозь ореховую жвачку:

– Не понимаю.

– Ты назвал только что «Синау» и Лоусон.

– Вы ослышались. Я назвал «Разработки Синау».

– А Лоусон?

– Не знаю, что вы имеете в виду.

Проболтался, шельма! Обронил карту и теперь отчаянно тянет ее назад. Я мысленно плюнул и кивнул на дверь. Его как водой смыло!

Лоусон! Когда-то это был и вправду «золотой ад». Почему вдруг на карте Второй Планеты повторилось имя досто-почтенного ныне города, где давно уже забыли о выстрелах, а золото видят только в зубных коронках и украшениях? Может быть, старожилы СВК – два открыли новый золотоносный район? Бруски, выпавшие из электрокара на стратегическом шоссе Южного Мегалополиса, тоже матово блестели, как золотые. Правда, Мак-Брайт не без основания отрицал

их золотоносное происхождение, но почему же все-таки Лоусон? Сержант не оговорился, а проговорился – он очумел от страха, как зверек в капкане. Дет, Линнет права. И в космопорте можно узнать кое-что существенное, я уже узнал, хотя тайну Лоусона берегут, как ключи от города. Но я найду их, черт побери, где б они ни звенели – в сейфе ли у Факетти или прямо на рудниках.

Черные орешки возбуждали аппетит, мне захотелось есть. Я пошел к той же панели, где несколько минут назад колдовал рыжий парень. Стрелка снабжения шла по кругу, в секторах которого значились блюда и напитки, какие можно было получить немедленно, не спускаясь в ресторан. Тут-то меня и настиг Факетти.

– Неважно, Чабби, – вздохнул он.

– Въездной визы не дают?

– Я бы им весь СВК – два перевернул, если б не дали. Потерпи денек – передадут визу по телексу. Ты в списке есть – все в порядке. Только тобой заинтересовался почему-то сам Крис Уоррен.

– «Тень» никогда не наводит справок попусту.

– Если останешься на Второй, не произноси вслух этой глупой и бессмысленной клички. – Теперь Джин уже злился.

Он замолчал, перебирая пальцами скатерть. А мне было смешно. Я раскусил, что его огорчало. Избалованный и капризный, он боялся потерять игрушку-друга, собутыльника, напарника в лихих кавалерийских набегах на рестораны и

бары. В СВК – два не любят праздношатающихся, а я был типичным праздношатающимся, отпускным космиком, баловнем счастья в долгосрочном отпуске, полным хозяином своих часов и минут. Так думал Джин. Его заставили работать, а меня никто и ничем заставить не мог. Я мог сказать: «Плывать я хотел! Что-то не нравится мне сидеть в тухлой гостинице в пустыне под куполом и жевать вонючие орешки». Только одного не знал Джин, что именно так я никогда не скажу, а согнусь в три погибели, если нужно, чтобы получить заветную визу, и буду гнуться так перед любимыми урренами и факетти, чтобы хоть доползти до засекреченного города с именем Лоусон. Бедный-бедный, наивный Джин!

– Тебе дадут бессрочную визу, – сказал он.

– Ценю.

– Но в один прекрасный день спросят, что ты собираешься делать дальше.

– Поглядим. Может, мне и не захочется с тобой расставаться.

Джин вскочил, протягивая бокал.

– За что пьете? – спросила Жаклин у двери. Она вошла без стука.

– За прекрасную, прекрасную, прекрасную Вторую Планету, – сказал я.

– Тебя ждут в баре, Джин, – деловито произнесла Жаклин, подойдя. – «Песчанка» уже стыкуется.

«Песчанка» – песчаный корабль, сообразил я и с трудом

сдержал вздох: на этом корабле для меня не было места.

– Мы придем за тобой специальный, – понял меня Джин. – И с жильем порядок: я законтрактировал целый этаж в отеле.

– Иди, иди, – подтолкнула его Жаклин, – я догоню. Мне еще надо проститься с Чабби.

Мы остались одни.

– Повезло с визой? – усмехнулась она.

– Вопреки вашим стараниям, мадам.

– Неужели вы думаете, что я летела на Вторую только из удовольствия увидеть, как вы останетесь с носом? Смешно и наивно. Вы плохой психолог.

– Не нужно быть психологом. Я знаю все виды ищеек.

– Грубо.

– Что заслужили. Я бы сказал это вам еще в космолете, да мешала Линнет.

– Вы явно не в духе, Чабби. Вы даже не спросили, почему я сейчас у вас.

– Я это знаю. У всех пассажиров была цель. Одни ехали к родственникам, другие на работу. Только у меня ее не было и нет.

– А если появится?

– Цель?

– Нет, работа. Неужели старого космика не тянет к своей профессии?

Я подумал и спросил:

– Что же мне они предлагают? Летать?

– Если вас тянет – летать. Пилотировать транспортные космолеты. Если хочется пожить в местных условиях, могут предложить контроль грузов на космодромах. Нечто вроде инспекционных осмотров перед полетом.

– Вы сказали: на космодромах. Я не ослышался?

– Не ослышались. У нас их несколько.

– Не секрет, где еще?

– Секрет. Узнаете после проверки.

– Значит, будут опять проверять?

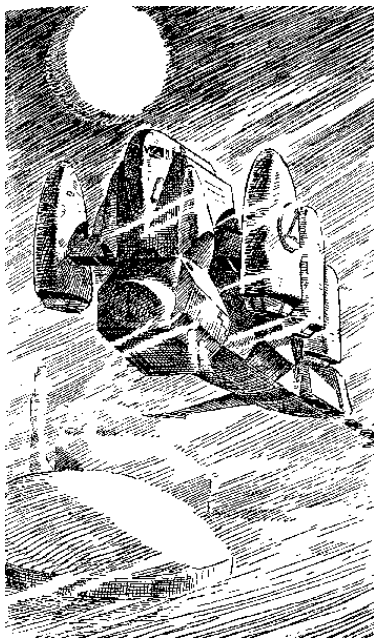
– Будут, Чабби, – сказала она твердо. – И серьезнее, чем вы думаете.

Глава 16

в которой пойдет речь о превратностях детской игры в «горячо – холодно»

Одно из окон моего двухзального номера выходило на территорию космовокзала, вернее, отражало ее с помощью невидимой системы зеркал, другое окно-стена было частью накрывающего вокзал купола. Сквозь его суперглассовую толщу далекое солнце казалось еще более холодным и блеклым, а кирпичная пустыня до горизонта и нависшее над ней мертвенно-лиловое небо только завершали пейзаж, от которого даже у здорового человека сводило челюсти. За толщей купола свирепствовала песчаная буря, вздымая валы песка, как морские волны. Сквозь этот пыльный туман можно было рассмотреть, как внизу под окном у стыковочного шлюза в синюшной траве пришвартовался песчаный корабль, а проще говоря, аэробус на воздушной подушке. С такими же стекловидными стенками, как и наш купол, он отчетливо просматривался, и даже сквозь пылевые вихри можно было видеть, как рассаживались в креслах пассажиры, мелькнула мальчишеская стрижка Линнет, космы Джина и латунные пряди Жаклин. На меня никто не взглянул, вероятно

не предполагая даже, что я наблюдал за ними, стыковочные швы разошлись, и «песчанка», похожая на стеклянного жука, убрав стойки, поплыла над кирпичной пустыней.

Холл космовокзала вдруг словно вымер – смотреть было не на что, а меня после дрянной выпивки неудержимо клонило ко сну.

Чтобы не заснуть – до ночи было еще далеко, хотя на потемневшей мертвенности неба уже заблестел узенький серп

спутника, – я переоделся и спустился вниз, в привокзальный бар, в надежде на глоток чего-нибудь настоящего, несинтетического, продукта природы, а не химии, а спустившись, подивился, до чего же этот бар не похож на привычный. Там вас встречал расторопный бармен, молниеносно орудующий смесителем и бокалами, а кокетливые девицы в крахмальных наколках с пусть заученными, но такими приятными улыбками и с такой любезной готовностью принимали любой ваш заказ за цветным гляncем столика. Здесь же орудовали машины – автоматическая кофеварка, автоматический смеситель, кнопочная выдача заказов и разъезжающие по залу столики-роботы с готовым набором блюд и напитков. На какое удовольствие можно рассчитывать, когда тебя автоматически подбросит вверх внезапно выросший стул, когда бокал автоматически поедет от одного крана к другому и так же автоматически польется из этих кранов то что-нибудь крепкое, то что-нибудь прохладительное, а в лучшем случае не та, а спьяну нажатая кнопка выбросит вам сосиски вместо желаемых сигарет.

Пытаясь разнообразить это безмолвное удовольствие, я пробовал подсесть к столикам, где харчевались редкие посетители, чего-нибудь ожидающие, – вроде меня пассажиры, но один говорил: «Прошу пересесть – свободных столиков много», – другой молчал, упорно игнорируя все попытки к сближению, а третий просто сам пересаживался за пустой столик, захватив свой бокал с местным пойлом или жестян-

ку с привозным. В конце концов мне это надоело, и я снова перебрался к стойке бара на выросший стул.

И тут за стойкой внезапно возник не бармен, нет, хотя белая куртка и могла ввести в заблуждение. То был техник-контролер, наблюдающий за работой раздаточных автоматов. Не все же здесь некоммуникабельны, в конце концов! И я сделал робкий шаг к общению:

– Вторая смена?

– Подменяю товарища. Обычно я работаю утром.

Ответ любезный, даже доброжелательный. Сделаем еще шаг.

– Скучно у вас с машинами. Даже о погоде не перемолвишься.

Он подмигнул:

– А с посетителями?

– С вашими молчунами заплачешь.

– Визу ждешь? – вдруг спросил он, игнорируя мою реплику. – Въездную, наверно?

– Почему «наверно»?

– Потому что парень веселый, компанию любишь, поговорить охота. Первак, одним словом. Все перваки такие. Если б выездную ждал, ни с кем бы не разговаривал.

– Интересно, – откликнулся я. Мне действительно было интересно, но спросить – почему? – не рискнул.

Он сам сказал:

– Потому что на рудниках тебе бы горло пробкой заткну-

ли, чтоб не болтал. А сболтнешь – не уедешь.

Я задумался. Почему так откровенен со мной этот румяный техник, похожий на парня с рекламы «лучшей в мире электробритвы», почему он с полуслова открывается первоначальному, в то время как другие, даже полицейские, каждое слово берегут, как жетоны для автомата? Из-за лишней доверчивости, наивной доброжелательности или, быть может, просто от скуки, от которой изнывают здешние «первопроходцы»? Это копилка ценнейшей информации, если ее умело извлечь, не испортив замка. Ключ к нему я, кажется, подобрал.

– Угощаю, – предложил я, потянувшись к кнопке. Она выдала два бокала.

– На работу? – спросил он, причмокнув.

– Летать. Я же космик. Буду грузы возить.

– С рудников?

– Не знаю. Сначала в СВК – два, а там уж куда пошлют.

– Вот что, парень, не знаю, как тебя зовут, и не спрашиваю. – Он доверительно перегнулся через стойку и почему-то включил смеситель. Аппарат загудел.

– Зачем? – спросил я.

Он скосил глаза на край стола.

– Микротелепередатчики. Изображение передаст, а то, что говорим, не услышат. А ты слушай. Есть рудники на юго-востоке с собственным космопортом. Транспорт прямо домой, на Планету, минуя Луну. Где посадка, не знаю. Так что

увиливай.

– А что, плохо?

– Гроб.

– Так я же космик. Погрузи и лети.

– Смотря что грузить.

Я сделал вид, что понял, и заговорщически подмигнул:

– Есть слушок – золото. В брусках, как в банке.

– Не все то золото, что блестит. В старые годы золотоискатели на Планете не мерли от радиации.

– А у вас мрут?

– Каждый пятый. Могилы – прямо в «зыбучке». В больнице койки стоят в строю, как солдаты. Даже на лестничных площадках ютятся. Один сбежал – рассказывал.

– Поймали?

– Ясно. Тут же и кончили. Вокзал на замок, охранники в белых балахонах – кто со счетчиком, кто с пистолетом. Я у заградительной сетки был – успел прорваться, пока не хлопнули. Ты на каком этаже?

– На втором.

– Завтра транспорт в шесть утра. Давай пораньше, пока лестницы не закрыли. Может, прорвешься. Спектакль увидишь – не пожалеешь.

Я сделал вид, что раздумываю.

– Страшновато.

– Как знаешь. Я лично не пойду – видел. А ты незнайку сыграй, если схватят. Скажешь, что кнопки в номере не ра-

ботали – вот и сгонял в бар за кофе с котлеткой. Не поверят – отлупят. Только и всего.

– Масса удовольствия.

Румяный техник заржал как лошадь:

– Дело твое, конечно. Может, и не отлупят. Все-таки космик. Зато «их» увидишь.

– Кого?

– Обреченцев. Только они еще не знают про это. Жмут кнопку за кнопкой. Перваки... – И вдруг осекся, замолчал.

Бывает, страх, как молния, высветляет сознание, когда спяну проговоришься о чем не следует. Хмельной блеск в глазах его погас, и розовые щеки поблекли.

– Мне завтра в первую смену, – пробормотал он, заикаясь, и сполз со стойки.

Я ответил ему ободряющим взглядом: не роняй слюни, парень, я не дятел. Поймет, не поймет – его дело. Должно быть, понял, потому что опять порозовел, когда уходил, пятясь за автоматы.

Утром будильник поднял меня в половине шестого. Космолет уже сел – шла стыковка со шлюзом вокзала. Штаны и рубаха на «молниях» отняли не больше минуты. Столько же – ботинки с противопесчаной наслойкой: песок здесь, как ржавчина железо, разъедает любую кожу. Пластиковые подошвы делали шаги бесшумными, и полицейский, спешивший к панели, где включался механизм заградительных решеток на лестницах, меня не услышал. Резкий удар ребром

ладони по шее, чуть пониже затылка, выбил из него дух по крайней мере на четверть часа. За это время я уже успел добраться до холла, пересеченного движущимися дорожками. Стыковка закончилась, и центральный эскалатор, гостеприимно журча, нес толпу пассажиров к завтраку. Кроме полицейских, в зале никого не было – ни служащего, ни продавца. Работали только автоматические киоски да сервис-сигналы, указывающие направление.

Я присоединился к толпе незаметно – при таких мерах предосторожности полицейские даже не предполагали присутствия постороннего. А посторонний в это время уже смешался с людьми, теснившимися на дорожке. Не было среди них ни юнцов, ни пожилых – все среднего возраста, от двадцати пяти до сорока, кое-как одетые, в заштопанных куртках и потертых штанах, они, однако, не производили впечатления хилых и заморенных: набирали их, должно быть, по росту и ширине плеч. Я огляделся и толкнул соседа с русой бородкой до ушей, давно уже не стриженной.

– Откуда, приятель?

– С юга.

– А здесь куда?

– В Лоусон, как и все. А ты? – Он пристально оглядел меня с ног до головы – мои «противопесчаные» ботинки явно смутили его. – Я что-то не припомню тебя на посадке.

У Лоусона собственный космопорт, принимающий транспорты прямо с Планеты. Значит, эти летели по трассе Луна

– Вторая Планета.

– А я на Луне сел, – сказал я как можно небрежнее. – В СВК – два.

– Значит, в командиры? За назначением? – В его тоне прозвучала нотка отчуждения.

Я поспешил убрать ее.

– Оставь, парень. Просто увильнуть хочу.

– От чего?

– От рудников.

– Работа везде работа, – пожал он плечами, – в скафандрах или без. Дышать дают, заправку тоже.

Вербовщики, понятно, осторожничают. Полная секретность и прямой обман.

– Ты хоть знаешь, что добывать будешь? Медь или золото?

– Говорят, какой-то редкий цветной металл. На Планете его нет.

– Не люблю цветных металлов, – поморщился я. – Возня с ними. Может, что полегче найду.

– Не ты найдешь, а тебя найдут. Через час перекличка, чудак. Зачитают список по радио. Не откликнешься – щупом найдут. Есть у них такой приборчик.

– За час многое может случиться, а пока закусим. Чабби Лайк, – представился я.

– Айк Стивенс.

Мы весело сцепились ладонями и двинулись в бар. Полу-пустой вчера, сейчас он был переполнен. За каждым столи-

ком гудели длинноногие парни, запивая сосиски тэйлом. Я был не совсем уверен, что сосиски произошли не от песчаного суслика, а тэйл не из местной синюхи. Но Айка больше интересовали кнопки: «Целая азбука – запутаешься». «Нехитрая азбука, все обозначено. Жми и глотай». И мы глотали и жали – он самозабвенно, а я с оглядкой: не случится ли что поблизости. И случилось. Голос по радио объявил: «Спокойно. С мест не сходить. Проверка». Одновременно вошли полицейские и явно высший чин – в штатском. Я услышал вопрос и ответ: «Имя?» – «Мэллори». Взгляд в карточку с увеличительной линзой и тот же вопрос к следующему. Искали, видимо, меня – кого же еще? Мысленно подсчитал, что до нас они доберутся не раньше чем через четверть часа, и шепнул Айку:

– Не обращай внимания. Возись с кнопками. А меня уже нет. Ухожу.

– Куда?!

– Тише, черт! Найду тебя в Лоусоне, если что.

Я подтянулся на руках, опираясь на стойку, и мгновенно перебросил тело через панель с кнопками. Я еще тогда, когда пятился за автоматами техник, заметил служебный вход.

Что произошло в зале, я не слышал. Вероятно, мой гимнастический бросок попросту не заметили. А я уже был у грузового лифта, закрыть который забыли или не догадались. Скачок на второй этаж был недолог, хотя лифт тащился еле-еле. Но всего один этаж! Я бесшумно открыл дверь и выгля-

нул в коридор. Двое полицейских спешили ко мне навстречу мимо дверей-сейфов с явно заинтересованным видом.

– Откуда?

– Из двадцать первого.

– Сколько дней в космопорте?

– Полтора с нынешним утром.

– Из-за чего задерживаешься?

– Въездная виза. Должны передать по видео из СВК – два.

– Почему разгуливаешь?

– Искал техника. Не работает кофеварка.

– Не выходи в течение часа. Не то... – Он выразительно помахал электродубинкой.

– Будьте спокойны, господа.

Ушли. Вероятно, не ведали, что именно я на втором этаже нокаутировал их коллегу.

Глава 17

о первых шагах Лайка под куполом СВК – два

Я сидел в номере, как говорится, наострив уши, все время ожидая стука в дверь или жужжания дверного зуммера. Но ни стука, ни жужжания не последовало. Полицейские в баре, пересчитав перваков, должно быть, успокоились, а их коллега, сбитый мной, вероятно, даже не смог объяснить причины обморока.

В куске красной пустыни, вырезанном окном-фильтром, песчаные вихри еще бушевали, но уже с меньшей силой, позволяя отчетливо разглядеть огромную серебристую «песчанку», соединенную стыковочным туннелем со шлюзом вокзала. На этот раз черепаха была искряще-матовой и нигде не прозрачной: импортеры перваков явно оберегали их от невеселых путевых впечатлений. Пассажиров видно не было: должно быть, их уже согнали на корабль после проверки, потому что «песчанка» расстыковалась и, убрав лапы, поплыла к пыльно-лиловому горизонту.

Я вытянулся в кресле и зевнул, а через час меня разбудили. Розовощекий сержант Лири радостно сообщил, что моя въездная виза уже с утра находится в сервис-бюро, а специ-

ально посланный за мной «карманный» кораблик уже дожидается на выходе.

Лири помогал мне укладывать чемоданы с такой назойливой и неумелой готовностью и с такой поспешностью поволоков их к выходу, что я тут же почувствовал дружескую руку Джина Факетти. Она чувствовалась и вокошке сервис-бюро, где мне вручили заветную визу и предупредительно сообщили, что все счета мои в космовокзале уже оплачены, а у выхода служебного шлюза меня уже поджидала совсем крохотная «песчанка», похожая на детскую игрушку из прозрачной пленки. Водителя в этой четырехместной «игрушке» не было, но старый космик Лайк не растерялся бы перед скромной панелью управления. Не растерялся и я. Указатель направления уже стоял на словах «СВК – два», кислород автоматически поступал в кабину, и мне оставалось лишь нажать рычажок «воздушной подушки».

«Песчанка», подняв тучу пыли, подпрыгнула и понеслась в кирпичную даль. Ветер смыл облако, превратив его в шлейф, и даль открылась. Красно-рыжая, будто утрамбованная катками пустыня, клочья голубоватой травы, чугуно-синие заросли колючих кустарников и – ни лужицы, ни озерка прозрачной воды между ними, только лиловые полосы зыбучих песков, которые, по словам румяного техника, заменяли здесь и крематорий и кладбище. Иногда преграждали путь стены гигантских кратеров, удивительно похожих на лунные, но моя «песчанка» проворно объезжала их, укло-

няясь в сторону на добрую сотню километров. Страшно то – кто спорит, но то был ландшафт, где мне надлежало прожить неделю, а может быть, и месяцы, и я цепко вглядывался в двухцветную близь и даль. Рулевое управление в машине было, но она управлялась автоводителем и ни разу не ошиблась, педантично объезжая все препятствия, которые не могла перепрыгнуть.

СВК – два вблизи оказался гигантским и прозрачным куполом, почти стометровой высоты в центре. Многоэтажные здания расходились веером от двадцатиэтажного административного корпуса в центре к одноэтажному кольцу магазинов, складов, гаражей и спортивных залов на краю купола. Ближайшие здания и перспектива улиц хорошо просматривались, но метровая толщина суперглассовой крыши, опирающейся на сетку стальных перекрытий, сообщала городу дымчато-ажурную остраниченность. Все это промелькнуло довольно быстро, хотя мой песчаный кораблик явно тормозил при подходе к стыковочному кольцу шлюза. Если издали разница между СВК – два и космовокзалом соответствовала той же разнице между половинками яблока и горошины, то вблизи никаких различий я не заметил. Тот же выдвижной стыковочный шлюз, присасывающийся краями к дверце машины, та же эскалаторная дорожка, выводившая в холл городской станции, те же киоски, сервис-бюро и бары. Никакой регистрации и таможенного досмотра, никаких встреч в знакомой пустыне холла, и вот уже я, минуя ненуж-

ные мне киоски, вылетаю на эскалаторе в город...

Город ультрасовременный, архитектурно-модерновый, с перерезывающими дома садами, движущимися лентами улиц и переулков, эстакадами бесшумных пневматических дорог, трубы которых на высоте двух этажей протянулись по радиусам улиц, придавая местному урбанистическому пейзажу что-то новое, незнакомое. При этом все увеличивалось к центру: и дома, и дорожные эстакады, и стальные шнуры пневматических труб. Кольца переулков пересекали радиальную систему улиц, и нигде я не заметил ни одного экипажа, ни одной машины, из-за обилия которых переходить улицы в каком-нибудь нашем Мегалополисе можно только по висячим мостам. Здесь все двигалось само: и улицы с убыстряющими бег дорожками, и переулки, ныряющие на перекрестках под землю, и подземные эскалаторы переходов. Не двигались в городе только полицейские, следившие на перекрестках за эскалаторной суетой.

Лайк никогда не был в СВК – два, и его знакомство с планетой ограничивалось космовокзалом и ландшафтом, который он мог наблюдать из гостиничного окна. Поэтому и мне не требовалось разыгрывать роль старожилы: я получил в сервис-киоске адрес отеля «Ороно», примерное описание эскалаторных маршрутов и минут через двадцать нашел шестнадцатизэтажный отель, почти прилипший к центральной площади. Седой, благообразный, совершенно «некосмический» управляющий лично проводил меня на шестой этаж

в предназначенные мне трехкомнатные апартаменты.

– А нет ли у вас чего-нибудь поменьше? – поморщился я. – Извините – не привык.

Управляющий обиделся:

– Есть однокомнатные номера для прислуги, но...

– Давайте без «но». Посмотрим.

Искомый номер оказался тесноватым, с одним душем, без ванны, а кнопочная система сервиса не подавала горячих блюд. Зато мой электронный щуп, подключенный к часам-браслету, не обнаружил наличия микротелепередатчика: прислуга не интересовала ведомство Уоррена.

– Подходит, – сказал я, подтолкнув ногой чемодан в комнату. – А кстати, где мистер Факетти?

– Уехал с компанией в пустыню.

– Зачем? – удивился я.

– Сафари...

Мне определенно везло. Я бесцеремонно выпроводил управляющего и тут же достал из чемодана электронный затвор, запирающий дверь изнутри. Теперь снаружи ее открывал только особый ключ – любая отмычка была бесполезна. Не переодеваясь, я спустился вниз, узнал у портье адрес единственной вечерней газеты в городе и помчался по эскалаторам в редакцию. Часы показывали половину двенадцатого: успею. В окошке отдела объявлений спросил:

– Список прибывших сегодня в город будет опубликован вечером?

– Да.

– Я успею дать объявление, чтобы оно появилось в этом же номере?

– «Персоналия»? Диктуйте.

И я продиктовал:

«Историку, работающему над диссертацией об экономическом освоении Второй Планеты, требуется номер „Новостей“ с отчетом о первой промышленной экспедиции на планету. Вознаграждение по договоренности. Доставшего газету будут ожидать сегодня в вестибюле отеля „Ороно“ в 18.30».

В половине седьмого я услышал жужжание видеозуммера.

– Не включай экран. Ты один?

– Поднимайся. Шестой этаж. Дверь открыта.

Линнет появилась в строгом костюме и тектоновых туфлях с искусственными бриллиантами на пряжках. Камуфляж для великосветского отеля был превосходен.

– Догадалась сразу? – спросил я.

– Конечно. Ноль отбросила, осталось сто восемьдесят три – номер твоей комнаты.

Я передал ей шифровку для отправки в Центр.

– По лазеру, – добавил я. – Обеспечишь?

– Есть, капитан. Много узнал в космопорте?

– Кое-что. Кажется, мне все-таки придется принять предложение Факетти.

– Мы это предполагали. Где будешь базироваться? В СВК

– два?

– Нет, в Лоусоне.

– Я не знаю такого места здесь. – Реплика ее прозвучала явно растерянно.

– Теперь будешь знать. Засекреченный рудничный город с собственным космопортом, откуда, минуя СВК – два, доставляются засекреченные грузы на засекреченный космодром где-то на юге Системы. Служба Криса Уоррена работает почти идеально.

Я подчеркнул слово «почти», и Линнет тотчас же ухватилась за подсказку:

– Почему почти?

– Потому что я кое-что рассекретил.

– Сомневаюсь, – сказала Линнет.

– В том, что есть такой город?

– Нет, в том, что тебя туда пустят.

– Почему нет? Пройду проверку. Попытка не пытка.

– Боюсь, что пытка. Ты не знаешь, как проверяют людей в системе Уоррена.

– Меня подготовили.

– Когда?

– Полгода назад.

– Здесь новые методы. Иные машины и другая химия. Тебе надо встретиться с моей теткой, Эллен Мит. До катастрофы она работала психиатром в той же системе.

– До какой катастрофы? – насторожился я.

– С аэробусом. Перелом бедра и голеностопного сустава.

Сейчас она поправляется.

– А ей можно доверять?

– Абсолютно.

– Когда можешь устроить встречу?

– Хоть сейчас. Она никуда не выходит.

– Тогда поехали, – решил я. – Лучшего времени для встречи не будет. Весь этаж гуляет в пустыне, а меня, по-видимому, еще не засекли.

Эллен Мит оказалась пятидесятилетней сухопарой южанкой, похожей на директрису пансиона для благовоспитанных девочек. Умные, внимательные глаза и жестко очерченный рот. За все время нашего разговора она ни разу не улыбнулась.

Разговор начался без преамбулы.

– Чабби Лайк должен пройти проверку в системе Уоррена.

Нужна консультация, – сказала Линнет.

– Кто будет проверять? – последовал строгий вопрос.

– Возможно, Уоррен лично.

– С какой целью?

– Определить готовность для ответственной, очень важной и очень секретной работы.

– Значит, проверка досье, детектор лжи, сомнифоксы и химия.

Я молчал: ей лучше знать.

– Его уже готовили для такой проверки, – пояснила Лин-

нет. – Не важно где, но готовили. Полгода назад.

– Легенда закреплена гипнотически? – спросила Мит.

– Да. Теперь она уже часть моего сознания, – ответил я.

– Есть еще подсознание.

– Психологический барьер, созданный непосредственно в мозговых клетках, сможет противостоять любой вторичной попытке гипноза.

– Какие химические средства применялись для закрепления такого барьера?

Я облизал пересохшие губы. Вопросы задавались знатком своего дела, отбирающим самое существенное.

– Сначала препараты из группы барбитуратов, чтобы отключить сознание, вызвать длительный мозговой шок. Потом амальгебоид.

– Сомнифоксы учитывались?

– Сомниферы? – поправил я неуверенно.

– Сомниферы наводят по заказу любые галлюцинации, сомнифоксы просматривают ненаведенные сны. В первом случае – наводка, во втором – контроль, – пояснила она без улыбки.

– Контроль учитывался.

Она встала и прошлась по комнате, тяжело опираясь на палку.

– Сейчас амальгебоид – это вчерашний день, – произнесла она тоном лектора. – Действие его целиком снимается глизолом. Когда вас готовили, глизол еще не был открыт.

– И вы думаете, что его применят?

– Уверена.

– А зачем? Меня будут проверять не для того, чтобы найти замаскированного сламиста псевдо-Лайка – это уже было! – а чтобы узнать, годится ли Лайк – настоящий, конечно! – для сверхсекретной работы.

Она усмехнулась:

– Они и будут проверять настоящего Лайка – так всегда поступают с кандидатами на секретную работу, – а вы или в бессознательном состоянии, или во сне расскажете всю правду, тщательно упрятанную в мозговых клетках.

– Значит, провал?

Она ответила не сразу:

– Если бы вы с Линнет не обратились ко мне, я сказала бы: да, провал. Почти неминуемый. Но и против глизола есть средство. Назовем его... Впрочем, зачем вам это? Не надо перегружать вашу память. Вам нужно действие, а не название. Линнет, приготовь шприц, а я возьму ампулу.

Укол. Почти безболезненный и точный: вену она нашла сразу и безошибочно.

– Ну как? – спросила Эллен.

Я пожал плечами:

– Никак. Ничего не чувствую. Может, не подействовало?

– Нет, – сказала она опять без улыбки. – Миллионы крохотных стражей входят сейчас к вам в мозг и занимают оборонительные позиции. Ни один реагент глизола даже близко

не подойдет, а почки и потовые железы выбросят его – обезвреженного. Но не показывайте виду, что вы вооружены. На ввод глизола ответьте псевдопотерей сознания и работой воображения – как вам будет выгодно.

Я низко поклонился и поцеловал ее сухую узкую руку. Еще один союзник в осином гнезде врага.

Глава 18

в которой Лайк проходит первое испытание у «Тени»

Утром я встал поздно и с головной болью: сказались все-таки остаточные явления вчерашнего препарата. Половина одиннадцатого. Джин, вероятно, уже прибыл и отсыпается в своих апартаментах. Звонок по видео подтвердил предположение. Хриплый голос машины сообщил в ответ, что господин Факетти спит и просил не беспокоить его до трех часов дня. Но завтракать одному мне не пришлось. Пока я орудовал кнопками, выбирая холодные блюда – горячих моя система «для прислуги» не подавала, – появилась Жаклин. Свежая, завитая и косметически выхоленная, как на официальный прием.

– Когда это вы успели? – удивился я.

– Я мало сплю, Чабби. Привыкла. А почему вы отказались от предложенных вам апартаментов?

– Привык, Жаклин, – ответил я тем же тоном, – к тесноте привык, увы.

– Не кривите душой. Я ведь знаю, чем отличаются помещения для гостей от комнат для прислуги. Впрочем, это ме-

ня не касается. Закажите коктейль, пока завтракаете, – мне достаточно.

– Визиты вежливости не в ваших привычках, Жаклин. Я вам нужен. Зачем?

– Сначала новость: Джин назначен генеральным директором рудников СВК.

– Понятно. Но эту новость я мог бы узнать и позже.

– А мне нужно, чтобы вы узнали ее раньше. Ведь вы будете работать с Факетти, – вероятно, будете работать с Факетти, – повторила она, подчеркнув «вероятно».

– Согласен на «вероятно». Имею право подумать и отказаться. Но вы-то при чем?

– Чтобы сообщить вам, что вы, по-видимому, не сможете подумать и отказаться. И не надейтесь на Факетти, Чабби. Вами заинтересовался Уоррен.

Я обозлился:

– Ясно: значит, из аппарата Тейлора в ведомство Уоррена?

– Увы, Чабби, я уже давно не в аппарате Тейлора. С его подчинением Биглю отпала необходимость не только во мне. У Бигля свой аппарат и своя агентура. Но дело не в том: при чем здесь моя работа? Как-то Уоррен попросил Тейлора подыскать ему подходящие кандидатуры летчиков-космонавтов для специальной работы. Вы подходили по многим данным: холост, бездетен, не стар и с отличной профессиональной характеристикой. Учитывалась и ваша дружба с Факетти. Итак, уже ваша экскурсионная поездка на Вторую

явилась поводом для знакомства с Уорреном. Теперь от повода для знакомства можно перейти к самому знакомству. Словом, Уоррен ждет вас сегодня к часу, и моя миссия на этом кончается.

На свидание я не спешил. Времени было достаточно – я мог присмотреться к городу, к его витринам и вывескам, уличным кафе и бистро. СВК – два не походил ни на один город Системы. Не только из-за отсутствия экипажей и светофоров, бульваров и памятников и не только из-за пирамидальной формы общей архитектурной конструкции. И не эскалаторная суетня была главным отличием СВК – два от его коллег на Планете. Нет, таким отличием был искусственный климат под куполом, вечное лето, не жаркое и не слишком прохладное, а ласково-теплое. Воздух прозрачный и чистый, напоенный озоном, совсем как в лесу после грозы, не задымленный и не провонявший обычными миазмами города, воспринимался как курортная благодать после наших очагов дыма и копоти. Растительности, однако, было мало: не хватало места для парков, да и почвенный грунт надо было ввозить с Планеты, и улицы здесь украшались кустарником и цветами, а не деревьями, требующими простора для своих корневых систем. На местной же почве не росли наши обычные деревья, а редкие местные погибали в искусственной атмосфере.

Двадцатиэтажное административное здание возвышалось в центре пирамидальной конструкции города, окруженное

плотным кольцом кустов, на которых уже атели длинные сочные ягоды. В двух местах дом, как и многие другие здания, пересекали этажи-сады с короткоствольными фруктовыми деревьями, третий сад с бассейном и солярием находился на плоской крыше, куда мне и надлежало прибыть. Здесь, с часу до двух, принимал Кристофер Уоррен, управляющий делами концерна «Шахты Факетти», а фактически некоронованный король СВК на этой планете.

Уоррена я нашел сразу в саду, куда выбросила меня клетка лифта, в ухоженном и цветущем саду в каких-нибудь тридцати – сорока метрах от искрящегося на солнце купола. Он полулежал в соломенном кресле перед столом с напитками, удовлетворившими бы любого томимого жаждой.

Я подошел ближе, вытянулся и спросил, не «снимая» улыбки, – должно быть, она получилась у меня независимой и нахальной.

– Господин Уоррен?

Не поднимаясь, Уоррен ногой подвинул ко мне такое же кресло.

– Садитесь, Лайк, и угощайтесь без церемоний. Вы в гостях.

Я сел и без церемоний принялся рассматривать собеседника, благо посмотреть было на что. «Тень» отнюдь не был серой тенью, бесшумной и незаметной. Двухметровый гигант с соответственной шириной плеч и внушительной игрой мускулов, заметной даже под облегающей торс серебристой

рубашкой, и совершенно бритой головой, неуместно голой в наши дни, когда искусственное возвращение волос стало доступным каждому лысому. Большое, без единой морщинки лицо скрывало возраст – я бы не рискнул дать ему больше сорока, учитывая, что до сорока сейчас лысеют сравнительно редко.

– А вы не из разговорчивых, – сказал он после паузы – тоже меня рассматривал.

– Жду. – Я дернул плечом. – Спрашивать, зачем я вам нужен, бессмысленно. Я это знаю.

– Отлично. Люблю здоровый лаконизм, когда он не тормозит разговора. Мне нужен космический летчик для доставки специальных грузов на Планету. Хороший профессионал, знающий свое дело и не страдающий любопытством к тому, что не входит в его компетенцию.

– Иначе говоря, не задающий вопросов: каких грузов, с какой целью и кому адресованных. Понял вас.

– Тем лучше. Оплата, втрое превышающая вашу оплату на государственных рейсах и вдесятеро ваши отпускные. После полета и возвращения – двухнедельный оплачиваемый отдых. Королевские условия.

– Допустим, что я согласен, – сказал я. – К чему же мы приходим?

– К проверке, дружок, к проверке. И должен сказать, что кандидаты на секретную службу проверяются у нас особенно строго.

– Меня уже проверяли, – отмахнулся я.

– Знаю, – сказал он и поднялся во весь свой двухметровый рост, – то были цветочки, а теперь вы полакомитесь ягодками.

Все стало ясно: я был нужен Уоррену как бывший космический летчик Лайк, а бывший космический летчик Лайк требовался как зеркало, перед коим собирались поставить меня. Здесь мне могло очень не повезти, если моя легенда не будет в чем-то соответствовать образу, извлеченному из бездонных архивов службы безопасности.

Комната, куда меня привели, меньше всего напоминала камеру пыток. Скорее кабинет врача-диагноста с кибернетическим устройством для проверки всяческих хвороб пациента. И кресло было врачебное, в меру удобное, в меру пугающее, с хитроумным венцом над головой сидящего и отводными от венца змейками-шлангами. Без змеек он чем-то напоминал театральную корону, но надевался мягко, как шляпа, плотно охватывая голову незаметными и неосязаемыми присосками-датчиками.

Уоррена не было, он куда-то исчез по пути, передав меня трем ассистентам или лаборантам в белых медицинских халатах. Один из них подогнал мне венец, другой встал у экрана со стрелкой, несколько раз нажал на какой-то рычаг, проверил ход стрелки – она тотчас же легла поперек, соединив синюю и красную точки, расположенные как двенадцать и шесть на часовом циферблате.

– Шприц, – сказал третий, лица его я не запомнил – только улыбку, вежливо-равнодушную и необязательную. Психиатр, решил я. Шприц, значит, химия и, вероятно, глизол.

– Больно не будет, не бойтесь.

Я пожал плечами:

– Почему вы решили, что я боюсь? Я не в застенке, надеюсь?

Он, не реагируя на реплику, молча ввел мне в вену прозрачное содержание шприца. Боли действительно не было – так, легкий жар в крови, когда чем-нибудь возбужден или взволнован. Потом расслабленность, но без обморока. Впрочем, я его симулировал. Закрыв глаза и бессильно опустил руки.

– Отвечать будете коротко, не обдумывая ответа.

Я промолчал.

– Сознание уже подавлено, – сказал человек у экрана со стрелкой.

– Подавлено, – кивнул второй, и тут же последовал вопрос: – Вы родились в зоне СВК?

– Да.

– Где?

– На севере Системы.

– Вы разведчик ОСГа?

– Что такое ОСГ?

– Объединение свободных государств. Повторяю вопрос. Вы разведчик ОСГа?

– Нет.

– Кто же?

– Бывший космический пилот на рейсах Планета – Луна

– Вторая Планета.

– Лайк?

– Да.

– Как стрелка? – спросил психиатр, по-видимому, у ассистента, стоявшего сзади.

– Все ответы на синей точке.

– Значит, правда.

– Конечно. Вы думали, сюда может проникнуть разведчик? Сомневаюсь...

– Разбудите.

– Совсем?

– Нет-нет. Неполное пробуждение. Интервал между снами.

– Переключение на сомнифокс?

– Попробуем.

Мне освободили зажим венчика. Я сымитировал пробуждение и полуоткрыл глаза.

– Спите, спите, – строго сказал психиатр. – Вам хорошо. Голова не болит. В глазах – туман. Постепенно розовеющий. Вспоминаете детство.

Должно быть, ассистент нажал где-то нужную кнопку. Легкий укол в висках, и – ничего. Миллионы невидимых частиц-стражей, введенных в мой мозг Эллен Мит, снова от-

бросили агрессора. Сознание не выключилось. Я мог с любой картинностью представлять свое детство по своему выбору. Лайк в детстве играл с теткой в мяч. Пожалуйста! Я отчетливо представил себе бледнеющий к центру розовый туман, а в центре в разрыве стройную фигуру молодой женщины в белом – золотой обруч, как мой венец, обхватывал падающие на виски волосы. Он бросала мне мяч. Я возвращал его, но, должно быть, не точно, потому что женщина вдруг вскрикнула, вернее, я представил себе этот голос и эти слова: «Куда бросаешь, Чабби? Почему в сторону?» Я повторил бросок, себя не видя. Женщина со смехом поймала, отступив по зеленеющему газону лужайки. Мужской голос рядом заметил:

– А у него цветные сны. Любопытно.

– Не очень, – сказал психиатр. – Нет локальности. Может быть, это из книжки. – И добавил, повысив голос: – Детство, Лайк, детство! Дом, улицу, вывески.

Я тут же представил себе черную, матово отполированную, как ружейный ствол, дорогу сквозь мутное от дождя ветровое стекло машины. Лес, лес, лес, потом коттеджи с черепичными крышами в глубине садов за ажурной решеткой заборов и рекламные вывески на придорожных столбах: «Электроника „Ди-Ти“ у вас дома» и «Лучшие в мире собачьи галеты Деккера».

– Пейзаж? – услышал я.

– Пожалуй, север континента. «Электроника» рекламиру-

ется только там. Да и слишком уж много леса.

Психиатр не вмешивался, молчал.

А я уже сменил кадры фильма о детстве и юности Чабби Лайка, экс-космонавта СВК. Затемнение. Из затемнения. Поле с воротами в виде широкой буквы «Н» и суета здоровенных парней в красных и синих свитерах и шлемах, как у автогонщиков. Я вырываюсь из гущи схватки и бегу к воротам, обняв драгоценную дыню-мяч. Мне бросаются под ноги парни в синем и валят на землю. Затемнение, скорее затемнение! Я ведь никогда не был на поле во время игры. А из затемнения – сад колледжа во время экзаменов – сколько раз я видел эти колледжи в фильмах: кусты барбариса, клены, скамейки, коротко стриженные девушки в шортах и парни с катушками микрофильмов.

А психиатр все молчит, но в конце концов забава начинает надоедать и мне и ему.

– Разбудите, – говорит он.

– Совсем?

– Совсем.

Я открыл глаза и увидел его хмурое, разочарованное лицо.

– Проснулись? – спросил он равнодушно.

– Выспался, – ответил я и потянулся для достоверности.

– Сны видели?

– Конечно. Вы их тоже видели.

– Почему? – встрепнулся он.

– А зачем же было подключать меня к этой штуковине? –

отпарировал я. – Не ребенок – понимаю, где я и что к чему.

– Тогда проводите объект проверки к господину Уоррену, – сказал психиатр ассистенту у кресла.

Вот я и стал не человеком, а объектом проверки. Был объектом наблюдения, кем стану? Объектом подчинения интересам службы безопасности. Цель почти достигнута, сказал бы мой учитель. Ну что ж, пошли.

Мы дошли до огромного кабинета Уоррена со стенами-окнами, выходящими на пирамидальный мир движущегося города. Уоррен, массивный, мундирный, возвышался за столом, как божок со сложенными на животе руками.

– Отмучились? – спросил он.

– Вам лучше знать, – сказал я.

– Жалобы есть?

– На что?

– На процедуру проверки, обращение контролеров, на то, что вам бы хотелось назвать оскорблением человеческого достоинства.

– У меня нет такого желания, – сказал я, – и нет ощущения оскорбленного достоинства. Процедура проверки хитроумна, но безвредна. Обращение вежливое.

– А вы хитрите, Лайк.

– Зачем? – спросил я. – Зачем хитрить? Не яищу места у Факетти. Меня ищут. А если не подхожу, пойду к Факетти за выездной визой. Оснований для задержки не вижу.

Гигантская длань опустилась мне на плечо и вдавила в

кресло.

– Не обижайтесь, торопыга. Шучу. Проверку вы прошли по всем пунктам и считайте себя уже на службе. Вот ваше заявление. – Он достал из черной папки на столе мою карточку с отпечатанным на диктографе текстом и оттиском большого пальца на месте подписи. – Ваш оттиск внизу, а мой я поставлю сверху против слова «утверждаю». – И, коснувшись пальцем подушечки с краской, он сделал оттиск на карточке. – Вот и все, Чабби Лайк. До понедельника вы свободны. Можете отдыхать и развлекаться, хотите – здесь, хотите – в Лоусоне. А в понедельник с утра явитесь к директору космопорта и покажете ему вот этот жетон. – И он протянул мне плоский золотой кружок.

На его тускло поблескивающей поверхности был барельеф доисторического летающего ящера. И я, кажется, понял почему.

– Желаю успеха, – сказал Уоррен.

Наши желания определенно совпадали.

Глава 19

вводящая в атмосферу «золотой лихорадки» на Второй Планете

В Лоусон мы выехали вдвоем с Джином Факетти на том же автоматическом песчаном кораблике, который доставил меня в СВК – два. Прихлебатели Джина прибывшие вместе с ним на Планету, предпочли пьяную карусель в отеле, где у семьи Факетти был открыт неограниченный счет. Единственным, кроме меня, выбравшим Лоусон был Стив Кодбюри, но он выехал туда раньше, получив назначение на пост начальника рудничной стражи. Джин был неподдельно обрадован тем, что мы оба не покидаем его «в беде», он так и выразился, считая бедой все, что ожидало его здесь. Но мое назначение он подписал туго, не без сопротивления, и когда я спросил его, почему он все-таки подписал, он вместо ответа извлек из кармана виточек магнитной ленты, вложил в корабельный передатчик и включил запись.

На экране возник Джин вместе с его выхоленным, чуточку обрюзгшим отцом. Тот прилетел в СВК – два на несколько дней раньше и, как оказалось, ненадолго. Запись началась с его недовольной реплики:

– Какая тебе разница? Он же остается на Второй.

– Кем? Пилотом, – скривился Джин. – Почти год в полетах и каких-нибудь два месяца отдыха. А мне скучно без друзей в этом кукольном городке под куполом. Не развернешься. Один приличный бар на всю посуду.

– Два, – сказал Факетти-старший.

– Второй еще хуже. Там после третьего стакана уже поножовщина. Из десяти дежурных гробов к утру больше половины заполнены.

– У твоей ложи в обоих барах защитные бронированные стекла. А друзья найдутся. Стив каждый вечер к твоим услугам.

– Со Стивом в порядке. Но мне нужен и Чабби.

– Он нужен Уоррену.

– Кто кому подчинен? Я Уоррену или он мне?

– Боюсь, что сопоставление не в твою пользу.

– Но я директор рудников Лоусона.

– А он – безопасность всей СВК на Планете.

– Так вмешайся ты. Все-таки «Шахты Факетти».

– От фирмы осталось одно название. Я вынужден уступить контрольный пакет акций.

– Кому?

– Шефу СВК.

– Значит, Уоррен – хозяин?

– Увы.

– А что добывают в этой проклятой Богом дыре?

– Металл, которого на нашей Планете нет.

– Дорогой?

– Дороже золота.

– Почему крутишь? Назови.

– Узнаешь, когда приступишь к работе. Я не имею права выдавать тайн Лоусона.

– А если я плюну в лысину его хозяину и пошлю к черту директорство? Не хочу быть пешкой на чьей-то доске.

– Ты не пешка. На доске есть фигуры. Разного достоинства и разных преимуществ. Лучше носить корону здесь, чем ходить дома в отцовской шляпе.

Джин как-то странно хмыкнул, не то зло, не то грустно, и выключил запись.

Я не ответил. Зачем? Он не сообщил мне ничего нового. Я и без магнитной записи знал, что Уоррен – это хозяин и что Лоусон – его кладовая. Теперь предстояло узнать, что добывается в этой кладовой. Что это за металл, которого нет на Планете и который дороже золота, но в золотой упаковке. И для чего добывается – для одарения или устрашения человечества. А тем временем мы уже стыковались в одном из входных шлюзов лоусоновского купола. Кладовая открывала двери, приглашая к столу.

Лоусон был уменьшенной копией СВК – два, только без движущихся тротуаров и улиц – его полуторакилометровый диаметр можно было без труда одолеть пешком, а от любой точки до выходного шлюза было и того меньше: самый длин-

ный путь не дотягивал до километра. По окраинным кольцевым линиям жили завербованные горняки, а в центре – администрация и работники сферы обслуживания. Все это было привычно и современно, но сама атмосфера города дышала тщательно репродуцированным духом «золотой лихорадки». Шляпы с широкими, загнутыми по бокам полями и клетчатые цветные рубашки, грубые сапоги и пистолеты у пояса возрождали ту же старинную картинку.

– Куда направляешься? – спросил Джин, когда мы входили в город.

– Разыщу директора космопорта, – сказал я.

– Подожди до завтра.

– Я же на службе.

– Под мою ответственность. Остановишься у меня в «Мекензи». А вечером поужинаем под свист в салуне.

– Почему под свист?

– Здесь всегда свистят, предупреждая брошенный нож или пистолетную вспышку.

– Так ведь закон запрещает входить с оружием в общественные места.

– Закон всегда молчит, когда умеют его обходить.

Нечаянно или нарочно «Мекензи» подражал древним гостиницам. Однокроватьный номерок с умывальником, но без душа и ванны – вода здесь ценилась дороже вина, – никаких кнопочных радостей и электронного сыска.

– Новый город, – пояснил Джин, – строился наспех у

рудничных разработок. Строить здесь со всеми удобствами невыгодно: основной контингент населения – работяги. Патрицианское меньшинство обосновалось в двух – трех зданиях, оборудованных соответственно нашим привычкам. Уедет отец – переберемся на его пепелище. Места хватит.

В салуне было дымно и чадно от поджаривающегося тут же в зале мяса, от тлеющих сигар, трубок и сигарет. У стойки не протолкнешься: пили стоя, облокотясь о прилавки из твердой пластмассы, – даже молнии лучевиков не оставляли на ней следа. За столиком шумело по пять – шесть человек, десятки столиков в зале, десятки в ложах справа и слева. Джин получил столик тотчас же, как только его заметил рыжебородый директор, этакий штангист. Преобладали куртки и ковбойки, буквально затоплявшие дымный простор салуна. И тотчас же за столом к нам примостился Стив.

– Без меня счастья не будет, – хохотнул он.

– Подумаешь, фортуна в брюках, – сказал Джин.

– А что? Я антипод Лайка. Где Чабби – там одни неприятности, где я – удача.

Я молчал. Не хотелось связываться. Подали виски, и, отхлебнув из бокала, Дикий снова вышел на тропу войны.

– В секретари взял Чабби, а?

– Он мне даже не подчинен, – сказал Джин. – Он космолетчик.

– Где?

– У лысого Криса.

– И проверку прошел?

– Представь себе, с блеском.

– Ого! – В голосе Стива на миг прозвучало почти уважение, впрочем тотчас же сменившееся былой нетерпимостью. – Значит, брикеты будешь возить?

– Буду, – сказал я сквозь зубы.

– В золотой одежке. Думаешь, золото?

– Не думаю.

– А что внутри, знаешь?

– А ты знаешь? – спросил Джин.

– Знаю. Металл «икс».

– А чему равен икс в этой задачке? Чему служит, знаешь?

– Нет, конечно. И не интересуюсь – незачем. Мое дело – охрана порядка. Все надсмотрщики рудников. Подобраны из профессионалов. Вон посмотрите – гуляют.

За два – три столика от нашей ложи шестеро мордастых, плечистых парней с бычьими шеями, лениво раскачиваясь то вправо, то влево, монотонно тянули даже не песню, а одну только фразу из песни: «Хорошо жить легко, широко... Хорошо жить легко, широко...»

– Вот мы им и даем эту легкость и широту. Пистолет, хлыст и кредитные билеты Системы в здешнем банке. Билетов много, но и работенка не сахар. Металл «икс» радиоактивный, мощнее урана и гораздо токсичнее. Излучает и после очистки на обогатительной фабрике. Трудно тебе будет с рабочими, директор. Мрут, как в эпидемии.

– Где же их лечат? Я не видел больницы, – сказал Джин.

– Ее и нет. Здешние лейкозы неизлечимы.

– Значит, крематорий или просто кладбище?

– Зачем? А «зыбучка» на что? Недалеко, всего километра полтора. Швырнешь в лиловый песок, и затынет. Как ложку в киселе.

Дикий так и сиял, удивляюсь, как меня не вытошнило.

– Какая гнусь! – не сдержался я.

– Здесь нет электронной записи, Чабби, но я могу ее заменить. Так сказать, в индивидуальном порядке.

– Заменяй. Ты уже ползал у меня на четвереньках. Поползаешь еще раз.

– Не выйдет, Чабби.

– Ты думаешь? – холодно спросил я и тем же приемом – ребром ладони – стукнул его по шее.

Он свалился тут же, хлюпнул и затих.

– Зря ты его, – поморщился Джин.

– Встанет, – зевнул я.

– Кто встанет, мальчики?

Гладкая, как бильярдный шар, голова склонилась над нашим столиком. Уоррен был в замшевой курточке с золотой бляхой начальника службы безопасности.

– Не поладили, – дернул подбородком Джин, указывая на барахтающегося под ногами Дикого.

Уоррен не спеша подсел к столу.

– Если ты еще не в раю, Стив, вставай и не симулируй, –

сказал он.

Стив Кодбюри, крихтя, поднялся, вытер слезы и слюни и сел молча с отрепетированной поспешностью.

– Значит, не поладили, – продолжал Уоррен, – а почему? Тебе слово, директор.

– А что говорить? – нехотя откликнулся Джин. – Стив рассказал о том, как хоронят в «зыбучке» умерших от радиации. С таким увлечением рассказывал, что Чабби не выдержал.

Уоррен уже не улыбался.

– А о чем еще он рассказывал?

– О радиоактивном металле «икс», – вмешался я, – и о неизлечимых лейкозах, об отсутствии медицинской помощи, о массовой смертности в городе. Ну, я и наказал его как умел.

– Правильно сделали, Лайк. Болтунов надо наказывать. Утри рот, Стив, и считай, что еще дешево отделался, – я бы наказал строже. А металл действительно радиоактивный. – Уоррен уже адресовался ко мне, игнорируя Кодбюри. – Работать придется в специальном скафандре, даже вам, летчикам. Кстати, вы уже были у директора порта?

– Я просил его задержаться на день. Под мою ответственность. Надеюсь, ничего страшного, – виновато улыбнулся Джин.

– Страшного не произошло, – отчеканил Уоррен, – но мои приказы не отменяются, господин Факетти. Никем, – подчеркнул он. – Запомните. А вам, Лайк, надлежит явиться

уже не к директору космопорта, а, поскольку я здесь, ко мне непосредственно. Уйдете на Планету не сегодня и не завтра. Пока транспорт готовится к полету и погрузка только началась, понаблюдайте за процессом подготовки рейса. Вы его хозяин – вам и отвечать. Привыкайте. А ты, Стив, – обернувшись он к послушно выжидающему Дикому, – завтра же покажешь директору все его хозяйство. Оно не ограничивается, как у Лайка, одной территорией. Начните с открытых карьеров, побывайте на обогатительной. У конвейера не задерживайся – побереги директора хотя бы от радиации. Без охраны пойдешь?

– Возьму двоих – хватит, – буркнул Стив.

– Тогда все, – резюмировал Уоррен. – Вам тоже не советую сидеть здесь допоздна. Денек будет шумный.

Он вышел, за ним Стив, даже не простившись с Факетти. Он, видимо, спешил объяснить с Уорреном. Джин сидел хмурый, скорее опечаленный, чем недовольный.

– Не нравится мне все это, – сказал он.

– А ты не складывай лапки, – усмехнулся я. – Привыкай, присматривайся. Накапливай материал. Уоррен не Бог, да и ты не комарик. Для началаними скрытой камерой все, что увидишь. Пригодится.

Глава 20

о том, как добывается и переправляется на Планету псевдозолото Лоусона

Уоррен был точен. Я тоже. Ровно в девять раздвижные створки дверей впустили меня в «святилище». Уоррен ожидал на полдороге к столу, молча подвел меня к молочно-белой, без всяких украшений глянцевой стене, молча нажал кнопку, и стена превратилась в подсвеченную изнутри карту владений СВК на Планете, страны Чабби Лайка, уступившего мне свою биографию. По мере нашего приближения карта менялась, континент рос, вытесняя все к нему примыкающее. Города приобретали рельефность, реки – синеву, а дороги трехмерность, какую дают плоским лентам шоссе движущиеся по ним экипажи.

Так же молча Уоррен взял указку, обыкновенную школьную указку, похожую на бильярдный кий, и ткнул ею в квадратик на территории южной пустыни.

– Здесь, – сказал он, – будете приземляться. Локаторы укажут место. Проследите за разгрузкой, или, вернее, перегрузкой брусков на электрокары и проследуйте вместе с ними по трем номерным шоссе вот сюда. Это форт «Икс» без

названия, где и хранится металл. Отдых два дня в любом районе Восточного Мегалополиса. Продление исключается.

– Все бруски загрированы под золото? – спросил я.

– Все. Удачный камуфляж, не правда ли?

– Не знаю. Золотой грим может вызвать повышенный интерес искателей приключений. Глухой район. Пустыня.

– Транспорты следуют с такой охраной, что любое нападение практически исключается. Извне, – подчеркнуто добавил он. – Если же кому-либо удастся проникнуть в бригаду сопровождения, известный риск, конечно, имеется. Но его всегда можно предупредить.

Я молча глядел на черный квадратик в пустыне. Именно здесь наиболее вероятна удача акции, какие бы силы ни стояли на страже. А что нужно, в конце концов? Всего один кусок металла весом в десять – двадцать килограммов. И еще только смелость, изобретательность и находчивость.

Так я беспечно размышлял у карты, еще не видя этих брусков. Меня преследовала навязчивая мысль: почему Уоррен намекнул о возможности нападения изнутри? Действительно ли он предполагал такую возможность или провоцировал меня? Может, да, может, нет, ответить я не мог, но учесть был обязан.

А между тем мне еще предстояло участие в новом эпизоде задуманного Уорреном спектакля. Не спеша облачились в специальные скафандры из плотной ткани, пропитанной каким-то неприятно пахнущим химическим препаратом. «За-

щита», – пояснил мой начальник. От чего – от яда атмосферы или от псевдозолотых слитков? «От того и другого». С этим веселеньким напутствием я и вышел на простор под сиреневым небом. Черная, воронено поблескивающая дорожка довольно быстро пронесла нас мимо стекловидной крыши, выдолбленной в скальном грунте рудничной обогатительной фабрики, на серую площадку космодрома, где уже возвышалась знакомая мне от верхушки до лап синяя транспортная ракета. Другие более широкие металлические дорожки подвозили к ней штабеля желтых, тускло поблескивающих брусков. А что, если каждый из них весит не десять и не двадцать килограммов, а более центнера? Тогда украсть такой брусок незаметно, как я планировал, будет совершенно невозможно. «Попробуйте счетчиком», – усмехнулся Уоррен, заметив мое любопытство. Счетчик показал смертельную дозу излучения: псевдозолотые бруски убивали скоро и верно, и только скафандры с антирадиационной пропиткой позволяли нам находиться рядом в полной безопасности. Я сразу почувствовал себя как студент, решивший труднейшую математическую задачу, или как криминалист, разгадавший тайну самого зловещего преступления года. Скорее как криминалист, которому именно сейчас стали известны результаты экспертизы. Пока на Планете на специальных заводах с помощью сложнейших механизмов физико – химики отчаянно трудятся, вырабатывая килограммы искусственно синтезированного блистона, здесь добывают его из недр Плана-

ты тоннами, как руду. Хорошо еще, что полет на Планету Длится несколько месяцев и ракета не принимает больших грузов. Но два – три года такого хищнического накопления блистона позволят компании Факетти (или кто там за ними стоит?) реально захватить власть в СВК. Блистон сегодня дороже золота, в тысячи раз дороже, а значит, это власть, и неограниченная, подчиняющая себе промышленность, экономику и, следовательно, политику. И это опасно – сосредоточение власти в одних руках, к тому же не очень чистых. Мой учитель был прав, предполагая авантюру с мировым резонансом. И я должен был сорвать ее, именно я, и никто другой.

Я уже думал об этом раньше. Мне был необходим всего один брусок, чтобы «Свободное содружество» могло обвинить СВК в нарушении договора о геологических разработках в космосе. Но как незаметно украсть кусок металла весом около центнера и – что еще труднее – столь же незаметно переправить его на один из наших континентов? Срочно требовалась связь. В Лоусоне ее не было – оставались Линнет в СВК – два да Мак-Брайт в Мегалополисе. Смотри куда я сумею добраться раньше.

А вечером на квартире Факетти-старшего, оставленной им в наследство сыну-директору, разговор о металле «икс» был продолжен. Джин записал на магнитную пленку все, что услышал и увидел. Против обыкновения он был мрачен и неразговорчив.

– Будешь комментировать?

– Спрашивай, – нехотя отозвался он, – мне и самому не много объяснили.

Первые же кадры цветного микрофильма показали глубокий вырез в скальном грунте на краю уже не песчаной, а каменистой пустыни, широкий ступенчатый каньон, наподобие рудных или соляных карьеров, с той лишь разницей, что цвет породы был мышино-серый с вкраплениями тускло поблескивающего металла, почти черными, как мазки туши. Это и был блистон, добываемый только в лабораторных условиях, ценнейший металл, совершивший переворот в атомной энергетике и породивший цепную реакцию международных соглашений, обуславливающих его разработку и применение. На ступенчатых склонах этого искусственного каньона сутились люди в зеленых, а порой до серости запыленных скафандрах, откалывая и размельчая породу отбойными молотками.

– Я и сам удивился этой древности, – ответил на мой недоумевающий взгляд Джин. – Оказывается, из-за секретности разработок сюда не ввозят современных рудничных машин. Все делается, как и встарь, молоточной пневматикой, а металл с кусками измельченной породы грузится на конвейерные ленты лопатами.

Похожие на лягушек люди с зелеными спинами и серой от пыли грудью своей скафандровой шкуры, повинувшись какому-то навязанному им ритму, бросали на движущуюся ленту

транспортера широчайшими алюминиевыми лопатами размельченную молотками породу. Все делалось молча, не слышалось ни вздоха, ни голоса – только дробный стук молотков и скрежет лопат о камень.

– Почему они молчат? – спросил я.

– Они не молчат. Только у них в скафандрах нет приспособлений для открытого разговора. Они общаются на микрорадиоволнах. Я их тоже записал.

Не выключая телезаписи, он включил другое микроустройство. И я услышал:

– ...двадцать шестая волна... двадцать шестая... Торди, ты? Слышишь?

– ...слышу... не нуди... у меня пальцы немеют в скафандре...

– ...это от молотка... вибрация... а почему Грэм молчит? Включаю двадцать девятую...

– ... Грэм здесь... кто говорит?

– ... Джонни... попроси перекур...

– ...сам проси... Буль, поганый зверь, переведет на ленту... ломаемся...

– ...сорок третья... сорок третья... встречаемся в шлюзовой очистке...

– ...говорит Буль... откуда взялась сорок третья? Узнаю – на ленту без ужина!

– ...пальцы немеют... прошу перекур...

Джин с сердцем выключил пленку.

– Понравилось? Мне тоже. Впору самому просить перекур. А на обогатительной еще слаще. Смотри.

Он снова включил телезапись. На обогатительной фабрике в пылающей пасти подземных печей выжигалась порода и очищенный металл поступал в плавильни, откуда на ленту конвейера вылетали знакомые бруски, еще не окрашенные. Красильщики в зеленых лягушачьих скафандрах красили их длинноствольными распылителями.

– Рядом стоять опасно даже в специальных скафандрах. Иногда подводит пропитка, – пояснил Джин.

А минуту спустя я как раз это и увидел. Один из красильщиков то ли споткнулся, то ли неловко сманеврировал распылителем и чуть не упал на брусок, едва успев подставить ладонь в перчатке скафандра. Но, видимо, пропитка в ней была недостаточной. Он бросил краситель и выпрямился, да странно как-то выпрямился, не сразу, а шатаясь, словно ища опору, чтобы не упасть. Никто не подошел к нему, лишь надсмотрщик нагнулся и выключил краситель, а пострадавший медленно побрел куда-то из кадра.

– Вот так и подводит пропитка, – сказал Джин. – Смертельная доза облучения. Его уже на «зыбучку» свезли.

– Живого?!

– А что? Так даже гуманнее. – В глазах у Факетти прыгали предательские искорки.

– Выпей, – промолвил я, протягивая ему бокал. – Успокойся. Что-нибудь придумаем.

Джин встал, неожиданно успокоенный, даже холодный.

– Я уже придумал, – сказал он.

– Что?

– Полечу с тобой.

Глава 21

в которой сбывается предупреждение Уоррена, а Лайк неожиданно теряет друга

Почти пять месяцев спустя после этого разговора я посадил космолет в южной пустыне в Системе, посадил мягко и профессионально, словно всю жизнь только этим и занимался. Сигнализировал в грузовой отсек автомеханику о подготовке к выгрузке и спустился по трапу на желтый песок. Следом за мной сошел и Джин. Оба мы были в защитных скафандрах, и только это помешало обоим уткнуться носом в теплый пушистый песок родимой планеты.

– Пошли, – сказал я Джину через внешний разговорник скафандра, – разгрузят и без нас. За эти месяцы мне, признаться, изрядно надоели и скафандры, и радиация, и пресловутый металл «икс», и Уоррен.

– Мне тоже, – поддакнул Джин.

И мы не спеша пошли к зданию космовокзала – комбинации нержавеющей стали и пластмасс. В этом засекреченном уголке цивилизации – на сто миль в окружности не было никаких признаков человеческого жилья, а широкое применение на транспорте беспроводной передачи электроэнергии

сделало ненужными даже бензоколонки – царила прохлада и тишина. Автоматический кнопочный бар снабжал всеми видами синтетических блюд и напитков, и не было рядом ни микрофонов, ни соседей по стойке. Мы были одни, освеженные душем, освобожденные от надоевших скафандров, трудностей перелета, и, хотя, казалось, должны были смертельно надоесть друг другу в пятимесячной изоляции, искренне радовались, как друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

– По второму кругу! Пошли.

– Хоть по третьему.

Но радиоголос тотчас же объявил нам, что погрузка закончена и электроль ждет нас у выхода. Наш кортеж состоял из двадцатитонного электрокара с надежной противорадиационной изоляцией, куда был втиснут весь зловещий груз нашей ракеты, небольшого аэробуса с вооруженной охраной и нашего бронированного электроля, замыкавшего шествие. Двигались мы вдоль шоссе не только потому, что оно служило нам ориентиром, но и потому, что мощные струи сжатого воздуха при столкновении с измельченной ветрами и солнцем почвой пустыни создавали такие пылевые туманности, что терялась не только видимость, но и скорость.

– Как хорошо! – вырвалось у Джина.

– Что хорошо? – спросил я.

– И пустыня, и песок, и даже эта чертова поездка. Как мне надоела Вторая!

– Она мне тоже надоела, но ничего хорошего в этой поезд-

ке не вижу. Кстати, Уоррен упрямо и настойчиво предупредил меня, что наше «золото» легко может стать приманкой для разбойничьих шаек.

– Глупости. Ты просто мнителен.

– Поживем – увидим.

Окружающая нас пустынная глушь была даже красива в своей величавой изменчивости. То растекалась к горизонту палевая мягкость песка, то подымались невысокие, выветрившиеся, причудливой формы скалы, будто раскрашенные мелкими трех различных цветов – красно-рыжего, коричневого и синего. Только пастель обладает такой успокаивающей сдержанностью цвета. Но успокаиваться как раз и нельзя было. Впереди в нескольких километрах от нас скалистые формации сближались, пропуская дорогу, и я невольно подумал, что именно здесь могло бы и произойти нападение, о возможности которого говорил Уоррен.

И не ошибся. Когда мы въехали в скалистую полуарку, уже издали было видно, что дорога впереди завалена огромными камнями, через которые наш перегруженный электрокар, конечно, перепрыгнуть не мог: мощные струи сжатого воздуха приподнимали его от земли не выше чем на полметра. Он и остановился, выбросив три толстые короткие лапы. А дальше начались странности. Грузчики в скафандрах, сопровождавшие бруски, выбрались из отсека электрокара через люк в поддоне, но вместо того, чтобы занять огневые позиции, поползли безоружные под прикрытие скал. Охран-

ники же в автобусе почему-то не подъехали к остановившемуся электрокару, а, выскочив, разбежались кто куда. Трех – четырех замешкавшихся полицейских срезала очередь из-за ближайшего, наклонившегося над шоссе утеса, остальным удалось добежать до зарослей кустов в обломках выветрившегося камня и занять оборону. Но их и не трогали. Людей в штатском с голубыми повязками на рукавах, вооруженных не лучевиками, а дальнобойными беззвучными автоматами, интересовали не охранники, а бруски в фургоне. Кстати, полицейские не сделали ни одного выстрела, радушно позволив нападающим открыть заднюю стенку фургона и добратся до нашего псевдозолота.

Все это мы наблюдали, остановившись примерно метрах в пятидесяти от электрокара, в пасти которого уже скрылось несколько человек в голубых нарукавниках.

– Они с ума сошли, – простонал Джин. – Там же смерть!

Он рванулся к открытой двери машины, но я удержал его:

– Не торопись. Здесь мы в безопасности, а им все равно уже не поможешь.

– Надо же предупредить о радиации!

– Нам не поверят.

Он продолжал вырываться с перекошенным от гнева лицом:

– Пусти. Еще есть время.

– Нет времени. Они уже полутрупы. Почему, ты думаешь, не стреляет охрана? Боится? Чепуха. Каждый стражник по

умению владеть оружием стоит трех нападающих. Но он знает, что открывшие фургон уже не выживут.

– Я еще успею предупредить остальных. Гляди, они уже падают.

Я не успел остановить его. Размахивая руками, он бежал мимо оставленного охраной автобуса к электрокару.

– Оставьте брусок! – кричал он. – Это не золото! Это не золото!

– Джин, назад! – отчаянно крикнул я.

Поздно! Подкошенный смертельной очередью остановивших фургон автоматчиков, Факетти рухнул на шоссе, даже не вскрикнув.

...Глупый мальчик. Кого он хотел предупредить и кто бы ему поверил? Псевдозолото убеждало само и наверняка. Не прошло и десяти минут, как успевшие осознать это и не прикасавшиеся к брускам нападающие скрылись за скалами, даже не пытаясь помочь оставшимся на шоссе. Люди, должно быть, сообразили, что эти полутрупы сами таили в себе опасность и любое прикосновение к ним угрожало жизни. Не заинтересовались ими и вернувшиеся охранники. Брусок снова погрузили в электрокар люди в скафандрах, замкнули заднюю стенку и, не общаясь с охраной, скрылись внутри через люк в поддоне.

Заметив лежавшего на шоссе Джина, один из охранников подошел к моему электролю.

– Убит? – спросил он равнодушно.

Я пожал плечами: сам видишь.

– Это тот, который кричал и махал руками? – спросил он. – Так ему и надо. Кто он?

– Факетти, – сказал я. – «Шахты Факетти». Младший. Охранник свистнул.

– Пожал то, что посеял старший.

– Не говори лишнего, – сказал я.

Он выпрямился и козырнул:

– Есть не говорить лишнего. Разрешите забрать труп?

– Положите его ко мне в машину.

И мы двинулись дальше в том же порядке. Трупы не убрали – их снесли с дороги воздушные струи наших машин. Я даже пожалел этих людей: ведь они погибли, уверенные в правоте своего дела. И Джина убили с той же уверенностью. А я ехал с сухими глазами – плакать не мог, не умел! – сознавая, что потерял друга, любившего меня, верившего мне безоговорочно и всегда готового выслушать и помочь.

Глава 22

о том, как можно иногда обмануть смерть

Мне оставили мой электроль, чтобы я мог добраться до Милтон-отеля и сдать машину в гараже под расписку. После бюрократического оформления сдачи груза в засекреченном форте «Икс», где меня не пустили дальше приемной дирекции, у меня оставалось всего два дня до отлета на Вторую. За сорок восемь часов я должен был разыскать Мак-Брайта и передать ему всю информацию о рудниках и об их назначении. Путь к Мак-Брайту лежал через Ли, а путь к Ли через одну-единственную явку у ремонтно-заправочной станции, где Ли работал механиком. Последняя ниточка связи, и я молил всех богов, чтобы ее не успели оборвать.

Дорога на Мегалополис напоминала улицу в часы «пик», только с ускоренным втрое движением. Я гнал свой электроль со скоростью не меньше двухсот пятидесяти километров в час, но меня то и дело обгоняли более скоростные машины. Все дороги в эти дни строились с широкими полосами отчуждения – арендованными или закупленными у правительства лугами и огородами, только без обычных проводочных ограждений, чтобы машины на воздушных подуш-

ках в случае необходимости могли маневрировать, уклоняясь в сторону от шоссе. Видимость была превосходной, рекламные щиты, подвешенные высоко над дорогой, не мешали обзору, автоматическое управление работало безупречно, и, казалось, ничто не предвещало опасности. А она между тем неожиданно-негаданно следовала позади с неотвязной настойчивостью.

Однако я все же ее заметил. Большая, черная, тупорылая машина двигалась за мной, сохраняя неизменную полукилометровую дистанцию между нами. Похожая на дельфина, она и двигалась, как дельфин, грациозной синусоидой, взлетая и снижаясь над широким шоссе. Я увеличил скорость, рассчитывая уйти от преследования. Напрасно: дистанция между нами оставалась прежней. Замедлил – черный дельфин сделал то же самое. Тогда я выехал на обочину и остановил машину, мягко севшую на клеверный луг. Оглянулся, черный дельфин прильнул к земле на той же дистанции.

Я задумался. Преследование или осторожно подготовляемое нападение? Вернее последнее. Управление безопасности – а кому же, кроме ведомства Бигля – Тейлора, была нужна моя персона? – могло засечь каждый мой шаг на территории Мегалополиса, а следовать за мной по пути в город было пустой тратой времени: ведь конечной цели поездки я ни от кого не скрывал и с момента посадки на космодроме никакими видами связи не пользовался. Значит, нападение.

Тогда с какой целью? Похитить или уничтожить? Похищать бессмысленно: легче открыто арестовать меня до или после сдачи злополучного груза. Уничтожить? Возможно. Решение устранить меня могло быть принято без ведома Уоррена непосредственно по прибытии моем на Планету. Конечно же Уоррен ничего об этом не знал: я – то ему был нужен...

Почему же они не нападают? Должно быть, из осторожности. Видимо, устранить меня следует незаметно, без лишнего шума и без свидетелей. А на дороге слишком много машин, полицейских и контролеров, проверяющих лицензии на право проезда по федеральным шоссе. Вероятно, нападение произойдет после поворота. Основная магистраль тянется к Брего – южным воротам Мегалополиса, и поворот на север сразу сократит транспортный поток вдвое. Я знал этот поворот – у рекламного щита с названием любимого детского лакомства – конфет «Коми». От этого щита до рекламы спортивных товаров на пятисотметровом отрезке по обеим сторонам шоссе ровный некошенный луг, на который не составит никого труда сбить с дороги попутную или встречную машину, в особенности если у тебя прочный бампер.

Я мысленно подсчитал. Если я увеличу скорость до трехсот шестидесяти, меня занесет на повороте на всю луговину и я успею сделать петлю. За пять-шесть секунд я успею пройти петлю как раз там, где дельфин на еще большей скорости вырвется на боковое шоссе. Затормозить и ударить с расчетцем он уже не успеет, а столкновение на такой скорости – ка-

тастрофа для обоих. Единственное, что может спасти его, – это прыжок над моей машиной. На это я и рассчитывал.

За четверть часа до поворота я резко повысил скорость: триста, триста тридцать, триста шестьдесят. Дельфин отстал. Сейчас будет наверстывать. Но я уже не видел его – передо мной за поворотом была луговина, куда меня здорово занесло. Не понижая скорости, я сократил петлей отрезок шоссе в тот самый момент, когда на него черным смерчем вылетел тупорылый дельфин. Все произошло, как я и планировал. Затормозить и ударить он не успел, я услышал дробный стук пуль, отраженных броней моего электроля, и тут же – свист мощных воздушных струй.

Этого мгновения я и ожидал. Сквозь щель, образованную чуть приспущенным ветровым стеклом, я полоснул по пронесшейся надо мной черной тени молнией своего пистолета-лучевика. На броне она бы только запеклась металлической корочкой, но незащищенное брюхо машины вскрыла, как нож консервную банку. Черный дельфин скособочился в воздухе и грохнулся у шоссе, перевернувшись в траве несколько раз.

Ли я нашел на ремонтно-заправочной станции уже вечером, когда поток электролей и электрокаров обмелел и утих. В форменной тужурке и фуражке с круглым большим козырьком Ли узнать было трудно. Косметологи вывели веснушки, подбородок окаймила неухоженная борода, у губ легли жесткие складки. Только глаза еще напоминали о ко-

гда-то наивном и доверчивом мальчике. Сейчас исчезла и доверчивость.

– Что угодно? – спросил он, не узнавая меня или не желая узнавать.

– Мне угодно, Ли, срочно видеть Мак-Брайта.

– Не знаю такого.

– И меня не знаешь?

– Не знаю.

В прищуренных глазах его, мне показалось, блеснула усмешка. Я понял. Требовался пароль.

Я знал его. Но с тех пор прошел год. Пароль могли изменить, а выхода у меня не было.

– Боковые батареи вот-вот выйдут из строя, – сказал я.

– Когда вы это заметили?

– Два часа назад на муниципальном тракте.

– Левая или правая? – продолжалась игра.

– Левая. Особенно в дождь.

– Я к вашим услугам, господин Лайк, – тотчас же откликнулся Ли. – Пароль заменен, но я понимаю, что вы могли об этом не знать. Были на Второй?

– Был, парень. Поэтому и требуется Мак-Брайт. Через тридцать шесть часов опять улетаю.

– Можете подождать до конца смены?

– Не могу. Дело не ждет.

– Тогда вам придется поработать механиком, – сказал он, подумав. – Покуда меня не будет. Не так уж трудно. Я вам

все объясню.

– Не надо. Справлюсь.

– Примерьте. Может, подойдет. – Он скинул куртку и снял форменную фуражку.

Я с трудом напялил курточку худенького Ли на свои плечи. Застегиваться, естественно, не стал. Сойдет.

– Если подъедет контролер, скажите, что вы новый диспетчер, – добавил Ли. – Да они и не интересуются ничем, кроме счетчиков.

Я сел на трехногую табуретку у двери станции, проводив глазами скрывающуюся в темноте крохотную машину Ли. Тишина и темнота окружали меня, как в склепе. Город в этом районе уже спал, а поздними вечерами улицы освещались плохо – старая энергосистема не выдерживала возросших нагрузок. И тут же полоснули светом два передних прожектора электроля. Он подрулил к тротуару, выбросив лапы, и женский голос из окна деловито спросил:

– Вы механик?

– Я.

– Проверьте аккумуляторы и давление в трубах.

– Сию минуту.

Женская голова в цветной косынке высунулась из окна, и знакомый голос протянул удивленно:

– Чабби, Бог мой! Что за маскарад?

Я взгляделся: Жаклин.

– Когда же вы успели? – воскликнул я. – Вылетели вслед

за мной?

– Я не согласовываю своих передвижений с вашими, Чабби. Но вы не ответили на мой вопрос. Почему вы здесь в этой шапке?

– Поступил механиком в компанию. Разве нельзя?

– Бросьте шутить. Я серьезно.

– И я серьезно. Не люблю неуместных вопросов, Жаклин.

– Тогда проверяйте аккумуляторы.

Я проверил и зарядил. Не спеша, молча, не обращая внимания на вылезшую из машины и наблюдавшую за мной Жаклин. Вытер руки тряпкой, висевшей у изоляторов, наклонился и сказал:

– Готово.

Она протянула мне деньги, села в машину и, закрывая дверь, сказала с воркующей нежностью в голосе:

– Вы забыли мое имя, Чабби. Это во-первых. Во-вторых, для меня ничего не изменилось, и я не проявляю интереса к вашей новой профессии. И в-третьих, хочу встретиться с вами, как бывало, наедине.

– Послезавтра я вылетаю обратно, – отрезал я.

– А сегодня вечером?

Отказаться? Грубо. И слишком уж демонстративно-загадочно. В моей профессии следует избегать загадочных ситуаций. Достаточно уже этой куртки и проверки аккумуляторов. Я снова поклонился и сказал:

– Если вы настаиваете, не возражаю.

– Не будьте сухарем, Чабби. Вы где остановились? В «Милтоне», как и раньше? Я тоже. Десятый этаж, сто двенадцать. Когда?

Я мысленно прикинул, сколько времени займут у меня встреча с Мак-Брайтом и переезды по городу, и не очень твердо проговорил – авось откажется:

– Часа через два примерно. Могу опоздать немного.

Но она не отказалась:

– Обязательно, Чабби. Не подводите. Жду.

Ли не задержался. Он прибыл через десять минут после отъезда Жаклин.

– Мак-Брайт в баре «Омпала». На сороковом километре по дороге в Мегалополис. Пароль не нужен – бармен свой. Скажите, что прислал я.

– Гениально, – сказал я. – А тебе надо уходить отсюда немедленно. Исчезнуть. Я завалил твою явку, мальчик. Так уж случилось – не вини. Меня узнали.

Ли не стал вдаваться в подробности.

– Сейчас уходить? – спросил он.

– Сейчас. Я подвезу тебя. Только не домой – квартира исключается. Выбирай другую нору и другое обличье.

Я высадил его, не доезжая до моста. По-моему, он был не огорчен, а даже обрадован этой неожиданной перемене в судьбе. Я же был смущен и встревожен: в трудной жизни Мак-Брайта прибавится еще забота о восстановлении явки.

Я нашел его на верхней галерее шумного окраинного ба-

ра, где легко было затеряться среди захмелевших разномастных людей. В полуоткрытой кабинке на двоих разговаривать можно было свободно – Мак-Брайт и «свой» бармен об этом позаботились.

– Долго тянешь, Лайк, – начал Мак без приветствий.

– Связи нет.

– А Линнет?

– У нее нет связных в Лоусоне. Он засекречен, как форт «Икс» на Планете.

– Что еще за форт «Икс»?

Я рассказал.

– Значит, все-таки блистон, – проговорил, помолчав, Мак-Брайт.

– Увы.

– Твой транспорт – второй по счету с начала разработок. Мы проследили.

– Учитывая грузоподъемность космолетов, два транспорта – это почти тридцать тонн.

– Нам нужен всего один брусок. Охрану можно перебить, электроль не проблема, скафандры тоже.

– С антирадиационной пропиткой. А это уже проблема. Коэффициент излучения очень высок.

– Ты когда вылетаешь? – задумался Мак-Брайт.

– Завтра вечером.

– Придется доложить Первому. Может быть, еще сегодня. Об инструкциях сообщим.

– Пароль, явка?

– Не будет. Найдем тебя, когда будет нужно. Кстати, с этой минуты каждый твой шаг с нашей страховкой.

– Тейлор? – спросил я понимающе. – С Уорреном мы поладили. Он мне доверяет.

– Вот именно поэтому Тейлор, видимо, решил, что ему удобнее тебя устранить. Они же с Уорреном терпеть друг друга не могут.

– Знаю, – усмехнулся я и рассказал о схватке с черным дельфином.

Мак-Брайт встревожился:

– С электролем они нас предупредили. Но с булавкой мы еще успеем.

– Какая еще булавка? – не понял я.

– Обыкновенная. Заколка для бантов и галстуков. С золоченой головкой, каких сотни в любом универмаге. Только эта не в фирменной упаковке, а в стеклянном тюбике от таблеток «Альфа» и смазана особым химическим составом.

– Яд?

– Не смертельный. Но даже легкая царапина вызывает истощение нервной системы. Ухудшаются слух и память, слабеют соображение и реакции. А через месяц ты уже ни на что не способен – разве только что ставить штампы на почтовых конвертах или подметать улицы.

– Кому же поручен укол?

– К сожалению, нам не удалось выяснить личность агента.

Но известно, что он встретится с тобой сегодня.

– Сегодня вечером я встречаюсь с Жаклин Тибо. Личность, по-моему, уже выяснена. Интересно другое: я только полчаса назад условился об этой встрече, заменяя Ли на ремонтной станции. Жаклин нашла меня там неожиданно для себя самой.

– Возможно, что и неожиданно. Но встреча с тобой сегодня вечером была запланирована у них на случай неудачи дельфина. Они знали, куда ты едешь, и, несомненно, проинструктировали Жаклин.

Я вынужден был согласиться.

– Где состоится встреча?

– У нее в Милтон-отеле.

Мак поморщился.

– В трехкомнатном номере люкс миллион способов спрятать крошечный тубик с булавкой. У нас нет шансов его найти, даже если удастся провести обыск. Придется устранить Жаклин, не кривись.

Возражать Мак-Брайту было бесполезно, да и чем бы я мог мотивировать свое возражение. Враг есть враг.

С чувством нарастающего беспокойства я добрался до отеля и поднялся в номер. Света не зажигал: в темноте лучше думалось, а подумать нужно было о многом. Еще одно препятствие удалено с пути, а сколько таких препятствий еще ожидало меня на Второй. Время шло, я не считал ни минут, ни часов и уже собрался было зажечь свет, чтобы по-

читать на ночь, как чей-то глухой, странно знакомый голос остановил меня:

– Не старайтесь, Лайк. Ток отключен.

– Кто здесь? – спросил я, осторожно вынимая пистолет.

– Спрячьте его в карман, Лайк, – снова услышу я. – У меня очки, позволяющие видеть в темноте. К тому же в своих не стреляют.

– В своих? – повторил я удивленно.

– Когда-то мы уже беседовали.

Я вспомнил трущобы Мегалополиса, длинный коридор и дверь, которая открылась без скрипа, комнату-пенал в темноте и хриплый мужской голос. Этот же самый глуховатый, властный голос привыкшего руководить человека.

– Первый? – спросил я, замирая.

И услышал ласковое, родное:

– Ты не ошибся, сынок. Это я.

Я даже онемел от удивления. Оказывается, Первый – мой соотечественник. Земляк, законспирированный в диктаторской резиденции. Жизнь – риск, жизнь – борьба, жизнь – подвиг. Один неверный шаг...

– Как вы рискнули прийти сюда? – вырвалось у меня. – В электронную мышеловку! На базар, где вас знает каждый!

– Мышеловку можно разрядить, а на базаре преобразают грим и костюм. На мне сейчас, например, табачный пиджак отельного сыщика. А свет отключен потому, что не хочется, чтобы у тебя создалось обо мне ложное впечатление. Внеш-

ность моя сейчас, мягко говоря, мало согласуется со словами.

– Вы же могли послать Мак-Брайта.

– Твои сообщения настолько важны, что Мак-Брайта пришлось срочно послать в ОСГ – наша подпольная дорога туда еще пока действует. Но вернется он с ответом лишь через несколько дней. Поэтому и пришлось рискнуть мне. Другой связи нет, а ты вылетаешь завтра.

– Утром, – сказал я.

– Тем более. И несколько месяцев в пути. А передать инструкции на Вторую – сложное дело. Если их утвердят, сигнала не будет. Если нет – уведомим.

– Что требуется?

– Один брусок блистона. Взять его здесь трудно – согласен. Еще труднее – переправить в ОСГ. Усложняет все радиация. Поэтому и решили сделать это на Второй Планете. Проще взять и проще переправить...

– Куда?

– На контролируемый нами сектор Планеты. План твой, средства обеспечит Линнет, помощников найдешь сам: в Лусоне недовольных полгорода.

– И Лайк исчезнет?

– Исчезнет Лайк, родится другой. Ты же не собираешься менять профессию?

– Пока она еще нужна, – вздохнул я, – а завтра, быть может, уже не понадобится.

– Вполне вероятно, но до завтра еще есть время. И человеку твоей профессии понадобятся не только ум и отвага, но и оружие. Разное оружие. Даже такое. Возьми.

Я протянул руку в темноту и ощутил на ладони что-то маленькое и гладкое, похожее на тюбик губной помады. А голос продолжил:

– Булавка Тейлора. Я воспользовался случаем, чтобы передать тебе ее лично – не хотел подпускать к тебе незнакомых связных. Держи тюбик при себе – он из прочного неразбивающегося стекла – и никогда не открывай, пока не понадобится. А теперь прощай. Свет включат тотчас же после моего ухода.

Минуту спустя я увидел булавку, вернее, только тюбик из черного, похожего на металл стекла. Но раскрывать его я не стал.

Ах, Жаклин, Жаклин!.. К сожалению, я не умею писать надгробные эпитафии.

Глава 23

в которой Лайк находит друга на рудниках Лоусона

Неприветливым, настороженным и холодным показался мне Лоусон. Теплота дружбы Джина Факетти как-то скрашивала мое пребывание в этой дыре с искусственной атмосферой и климатом. Теперь же меня ожидало одиночество в тягостно чужом и неприязненном мире, равнодушие окружающих, их незаинтересованность и душевная глухота. Кто мог помочь мне найти выход из лежавшего передо мной лабиринта? Уоррен? Возможно, и он, негативно, конечно. В какой-то степени он мог стать пружиной придуманного мной механизма. Встретил он меня внимательно, даже радушно, живо интересовался подробностями гибели Джина Факетти, даже упрекнул меня в том, что я недостаточно энергично удерживал Джина от бессмысленного предсмертного шага, и вдруг в заключение разговора спросил:

– Вы, наверное, знали его подругу Жаклин Тибо?

– Конечно, – сказал я, – только впервые узнаю о том, что она была его подругой.

– Они скрывали это, чтоб не раздражать старшего Факет-

ти. Старик не особенно одобрял эту близость.

И правильно, что не одобрял. Только никакой близости не было, Уоррен почему-то соврал.

– Вы встречали ее перед вылетом? – спросил он.

– Нет. – Тут я мог не бояться соврать: она ни с кем не встречалась и никому не звонила – это проверили. Видимо, хотела сделать сюрприз своему шефу. – А почему вас это интересует?

– Она исчезла.

– Вероятно, уехала куда-нибудь развлекаться, – продолжал я игру в той же манере.

Но Уоррен уже не скрывал своей озабоченности.

– Ни на Юге, ни на Западном побережье, ни вообще в пределах СВК ее не нашли.

– Лазерная связь, вероятно, стоит больших денег?

– Безусловно, – согласился он, – но почему вы об этом спрашиваете?

– А стоит ли тратить их ради такого события, как исчезновение Тибо?

Уоррен мгновенно понял игру.

– Вы очень догадливый человек, Лайк. Но не злоупотребляйте своей догадливостью. Жаклин не доверяла вам, она никому не доверяла, кроме своего разлюбезного Тейлора. А я вам верю. И цените это. – Он встал, массивный и картинный, позволяя мне откланяться и уйти.

Что преследовал этот допрос о Жаклин? Не считали же

они меня виновным в ее исчезновении. Чушь какая-то... Но за мной сейчас, несомненно, будут присматривать. Пусть! В Лоусоне мне пока ничто не грозит...

Но я ошибся. Вечером от нечего делать я отправился «отдыхать» в один из двух лоусоновских салунов. Я выбрал второразрядный – во-первых, потому, что в «Мекензи» уже был, а во-вторых, потому, что не хотелось встречаться со Стивом Кодбюри: вероятно, новый генеральный директор рудников выбирает для своих развлечений более аристократические притоны. И я опять ошибся.

Но об этом потом. Салун встретил меня воем электроджаза, пьяным галдежом за столиками, клубами дыма у потолка и полированной стойкой бара, по которой можно было гонять кружки с пивом, как кегельные шары. Я присмотрелся к ней, поймал полную кружку и оглянулся на молча сосущего пиво соседа.

– Айк? – спросил я.

Ко мне обернулось обросшее русой бородой лицо моего недавнего знакомого, «первака» из бара центрального космопорта. Он не сразу узнал меня: в своем живописном мундире пилота я мало походил на прощелыгу, перемахнувшего через стойку, чтобы удрать от проверки.

– Значит, не сцапали? – улыбнулся он.

Я свистнул:

– Не от таких уходил.

– А теперь кто ты?

– Космик. Вожу вашу бодягу домой.

– Бруски?

– Ага.

– Будь они прокляты! Сбежал бы, да некуда.

– А ведь говорил: не все ли равно, что в скафандрах. Дышать дают, заправку тоже.

– Дают. Контракт на пять лет, а ты уже через год инвалид.

Я задумался. Кажется, открывался рычаг воображенного мной механизма.

– Говоришь, сбежал бы, да некуда. А вдруг есть куда?

– Может, с собой возьмешь? Спрячешь в машине?

– Приземлимся на военном космодроме. Только сядем – схватят.

– Так куда же бежать? Кругом пустыня. «Зыбучка» да камень.

– А за пустыней?

– В зону Содружества?

– А что тебе их бояться? Думаешь, местные слаще?

– Не думаю... А как сбежишь? Ножками? На второй день свалишься. Да и в баллонах сжатого воздуха часов на восемь, не больше. Нужна машина, Чабби. А где ее раздобудешь?

Я огляделся по сторонам и сказал, понизив голос до шепота:

– Подумаем. У меня здесь, между прочим, тоже не рай. Тсс...

Я предупредил ответ Айка. К нам подходил Стив Кодбю-

ри в кожаном пиджаке с дубинкой у пояса. С такими же эластичными, шокowymi дубинками шагали позади трое его телохранителей – ражие парни, косая сажень в плечах.

– Привет блудному сыну, – усмехнулся он нагло, – в честь возвращения прикажу, пожалуй, жарить барашка.

– Не фиглярничай, – сказал я. – Противно.

Он присел возле меня у стойки. Телохранители стали сзади.

– Противно? – повторил он с издевкой. – А как мне было противно слушать Жаклин.

– О чем же? – спросил я невинно.

– О волке в овечьей шкуре. Она тебе никогда не верила. Только здесь молчала.

Я оглянулся. Телохранители выстроились угрожающим веером. Аик куда-то исчез. Вероятно, не захотел связываться с директором. Что ж, по-человечески это понятно.

Я решил отбиваться, пока есть время.

– Бред собачий. Кто поверит психованной бабе? Даже Уоррен не верил.

– Я поверил.

– К счастью, ты не всемогущ.

– Достаточно силен, чтобы проучить тебя здесь и отвезти на «зыбучку».

– Не рискнешь. Я еще нужен Уоррену.

– А что он узнает? О пьяной драке в салуне, где не слишком уважают законы?

– Есть свидетели – зал полон.

– Кто из них рискнет пойти против меня в открытую? Тебе конец... Я только свистну...

Но свистнуть он не успел. Я сбил его одним ударом с табурета, успев стать к стойке спиной. Маневр был своевременный, потому что один из телохранителей тотчас же ринулся на меня как таран. Я отбросил его ногами. Но парировать дубинку второго не успел – только отклонился чуть-чуть так, что удар пришелся в плечо. Укол электротока сковал меня, в глазах потемнело, защищаться я уже не мог – только обхватил голову руками, чтобы смягчить еще удар. Но удара не последовало: кто-то отшвырнул охранника с такой силой, что тот опрокинул в падении соседний стол. Я поднялся, сообразив, что у меня появились союзники. И не ошибся.

Десятка полтора завсегдаатаев салуна, сидевших в зале – в дыму я не сумел сосчитать точно, – буквально навалились на банду Дикого, обезоружив и выловив каждого поодиночке. В пять минут все было кончено. Стиву плеснули чем-то в лицо, от чего он буквально взвыл, стоя на коленях и протирая кулаками глаза. Так его, «коленопреклоненного», и вынесли за дверь, выбросив вслед и его растерявших дубинки охранников. Я даже не успел поблагодарить неожиданных избавителей – они тут же разошлись к столикам в зале, вероятно заняв прежние свои места. Возле меня остались только Аик и рослый белобрысый малый со шрамом на лице и пудовыми кулачищами, которые, как оказалось, и отшвырнули парня с

дубинкой.

– А я думал, что ты смылся, – сказал я Айку.

– Смылся, чтобы людей собрать. Сразу учуял, чем пахнет.

– Мы друзей не бросаем, – вступил в разговор парень со шрамом.

– Род Мэллори, – представил его Айк, – мы с ним бок о бок в карьере работали.

– Сейчас я на обогатительной, – пояснил Род, – зову Айка напарником, а он не идет.

Я мгновенно учел ситуацию. Именно на обогатительной мне и требовались помощники.

– Соглашайся, Айк, не прогадаешь. К воскресенью чтобы ты уже был на обогатительной. Кто там у вас контролером на шлюзе?

– Индюк Гиш, – сказал Род.

– Индюк – это имя?

– Нет, кличка. Такой же надутый и жадный.

– До денег?

– Еще как!

– Подходит, – сказал я, не объясняя ребятам, что я задумал: поймут позже. – Значит, до воскресенья, здесь же. А сейчас расходиться, пока Стив не вернулся.

– Он не вернется. В салунах свои законы, и не ему их отменять.

– Подстережет в карьере.

– Подстереги лягушку на болоте, – усмехнулся Айк. – Все

зеленые, все в скафандрах.

Но меня могли подстеречь у отеля. Поэтому я прямехонько из салуна направился в шлюзовой зал. Все уже спали, и заспанный дежурный в гараже долго разглядывал мой пилотский жетон, прежде чем завести машину. Но, проснувшись, завел ее без промедления и даже не перепутал пропускные кнопки в шлюзах.

– Энергии хватит? До СВК – два?

– Всю пустыню пройдет в любом направлении. А на СВК – два ставьте курс 114 и спите спокойно, – зевнул он.

К утру я уже шлюзовался у купола СВК – два. Служба безопасности, несомненно, была осведомлена о моем прибытии, и потому, не играя в прятки, я публично заказал по видео номер в отеле, добавив, что выезжаю немедленно. Пусть присылают наблюдателей. Сам же пошел к открывшимся уже киоскам, нашел журнальный и, как и предполагал, сразу увидел Линнет. Она деловито развешивала по стендам журналы в пестрых обложках.

– Надеюсь, мне уже не придется вспоминать о старых номерах «Новостей»? – спросил я, не здороваясь.

Линнет не удивилась:

– Приехал за деньгами?

– Откуда ты знаешь?

– Догадалась. О твоём задании мне известно. Для этого нужны люди и деньги. Людей ты найдешь сам или уже нашел на месте, а за деньгами приехал ко мне. Я даже скажу, сколь-

ко тебе нужно.

– Пять тысяч.

– Возьми десять.

– Вы щедры, моя милая.

– Не я, Чабби. Первый. Когда ты хочешь их получить?

– Сейчас.

– В отеле?

– Нет. В отель я не поеду. Опасно: могут следить.

– А где же передать деньги?

– Выезжаю на электроле немедленно, но со скоростью черепахи. Догонишь в дороге.

Пакет с деньгами был вручен мне на пятидесятом километре от СВК – два.

Глава 24

в которой Лайк переигрывает Уоррена и выполняет задание Центра

Линнет не переборщила с деньгами: десяти тысяч хватило вобрез. Индюк запросил шесть, да по две пришлось обещать шлюзовым механикам, впускаявшим и выпускавшим металл с обогатительной фабрики. Мой механизм должен был действовать так: за одну – две минуты до полудня, когда работа прекращалась на обеденный перерыв, Индюк выпустит на транспортере один брусок за пределы купола в сопровождении Айка и Рода. Транспортер тут же выключается, и брусок мгновенно перегружают на ожидающий у шлюзового выхода электроль. Я включаю управление, и мы со своей добычей уходим в пустыню. А время работает на нас: сигнал тревоги из-за обеденного перерыва запаздывает, надсмотрщики прохлаждаются в баре, гараж закрыт, и мы выигрываем у погони не меньше ста километров.

План был прост и рассчитан на мгновенность и согласованность действий. Самым уязвимым его местом был электроль. Требовался бронированный, чтобы предохранить от обстрела из дальнобойных пулеметов погони, а единствен-

ный бронированный электроль в Лоусоне принадлежал Уоррену. Любой ценой я должен был получить его, обеспечив свободу действий после этого по крайней мере в течение часа. Но как? Подделать подпись Уоррена на письменном приказании о выдаче машины? К сожалению, у меня не было под рукой человека, способного сделать это с достаточной точностью. Да и Уоррену самому мог потребоваться электроль именно в это время. Убить его? Где? В служебном кабинете, куда каждую минуту мог заглянуть любой из его подчиненных? Бред. Удобнее всего было бы выманить его в пустыню на той же машине, вспороть ножом скафандр и выбросить тело задохнувшегося в здешней атмосфере где-нибудь по дороге на космодром. Но такая операция потребовала бы точно рассчитанной и длительной подготовки, а в моем распоряжении не было и полных суток. Можно временно вывести из строя Уоррена – у меня имелись ампулы с нервно-паралитическим газом и сигареты, погружающие в сон с одной затяжки, но под каким предлогом я могу получить у него необходимое мне распоряжение о выдаче электроля? И тут я вспомнил о булавке Жаклин.

Впоследствии Дибитц назвал мой план чистойшей воды авантюрой, непростительной для разведчика, обязанного действовать только наверняка. Я же рисковал отчаянно и безрассудно, надеясь лишь на сопутствовавшую мне удачу, решительность и внезапность маневра и скрытую под маской все сильного повелителя обыкновенную человеческую тру-

сость, с таким вызовом я и шел к Уоррену примерно за час до начала операции на обогатительной фабрике.

Уоррен принял меня сдержанно и чуть-чуть удивленно:

– Соскучились по работе, Лайк?

Я решил не тянуть время.

– У меня неотложный и важный разговор. Кстати, важный не только для меня, но и для вас. Поэтому дайте световой сигнал на дверях, чтобы вас не беспокоили. – Я посмотрел на часы. – Сейчас десять минут двенадцатого. Скажем, до часу.

– Я не предвижу разговор такой длительности. Даже с вами, Лайк, – сказал Уоррен.

– Разговор будет недолгим. – Я подошел ближе. – До часу вы пробудете в одиночестве.

– Вы, кажется, угрожаете, Лайк?

– Не буду обманывать, да.

Я тут же извлек из нагрудного кармашка стеклянный тюбик, добытый у Жаклин, и вынул булавку.

– Узнаете?

– Булавка Жаклин. – Толстые губы Уоррена побелели. – Откуда она у вас?

– Профессиональный секрет. – Я поиграл злополучной булавкой. – Так вам знакомо действие препарата? Руки! – крикнул я, когда Уоррен потянулся к сигнальной клавиатуре. – Сидеть смирно. Вот так. Мне даже не понадобятся оправдания, когда вас, парализованного, найдут в кресле. Любой из ваших врачей поставит один и тот же диагноз –

инсульт. Вы же гипертоник, по комплекции видно.

– Вы пока переиграли меня, Лайк, – очень спокойно проговорил Уоррен. – Но я не торгуюсь. В моем положении это абсурд. Итак, что вам требуется?

– Небольшая услуга, значительно дешевле вашей жизни. Но я тоже не торгуюсь. Прежде всего наберите сигнал о том, чтобы вас не беспокоили. До часу. Только никаких тревог и прочих фокусов.

Уоррен покорно набрал на клавиатуре требуемый сигнал.

– Теперь предписание о немедленном предоставлении мне вашего электроля на неограниченный срок.

– Решили бежать?

– Вы угадали.

– В зону Содружества?

– Поразительная догадливость. Диктуйте.

И снова покорно подчинился Уоррен, выдав мне с диктографа требуемое предписание.

– Что еще?

– Пустяк. Крошечная штучка, которая продержит вас в состоянии неподвижности, – я взглянул на часы, – час сорок минут.

Я блефовал с лицом завязанного картежника, прикрепляя к ребру письменного стола миниатюрный микрофончик – крошотный металлический кубик с присосками и фальшивым циферблатом.

– Это взрывное устройство с циферблатом включено на

требуемое нам время. При малейшем вашем движении оно немедленно придет в действие. Не тянитесь ни к клавиатуре, ни к радио. И твердо помните, что полностью выключить механизм вы можете только в час дня. Ни секундой раньше.

С этими словами я вышел, оставив всесильного директора в состоянии боксера после нокаута. Я уже точно знал, что полтора часа с лишним он не предпримет никаких направленных против меня мер.

Но в одном я ошибся, и ошибки моей он не поправил. Обнаружил ее я уже в гараже, получая требуемую машину. «Броненосная и самая быстрая», – восхитился я, но дежурный механик заметил меланхолично: «Не самая. Ракета, на которых стреляют песчанок в пустыне, вдвое быстрее». Песчанок – пушных зверьков Второй Планеты – я в пустыне не видел, такой ракетой не пользовался, да и менять что-либо сейчас было уже поздно. И, получив золотистый электроль Уоррена, я ровно в двенадцать подал его к выходным шлюзам обогатительной фабрики.

Двенадцать часов одна минута. Шлюз закрыт.

Минута двадцать секунд. Я жду.

Полторы минуты. Начинаю тревожиться.

Две минуты. Входной шлюз выпускает на транспортере укороченную платформу с одним брусом и двумя сопровождающими в таких же, как и мой, зеленых скафандрах. С разговорником: я об этом уже позаботился.

– Грузи в багажник, – приказал я, открывая крышку.

Молниеносно брусочек с платформы был перегружен в багажник машины. Крышка захлопнулась.

– По местам, живо!

С такой же быстротой три зеленые лягушки скрылись в пасти золотистого электроля. Указатель я поставил раньше. курс сто девятнадцать. Точно по карте. Оставался пуск. Я не замедлил ни секунды, и машина рванулась с места со свистом воздушных струй, набирая скорость.

Ничего не произошло. Ни суеты у шлюзов, ни сигнала тревоги, даже очевидцы, какие были, должно быть, не поняли, что к чему. До освобождения Уоррена из ложного плена осталось около пятидесяти минут. Значит, при скорости до пятисот километров в час мы выигрывали не менее четырехсот километров. Две тысячи километров отделяли нас от зоны Содружества – четыре часа пути. Много. Ракета при всех возможных задержках догонит нас на полдороге. Я взял карту: лиловая лента пересекала наш путь примерно на тысячном километре – «зыбучка». Надо менять курс, чтобы обойти ее где-то справа или слева – лишние триста километров пути.

– Не меняй курса, – подсказал Айк, заглянув в карту.

– «Зыбучка», видишь? – пояснил я.

– Ну и что? Я знаю.

– На «зыбучке» не может быть воздушной подушки. Лиловый песок не оказывает сопротивления воздушным струям, свободно опускаясь под их давлением. А ширина какая!

Посмотри по масштабу – не менее пятидесяти километров. Никакой инерции не хватит даже при такой скорости. Не перескочишь.

– И все-таки повремени с курсом. Там кромка синюшника – я помню. И «зыбучка» суживается горловиной почти вдвое. Подойдем ближе – объясню.

Я согласился. Айк не безголовый – зря рисковать не будет. Подождем, если просит. А на обзорном экране, отражающем всю дугу горизонта позади машины, в рыжем пространстве пустыни возникла черная точка. Она двигалась, вырастая до размеров крохотного черного пятнышка. Погоня.

– Не рискуем, Айк? – обеспокоился Род.

– Они будут обходить нас справа, сокращая угол. Рассчитывают, что мы пойдем вдоль кромки синюшника. О «зыбучке» они тоже знают.

Зажужжал зуммер видео. Я откликнулся, не включая экрана:

– Кто?

– Боишься взглянуть мне в глаза, Чабби, – ответил динамик голосом Стива. – Включи экран.

– Зачем? – сказал я. – Ты мне надоел давно и достаточно.

– Не хорохорься, Чабби, – продолжал динамик, – тебе и твоим друзьям конец. Утопим в «зыбучке». Сдача на милость не поможет. Милости не будет.

«Хорек, – подумал я. – Злой и вонючий хорек. Знает, что на его стороне скорость». Динамик, всхлипнув не то от ра-

дости, не то от злости, умолк. Я включил видео.

– Будем отстреливаться? – спросил Род, перебираясь к щели скорострельного пулемета. – Я знаком с этой штукой.

– Подожди, – прервал Айк, – до «зыбучки» они нас не догонят.

Панорама впереди чуточку изменилась. Красный песок на горизонте искривился темной полоской. Приближалась «зыбучка». Она походила на лиловую реку или стоячую болотную гладь, окаймленную кустами синюшника. Приближалась она с чудовищной быстротой, пестрея косыми рыжеватыми полосами, как будто сотворивший ее создатель мазанул желтой кистью по фиолетовой грязи.

– Вышли правильно. Здесь, – удовлетворенно промолвил Айк. – У тебя сто девятнадцать на курсе? Убавь до ста восемнадцати, чуток влево. Именно здесь мы и нашли брод.

– Какой брод? – удивился я.

Какой брод мог быть в толще зыбучих песков, не выдерживавших никакой тяжести? Айк объяснил:

– Когда меня, штрафника, сунули в похоронную команду, именно сюда мы и поехали. Взяли с напарником одного мертвяка и швырнули метра за три в песчаную топь. А он не тонет. Лежит в песке и не всасывается. Я пнул багром – есть у нас такие багры для захоронки – чую: грунт не то камень, не то глина. Положил багор, перебрался на рыженькую полоску, где мертвяк лежал, – стоять можно. Метра два шириной под ногами, будто каменная стена в песке. Прошел мет-

ров пятьдесят – то же самое. Под ногами твердь, и конца нет, а по краям «зыбучка». Потом один из наших ребят до конца прошел, должно быть, километров десять: здесь «зыбучка» горловиной суживается. Ну а мы, понятно, об этом молчок, пригодится, думали, а шефа, который с нами был, сунули мордой в «зыбучку», да еще багром помогли. Вон, видите, синюшник по краю, а дальше полоска рыженькая. Здесь и проскочим.

– Так и они проскочат, – сказал я.

– Они загодя нас обходят, под углом. А справа брода нет. Либо в «зыбучку», либо в обход, если сообразят. А вернее, не успеют. Увидят, что мы прошли, и рванут. Где на такой скорости сообразить – не те головы.

Айк предсказал точно. На той скорости, с какой мы летели над песчаной пустыней, даже рассмотреть что-либо внимательно было трудно. Лиловая матовость песка впереди, кромка синюшника, бесконечно тянувшаяся куда-то влево, желтые песчаные проплешины на фиолетовой глади, уходившие рваной полоской к горизонту. Они приближались так быстро, словно несло их навстречу ураганом пустыни. А справа в обзорном стекле уж виднелась черная ракета, превратившаяся из куриного яйца в причудливо согнутый бочонок. Она действительно обходила нас справа в расчете на то, что мы повернем вдоль синюшника и тут они нас и достанут. Конечно, пробить стенки нашего электроля нельзя было даже бронебойным снарядом, но длинный черный бочо-

нок, вдвое больше нашего золотистого, мог пойти на таран, опрокинуть нас кверху брюхом и тогда уже пробить и дюзы, и баллоны со сжатым воздухом. В предварительной перестрелке мы и сами легко могли пробить машину Дикого; он, вероятно, допускал это и соответственно подготовился, но едва ли мог предполагать, что, не сворачивая, мы с той же скоростью пойдем над «зыбучкой». Он даже притормозил, увидев наш прыжок в лиловую песчаную муть, но раздумывал недолго. Дикий был глуп, но смел до неосторожности. «Они прошли? Прогнали. Так почему бы и нам не рискнуть? Скорость у нас вдвое выше». Так, вероятно, сработала его первая и все решившая мысль.

На скорости, с какой мы шли над «бродом» в «зыбучке», можно было увидеть только черный бочонок, похожий на кота в прыжке, метнувшийся над коварной гладью и терявший скорость с каждым мгновением. Он скользнул по песку и ушел в него, как торпеда. Две – три секунды – и все было кончено. Вероятно, они и вскрикнуть не успели, хотя жили в своей песчаной могиле до тех пор, пока не достигли дна или пока не иссяк кислородный запас.

Мы шли уже не так быстро, и все внимание наше было приковано к рыжим проплешинам «брода», а гибель преследователей была столь молниеносной, что мы на нее даже не реагировали. Только Род протянул «Н-да...», но, не услышав отклика, тоже умолк. Лишь когда прошли «зыбучку» и песок привычно покраснел до самого горизонта, я, глубоко вздох-

нув, посмотрел на часы. Два с четвертью. Почти полтора часа осталось до цели.

– Я шел наверняка, а все-таки страшно, – задумчиво сказал Айк, – вот так, как они...

Я не ответил. Дикий, Уоррен, Жаклин и все с ними связанное стало вчерашним днем, о котором не думалось. Разведчик, как шахматист, не вспоминает уже сделанных ходов, а рассчитывает варианты дальнейших. Я и рассчитывал, уже мысленно шифруя лазерограмму Дибитцу о выполнении задания.

Но Рода, должно быть, неотступно преследовала мысль о погибших преследователях.

– Бросьте вы об этом, – прервал я его, – еще сорок минут, и мы дома.

– Ты дома, а мы? – сказал Айк.

И снова застрекотал зуммер видео. Я даже обомлел. Откуда?

– Кто говорит? – спросил я.

– Включите экран, – услышали мы чей-то приказ.

– Подожди, не включай, – шепнул Айк. – Вдруг это Лоусон?

– Лоусон далеко, а кругом пустыня. Включаю, – решил я.

На экране в незнакомом военном мундире возник человек лет тридцати у пульта с клавишами.

– Говорит пограничная служба Свободной зоны. Сектор второй. Кто вы и откуда?

– Соедините меня с начальником службы безопасности, – потребовал я. – Уполномочен доложить только ему.

– Не вижу оснований для переключения.

– Сообщите, что говорит Даблю-си.

Человек подумал немного и сказал с плохо скрытым недовольством:

– Хорошо. Переключаю.

Начальник службы безопасности, тоже в мундире, оказался лет на десять старше передавшего вызов пограничника.

– Кто из вас Даблю-си? – спросил он с экрана.

– Я.

– А остальные двое?

– Рабочие рудников Лоусона. Поскольку оба в скафандрах, отличить их нельзя. Помогали мне в исполнении приказа Центра и просят политического убежища в нашей зоне.

– Что можете сообщить дополнительно?

– Со мной брусок «икс-металла», добываемого на рудниках Лоусона. Брусок окрашен в золотой цвет, но это не золото. Металл сильно излучает, и касаться его или находиться поблизости можно только в скафандрах с антирадиационной пропиткой. Если таковых нет, изолируйте электроль до отправки бруска на Планету. И еще одно... – Я помялся.

– Говорите. Нас никто не слушает.

– Надо срочно передать лазерограмму на Планету. Я продиктую ее сейчас в зашифрованном виде.

И я продиктовал длинный ряд колонок с пятизначными

цифрами.

– Будет сделано, – сказал начальник службы безопасности. – Скафандры у нас есть, брусок выгрузим и изолируем до отправки. Если поручитесь за ваших спутников, можете передать им, что после необходимой проверки право убежища будет им предоставлено.

Когда экран отключился, Айк спросил:

– Ты говорил о нас. Что он ответил?

– Что вам обоим будет и кров и работа.

На горизонте показался сверкающий на солнце, как гигантский алмаз, прозрачный купол большого города.

– Это их город? – взволнованно спросил Айк.

– Это больше, чем город, – сказал я. – Это свобода.

Глава 25

в которой Лайк убеждается, что его профессия еще нужна

Световой сигнал на двери приглашает войти.

Я медлю, оценивая ситуацию. Вторая Планета позади, Айк и Род посланы на курсы механиков, мой брусок и документация – микрозаписи и микросъемки – ушли на Планету на два месяца раньше меня. А я вынужден был отлеживаться в госпитале, избавляясь от остаточной радиации, которая все-таки доконала меня, должно быть из-за плохой пропитки скафандра.

И вот я прибыл домой, как говорится, к шапочному разбору. Что же я узнаю, прочту или услышу? Отворяю дверь и вхожу в кабинет, в котором неоднократно бывал. За последнее время события нагромождались кучно и вразбивку, создавая мелодию суетливой, напряженной, путаной, тревожной и радостной жизни, где все служило победе, на которую «был запрограммирован хитроумный и удачливый Чабби Лайк».

За столом сидел тот же Дибитц, может быть, в той же поношенной замшевой куртке, и высокий белый лоб его так

же морщился над умными глазами, которые могли заморозить или согреть. Тот же Дибитц, придумавший Чабби Лайка, вдохнувший в него жизнь и бросивший ее в океанские и космические дали, как ракету, не промахнувшуюся до цели. Только вены на руках его чуть-чуть набухли да поредели, пожалуй, прядки в каштановом хохолке на лбу.

– И ты не помолодел, мальчик, – сказал он, привстав и подвинув кресло вплотную к столу.

– Вы научились уже и мысли читать, – откликнулся я.

– Нетрудно. Ты взглянул на мои руки и волосы – они первыми свидетельствуют об утраченной молодости. Здоров?

– Уже.

– Могу поздравить тебя с возвращением и победой. Правда, пока еще подспудно, втайне, для окружающих ты по-прежнему Чабби Лайк.

– Чабби Лайк умер.

Дибитц вздохнул:

– И рад и жалею, Рад потому, что Лайк сделал невозможное, а все-таки жаль, что он уже полностью рассекречен. Портреты твои, милоч, обошли все газеты мира – увы! Но кто, в сущности, помешает тебе воскреснуть?

– Так меня же каждая собака узнает.

– Собака, может быть, и узнает, а человек – нет. Есть средства, неузнаваемо меняющие внешность, есть биографии, которые ждут воплощения, и дела, требующие твоего ума и таланта. Но о будущих делах потом. Поговорим о сде-

ланном. Ты уже знаешь результатах?

– Кое-что из газет.

– Дополню штрихами, так сказать, закулисными Твой блистон был расшифрован сразу. И нашими лаборантами, и международной комиссией физико – химиков. В СВК заартачились: лабораторные анализы, мол, проведены без их участия. В скафандрах работать отказались, потребовали специальной изоляционной камеры с манипуляторами. Только не помогли уловки. Блистон чистенький, беспримесный. Состоялась встреча на высшем уровне. Ну и согласились: с золотой маскировкой покончить, излишки добытого блистона изъять на потребу мирного строительства, рудники в Лоусоне взять под международный контроль. Расписались под документом, пожали руки и признали инцидент исчерпанным. В кулуарах похвалили тебя за ум и хитрость – еще бы, переиграл начисто их гроссмейстеров контрразведки! Гроссмейстерам, конечно, дали по шапке – Уоррена перевели куда-то пониже, Тейлора подобрали промышленники – где-то командует у них сыском и черными списками, ну а Бигль пока не у дел. Ждет назначения.

– Мак-Брайт уцелел?

– К счастью. До него так и не добрались – не оставил следов. А Док у нас.

– Слышал.

– Такому трудно в подполье – слишком заметен. Но рвется назад. Не знаю, может быть, согласимся – пошлем.

– А Даблю-эй?

Генерал прищурился и помолчал, как-то странно помолчал, сквозь улыбку, не то чтобы насмешливую, но с предвкушением явного удовольствия. Потом вызвал по видео приемную, посмотрелся во что-то на экране и сказал:

– Просите.

И в комнату вошел – у меня рука не подымается написать кто...

Бигль!

Разведчик привык к неожиданностям, ему не положено открыто выражать свои эмоции – удивление, страх или радость, он всегда собран и готов к самому удивительному, чего и предположить не мог. Но я так и застыл с открытым ртом, как школьник в кинотеатре. Все, что угодно, только не это, но Бигль вошел, чудной и непривычный, в штатском, такой же грузный, седой и величавый, каким я привык его видеть на фотографиях или в тех редких случаях, когда он появлялся публично – на юниэкранах.

Бигль, кряхтя, уселся напротив, молча, с какой-то хитринкой подмигнул шефу, а тот сказал:

– Теперь закрой глаза, бывший Лайк. На минуточку. Только по-честному.

Я повиновался и вдруг услышал до жути знакомый голос:

– Ну вот мы и снова встретились, сынок. Первый!

Я онемел.

Бигль – Первый?!

Бигль – Даблю-эй?!

И Бигль – душа Сопротивления – «слама», впитавшего в себя все оппозиционные группы и партии, всю ненависть народа к последней олигархии на Планете! Чудеса!

– Обалдел, – усмехнулся Дибитц. – А еще разведчик.

– Классный разведчик, – сказал Бигль. – Не смейся. Первого он знает по голосу, а по кодовому обозначению я был для него невидимкой.

– Если кодовое обозначение открыто, значит, больше не встретимся, – вздохнул я.

– Как знать, сынок. Твоя профессия еще ну^, на. Пока нужна. Мы уже с тобой говорили об этом СВК – как гнилое яблоко: снаружи румянится внутри – труха. Слама становится силой, с которой уже трудно совладать. А партия, сынок, наша партия знает, как и куда направить эту силу и как умножить ее. Не помешали старые Тейлоры и Уоррены, не помешают и новые.

– А где же будет старый Бигль?

– Найдется работенка. Пока я им тоже еще нужен.

– Как же вы рискнули приехать сюда? А если хватятся?

– Не хватятся. Для них я где-то отдыхаю. А где именно – у меня еще есть привилегия не сообщать о своих маршрутах.

Шеф вынул из сейфа папку в черной обложке. Я понял, что разговор окончен, и встал.

– Тебе бы отдохнуть, – сказал Дибитц, – воспользоваться передышкой. Месяц – другой. Где-нибудь на море.

– У тебя и спутница есть для отдыха, – добавил Бигль. – Я привез с собой Линнет. Ей тоже нужно отдохнуть и сменить перышки.

С крутого берега мы глядели на море. Стальное с белыми гребешками зыби, оно не ласкало и не манило. И гул прибора не взывал к курортной расслабленности.

Высоко над головой тянулись электрические провода к белой санаторной вилле между пиками деревьев. По проводу, тихонько пересвистываясь, прогуливались две крохотные птицы, именно прогуливались, не падая и не взлетая.

– Пернатые канатоходцы, – сказал я.

– Как в цирке, – улыбнулась Линнет.

– Там сетка. А на земле ее нет.

– Ты имеешь в виду – в жизни?

– Конечно. Мы же канатоходцы. Только без страховочного троса и без баланса. И уж конечно без предохранительной сетки вот так. А пока мы просто в отпуску.

– Отпуск кончился, Чабби, – вздохнула Линнет. – Возвращаюсь к канату.

– Получила вызов?

– Еще утром. А вечером улетаю.

– Завидую, – сказал я.

– Равнодушно завидуешь.

– Почему равнодушно – уверенно. С надеждой, что и я получу такой же завтра или послезавтра.

– Грустно, не правда ли?

– Профессия.

Перерыв, который и отпуском-то назвать нельзя было, подходил к концу.

И у Линнет и у меня.

Встретимся ли?

Эпилог

– Директора Бигля просят обождать три минуты в приемной, – пропел мелодичный невидимый голос. – Следите за световым табло.

«Пока еще директор, – внутренне усмехнулся Бигль, – только интересно, какого ведомства. Санитарного или кладбищенского? И всего три минуты. Что ж, обождем».

В приемной, как всегда, было пусто. Шеф СВК принимал лишь в крайних, исключительных случаях – обычно разговаривал только по видео. Но случай с Биглем был исключительным. Он уже не занимал никакого поста, и видео у него не было.

Нескрываемо ухмыляясь – пусть Снимают хоть все замуфлированные телепередатчики, – Бигль подошел к стене-окну, откуда открывалась панорама города. Новые улицы и площади вытеснили старые уголки: сохранившиеся еще с прошлого столетия здания казались старомодными провинциалами среди изысканных светских львов – причудливых сооружений, капризных геометрических форм, пересеченных садами и парками, вмонтированными в стальной или пластиковый каркас этажей. Все знакомо до мелочей. Родной город, родной дом. Даже в этой приемной все памятно – и масштабы манежа, и сверкающая эмалью и никелем пустота. А сердце сжимается от гнева и горечи за это издеватель-

ство над словом *родной*. Третий десяток лет он здесь, в чужой шкуре, в чужом стане, и все приглядевшееся, привычное, примелькавшееся не могло стать и не стало близким. Мир этот не отмылся оттого, что он, Бигль, живет по кодексу его законов, традиций и правил, и даже поношенный мундир свой надевает с утра с ненавистью, подавить которую бессилен, несмотря на все ухищрения мимикрии. И сейчас после потаенной поездки домой эта ненависть оборачивается физической тошнотой, перехватывающей горло. Три минуты! Что ж, он подождет эти три минуты, хотя они и кажутся ему часами, как в хирургической палате перед операцией.

Световое табло заиграло всеми красками спектра. Бигль подтянул мундир, поправил сбившиеся волосы и шагнул к неотличимой от стены двери.

– Я жду, Бигль, – сказала она знакомым голосом.

Над столом, как желтый фонарь, сияло одутловатое лицо шефа.

– Садитесь, Бигль.

Бигль сел, сохраняя почтительную неподвижность.

– Мне бы очень не хотелось, Бигль, чтобы вы затаили обиду.

– На что? – пожал плечами Бигль. – За то, что я упустил Дока и прозевал связи слама с разведчиком? Грубейшие ошибки и, естественно, закономерные последствия.

– Я уважаю строгость вашей самооценки, Бигль, – сказал шеф, – но вы преувеличиваете. Последствия не столь уж тра-

гичны. Вы просто возвращаетесь к своим сомниферам. Чему вы улыбаетесь?

– Вспомнил ваши слова: «Вы переросли их, Бигль». Значит, не перерос.

– Вернее, мы их недооценили. Они помогут не только выявлять сопротивляющихся, но и воспитывать подчинявшихся. Есть новые модели с гипноэффектом, запрограммированные на воспитание поощряемых навыков – не мысли самостоятельно, доверяй ведущим тебя, пресекай крамолу даже у себя дома и не жди, когда на тебя донесут, – доноси первым.

– Это эксперимент? – спросил Бигль.

– Пока да. Но мы надеемся на его успех.

Надейтесь, подумал Бигль. Во-первых, сомнифер, как и любой механизм, можно реконструировать. Снять гипноэффект или заменить программу. Во-вторых, электронное воздействие требует электронного же контроля – новых массовых серий машин, способных проверить программную направленность сомниферов. Таких машин еще нет. И будут ли? Эксперимент явно строился на песке, но Бигль перехватил восторженный взгляд шефа и сразу понял, что от него хотят.

– Полезный эксперимент, – сказал он. – Попробуем. – И встал.

Шеф тоже встал.

– Кстати, – добавил он, – ваше ходатайство о возвращении

Ли Джексона на работу удовлетворено. Перебежчик, вкусивший сладости слама, может оказаться полезным. Возьмете его к себе с организацией тщательной проверки и наблюдения.

– Будет исполнено, – заключил Бигль.

Ему очень хотелось взглянуть на преобразенного Ли, и он не разочаровался. Ли похудел, вырос и научился скрывать свои чувства. Ничего не отразилось на лице его при виде Бигля.

– Младший блок-инспектор Ли Джексон к смене готов, – отчеканил он.

– Не будем ворошить прошлого, сынок, – сказал Бигль. – Приступай. Работа знакомая, рутина.

Мальчишка уже многому научился – не только чувства скрывать. Ретив. Вдумчив. Нацелен. Хорошо. Сколько таких Ли пройдет через Бигля, одинаково его презирающих и готовых отдать жизнь по приказу Первого. Метаморфозы Бигля им неизвестны.

Но в этом и состоит своеобразие его пока еще нужной профессии.

